

EURASIA EMERGING MARKETS FORUM

SEPTEMBER 10-11, 2013

ASTANA, KAZAKHSTAN

АСТАНА, КАЗАХСТАН

10-11 СЕНТЯБРЯ, 2013

Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?

Michael Emerson

EURASIA EMERGING MARKETS FORUM

На пути к
«Большой Евразии»
Кто? Почему?
Что? Как?

Майкл Эмерсон

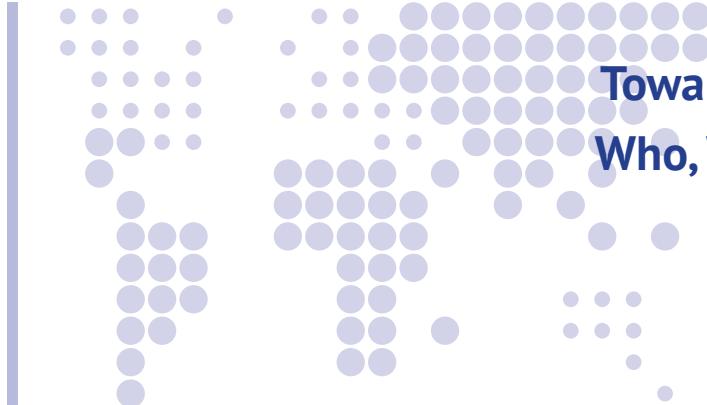
Table of Contents

Organizations and Abbreviations	2
Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?	3
Annex 1: East, Southeast, and South Asian Circles	32
Annex 2: Russian, Central Asian, and Eurasian Circles	34
Annex 3: European Circles	35
Annex 4: States of Greater Eurasia in the Top 12 by Population, Landmass, or GDP and Their Political Regimes	37
Annex 5: Megacities of the Greater Eurasia	38
Annex 6: Basic Principles of the Helsinki Final Act and the Treaty of Amity and Cooperation	39
References	40

Organizations and Abbreviations

- ADB** Asian Development Bank
- ADMM** ASEAN Defence Ministers Meeting
- AICHR** ASEAN Intergovernmental Commission for Human Rights
- APEC** Asia Pacific Economic Cooperation
- ARF** ASEAN Regional Forum
- ASEAN** Association of South East Asian Nations
- ASEAN+3** ASEAN + 3 with China, South Korea, Japan
- ASEAN+6** ASEAN +6 with Australia, India, New Zealand
- ASEM** Asia Europe Meeting
- BRICS** Brazil, Russia, India, China, South Africa
- CIS** Commonwealth of Independent States
- EAS** East Asia Summit
- EEA** European Economic Area
- EurAsEC** EurAsian Economic Community
- OSCE** Organisation for Security and Cooperation in Europe
- RCEP** Regional Comprehensive Economic Partnership
- RIC** Meetings of foreign ministers of Russia, India, China
- SAARC** South Asia Association for Regional Cooperation
- SCO** Shanghai Cooperation Organisation
- TAC** Treaty of Amity and Cooperation
- TPP** Trans-Pacific Partnership
- UNFCCC** UN Framework Convention on Climate Change

Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?

Michael Emerson

Introduction

The author has been invited to reflect on the possible value of some conception of a Greater Eurasia, embracing the whole of Europe and Asia, called at times the Eurasian supercontinent. This is done in the four following sections, whose abbreviated titles are: *Who? Why? What? How?*

Who? The geographer easily identifies Europe and Asia, albeit with some ambiguity over the Arab world. While the land supercontinent of Eurasia is at the core of our interests, simple geography is hardly an adequate basis to bring into account all political and economic issues, given the major role of the United States in both the Euro-Atlantic and Asian-Pacific communities and the effective integration of Australasia into Asia affairs.

Why? Three important states have long identified themselves as Eurasian (Russia, Kazakhstan, and Turkey), but it could now be in their interests to broaden and modernize their original conceptions. The political geography of the Greater Eurasia is currently in a state of turmoil. New regional groupings centered around East and South East Asia are proliferating at amazing speed. At the same time Europe is undergoing its own turmoil. And if there are to be both trans-Atlantic and trans-Pacific communities, should there not be also an overarching Greater Eurasian space in between or joining both? Or is it to remain an area defined in terms of its sub-regions, of selective links between sub-regions, and of its major states as independent poles in global affairs?

What? The possible agendas for the Greater Eurasia include first of all concrete matters that flow from land contiguity: land transport and energy pipeline corridors, trade relations and cross-border security problems of criminality and terrorism. But looking ahead the agendas will surely go much wider and deeper in the realms of

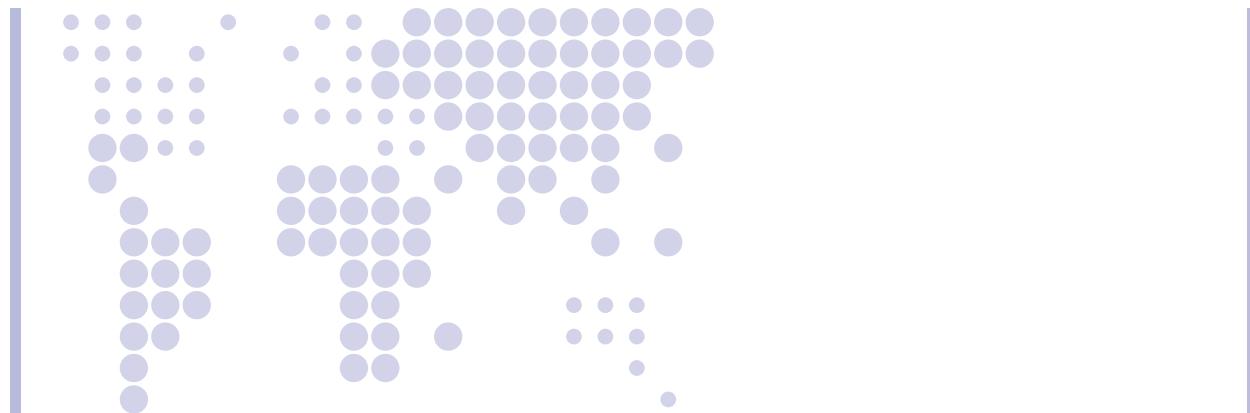
strategic security, political ideologies, long-term socioeconomic challenges, and cultural values. With much of Asia joining or rejoining the ranks of the world's most advanced societies, there are huge issues of global leadership at stake.

How? This section reviews existing institutional initiatives and groupings across this vast space and their relevance to the Greater Eurasian agendas. There would surely be few votes in favor of a huge new organization accounting for half the UN General Assembly and overlapping with many existing initiatives. The more interesting question is how existing bodies might be adapted to the emerging needs of the Greater Eurasia.

Our contention is that the idea of Greater Eurasia should not be dismissed as a remote fantasy but, recalling the first contacts between the Roman and Han empires two thousand years ago, it should be introduced into strategic and long-term thinking about how to facilitate a harmonious rise of Asia alongside and with the West.

Who? Contours of a Greater Eurasia

The first known map of the world (Map 1), that of the ancient Greek historian Strabo, as here reproduced, is quite appropriate for present purposes, since the world consisted then only of Eurasia with a little bit of Africa. The Bosphorus was to be the dividing line between Europe and Asia, and indeed this convention has remained ever since. The Greeks at this time knew about Asia only as far as India, thus replicating the geography of the Indo-European language groups. The Himalayas were known, but to their north it was terra incognita. China was a world unto itself, isolated geographically by mountains, deserts, and sea and was thus ignored by this early Euro-centric view of the world. It would have been good to balance this here with a China-centric Middle Kingdom map of the world, since the Chinese

were already good at mapping at that time, but unfortunately it seems that no examples have survived. While the ancient Greeks were unaware of China, there is evidence that the Romans not only became massive importers of silk but also established some diplomatic connections with the Han empire in the first and second centuries (Morris 2010).

How to delimit Eurasia? A Lesser Eurasia would consist just of those states and peoples who already identify themselves as Eurasian to some significant degree, which would include Russia, Kazakhstan, and Turkey. We explore their conceptions of Eurasia in the next section.

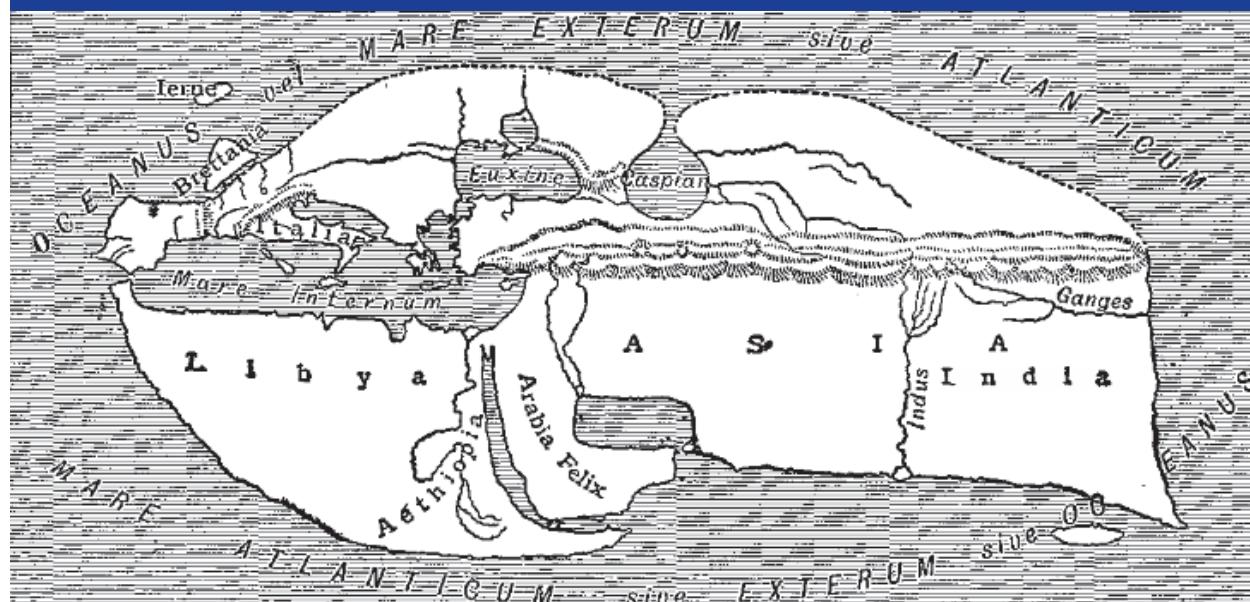
But a Greater Eurasia would embrace the whole of the supercontinent with all of Europe and all of Asia. Historically this supercontinent was long inter-connected before the “new world” was discovered. The Roman and Han empires were connected through the Silk Road, facilitating trade in

silk in exchange for gold and silver, from the first to third centuries A.D. The separation of Europe from Soviet Eurasia and China during the 20th century was the product of historically short-lived iron and bamboo curtains.

Arabia appears in Strabo's map as a border-line region, antedating here the Arab empires, which were outstanding Eurasian achievements, from Granada to Samarkand, and with Islam spreading on into south and southeast Asia. But since the Arab world today stretches across all of North Africa, we limit its coverage in the present paper to Arabia's strategic energy role across the whole of the Greater Eurasia.

Then what about Australasia, considered by the geographer to be a separate continent? Australia is no further by sea from Asia than is Japan from the Asian mainland. Both Australia and New Zealand could, while hardly Asian, surely be considered “new Eurasians.”

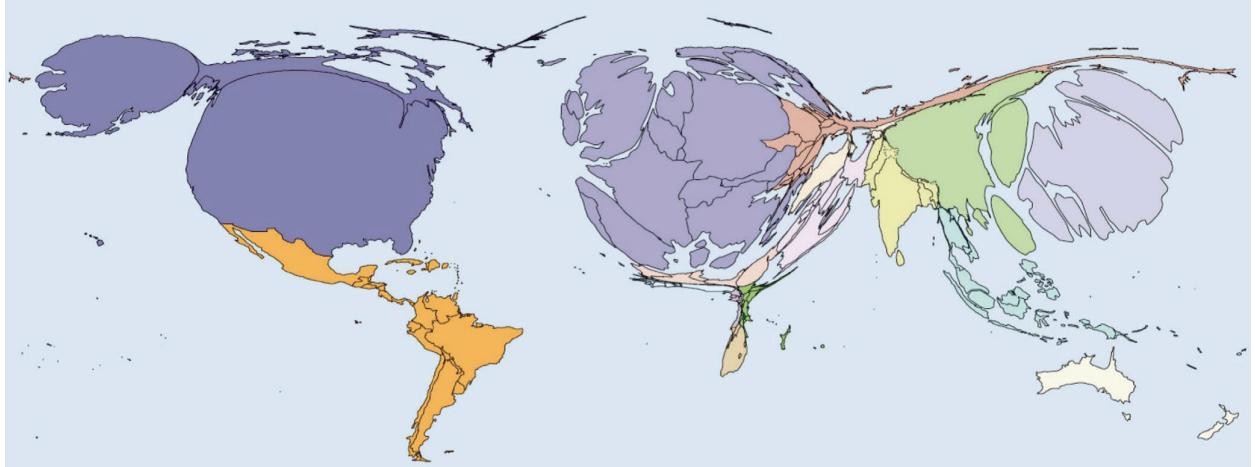
Map 1 | The world according to Strabo in AD 18

Source: Strabo, *Geographica*, circa AD 18, reproduced by Isaac Casaubon in *Geographica*, 1620.

Map 2 | The world according to the World Bank in 2009

Source: World Bank Development Report, 2009

This leads to the trickier issue of the US and Canada in Eurasian affairs. Both are integrated with Europe in so many ways. Both are in APEC and many other Asian initiatives. The US projects massive hard and soft power across the whole of the Greater Eurasia. While the US and Canada are not part of the geographer's Eurasian supercontinent, their major presence in both Europe and Asia allow us to take inspiration from ASEAN+3 and brand them as part of "Greater Eurasia+2."

The World Bank's economic map of the world (Map 2) is also an encouragement to think in terms of the Greater Eurasia+2, given the small economic dimensions of Latin America and Africa, and it also dramatically illustrates the virtual separation of Europe and Asia.

Some basic data on the dimensions of the Greater Eurasia are summarized in Table 1 with four basic indicators: population, landmass, GDP, and GDP per capita for the top 12 states, entities of the Greater Eurasia, and for the Greater Eurasia+2. If all of those featured in any one of these columns were included in a large core group it

would mean a Greater Eurasian G-22. In the aggregate the Greater Eurasia accounts for 68 percent of the world's population and 59 percent of its GDP, while for the Greater Eurasia+2 the score becomes 73 percent of the world's population and 83 percent of its GDP.

Why? Conceptions of Lesser and Greater Eurasias

All three states that straddle the geographer's divide between Europe and Asia—Russia, Kazakhstan and Turkey—have long-established conceptions of Eurasia, to the point that they consider themselves owners of the idea.¹ But these are all "Lesser Eurasias" compared to the "Greater Eurasia" hypothesized in this paper, which makes it so important to consider how far these states and peoples may be open to the idea of newer and wider conceptions of the Greater Eurasia.

1. This section draws on Laruelle 2008.

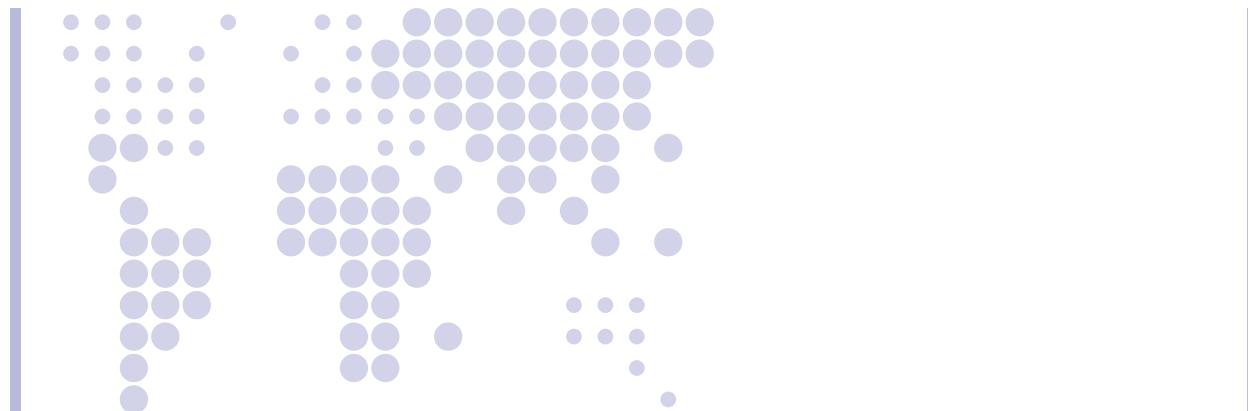

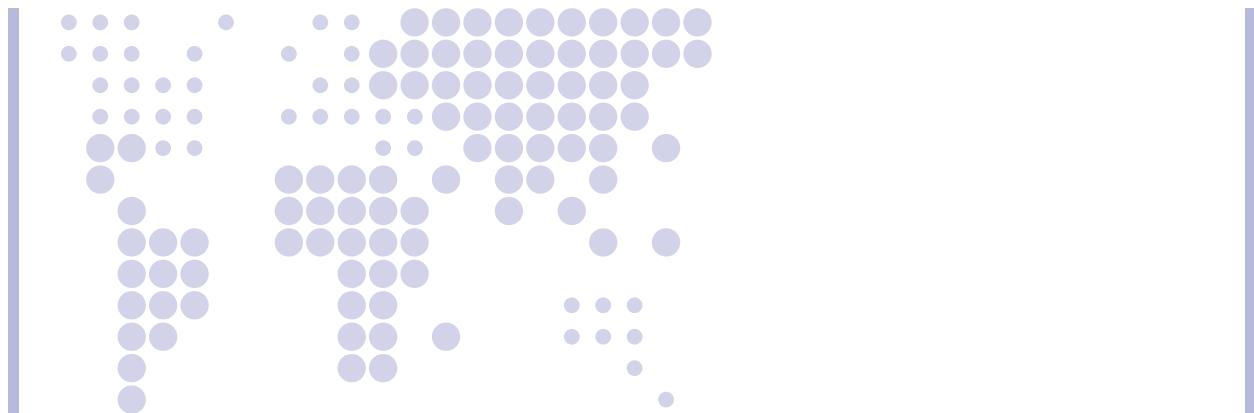
Table 1 | Top 12 of Greater Eurasia

Rank	Country/ Region	Population (millions)	Country/ Region	Landmass, million km ²	Country/ Region	GDP, \$ billions	Country/ Region	GDP, per capita \$
1	China	1344	Russia	16376	EU	17584	Japan	45,903
2	India	1241	China	9327	China	7318	Hong Kong	35,156
3	EU	503	EU	4181	Japan	5867	EU	34,156
4	Indonesia	242	India	2973	Russia	1857	Korea	22,424
5	Pakistan	176	Kazakhstan	2699	India	1872	Russia	12,995
6	Bangladesh	150	Iran	1628	Korea	1116	Kazakhstan	11,357
7	Russia	143	Mongolia	1553	Indonesia	846	Turkey	7749
8	Japan	127	Pakistan	770	Turkey	775	China	5445
9	Vietnam	87	Turkey	769	Thailand	345	Thailand	4972
10	Philippines	94	Myanmar	653	Iran	331	Iran	4413
11	Iran	75	Afghanistan	652	Malaysia	287	Ukraine	3615
12	Turkey	73	Ukraine	579	Hong Long	248	Indonesia	3495
	Europe*	832		23,039		21,852		26,264
	Asia	3871		23,659		19251		5102
	Greater Eurasia	4773		46,698		41,103		8611
	Greater Eurasia+2							
	United States	315		9826		15,685		49,736
	Canada	35		9976		1833		52,371
	World	6974		129,709		70,020		10,040
	GEA/World	68%		36%		59%		85%
	GEA+2/ World	73%		51%		83%		114%

*Europe here includes all Council of Europe states (i.e. with 'Eurasian' Russia and Turkey).

N.B. The top 12 GDP per capita column here shown take into account only states entering into the top 12 by population, or landmass, or GDP. If the EU is disaggregated into its member states the top 12 by GDP per capita are almost all small states or entities, with the following and rank order: 1. Luxembourg, 2. Norway, 3. Switzerland, 4. Macao SAR (China), 5. Denmark, 6. Sweden, 7. Netherlands, 8. Austria, 9. Finland, 10. Belgium, 11. Singapore, 12. Germany, while at the Greater Eurasia+2 level Canada and the US would also qualify.

Source: World Bank on-line data base, 2011

Old Eurasians

Russia has a long history of Eurasianism, dating back to the expanding Russian empire, which took in increasing numbers of Asian ethnicities. The Russian elite and intelligentsia readily adopted the term as a semantic device to legitimize the empire. Russia has for centuries, from Peter the Great to this day, been divided between Europeanist versus autonomous Russian, or Slavic-Orthodox, or Eurasian tendencies. As Dostoyevsky said in 1881, "In Europe we are Tatars, in Asia we are Europeans."

Contemporary Russia sees a drive in favor of a Russian-led Eurasian Union, perceived as a response to the disappointing failure to integrate better with Europe in the post-Soviet period. But this is not new: for example one may recall the drive to expand to the East after Russia's defeat in the Crimean War in 1855. In the 20th century there was a stream of theorizing about Russia's Eurasian identity, with Lev Gumilev (1912-92) postulating that a unique synthesis of the ethnic Russians and Mongols had emerged in the Great Steppe area.

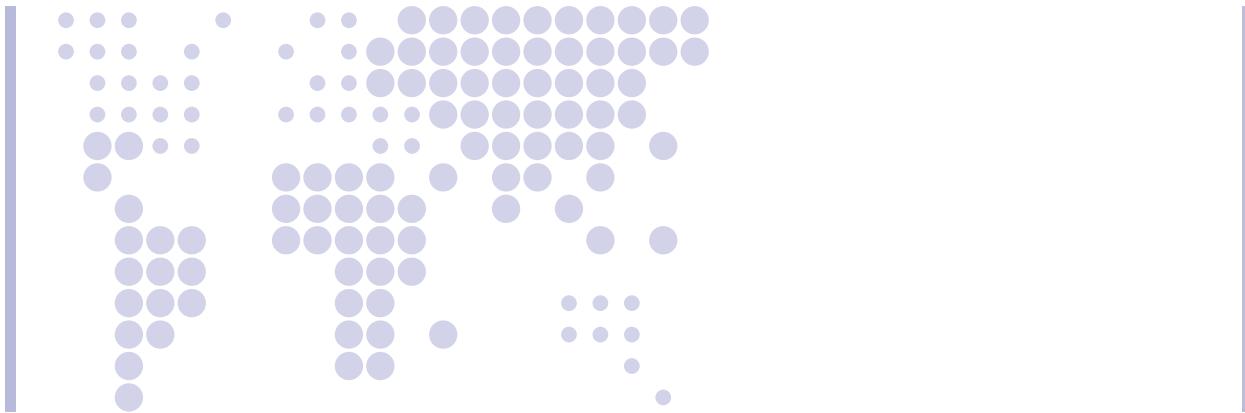
The argument that Eurasianism is for Russia a defence against the West is nowadays developed most energetically by Alexander Dugin, a prolific writer and propagandist, whose views combine strident Russian nationalism with Eurasianism. Regarded for some time as a neo-fascist crank, he now occupies an acknowledged role in the Russian political sphere with a considerable following. He founded an International Eurasianist Movement, an organization that has support in Kazakhstan and Turkey.

One of the priorities of President Putin during his new term of office beginning in 2012 is to build up the customs union of Belarus, Kazakhstan, and Russia, both by extending its membership

and by upgrading into a Eurasian Union by 2015. Ukraine is the main target for extended membership, but this seems to be rejected by Kiev, while Kyrgyzstan is a more likely new member. Putin has also spoken in favor of a common economic space from "Lisbon to Vladivostok," without this idea moving much beyond the occasional speech. When asked how the customs union and "Lisbon to Vladivostok" should relate to each other, the official reply tends to be: first we will complete the Eurasian Union and then negotiate as a bloc with the European Union.

At the same time, more Europeanist ideas have remained active in the Russian national debate. When Dmitri Medvedev was president the idea of a Modernisation Partnership with the European Union was developed. Dmitri Trenin published in 2001 a book that was the antithesis of Dugin under the title *The End of Eurasia*. Trenin updated his narrative in 2011 with another book whose sub-title, "A Eurasian Story," signalled a shift in interest in favor of a Greater Eurasia (without using the term) that embraced China, Japan, and Asia at large.

Turks long identified themselves through their Ottoman empire and thus more by religion than nationality. When the empire disintegrated, interest developed in the idea of a more ethnically and culturally homogenous Turkic space. There was a spillover of Pan-Slavist thinking into the shaping of Pan-Turkism. Tatar and Azeri nationalists contributed to the emergence of a Pan-Turkish philosophy, including the Crimean Tatar Ismail Gaspirinskii. Under the Westernizing reforms of Kemal Ataturk Pan-Turkism had to give way to Turkish nationalism. However, in the 1960s Pan-Turkism returned to the political stage in Turkey, and by the 1980s there was an active Foundation for the Study of the Turkish World. With the collapse of the Soviet Union in 1991 the Pan-

Turkic idea received a huge stimulus, resulting in Turkey's keen attempt to develop the concept politically in Central Asia. However Turkey overplayed its hand, with Pan-Turkism perceived as a threat to the legitimacy of the newly independent states. Discourse turned more to the role of Turkey as a bridge between West and East, rather than as a leader of an integration project. Nonetheless when in April 2013 Turkey became a dialogue partner of the SCO, foreign minister Davutoglu romantically commented that "Turkey will be part of a family, which is composed of the countries which lived together not for centuries – but for millennia" (Gundogan 2013). Yet Turkey's simultaneous anchorage in both Europe and Asia, economically and politically, means that it would naturally seek an active role in any Greater Eurasia.

Russia's own Turkic peoples have been active in the politics and ideology of Eurasianism, with Tatarstan playing the leading role. Their conception of Eurasianism is deeply embedded in the Islamic identity of these non-ethnic-Russian peoples of Russia. Tatarstan and other Turkic entities in Russia participate in the International Congress of Turkic Peoples.

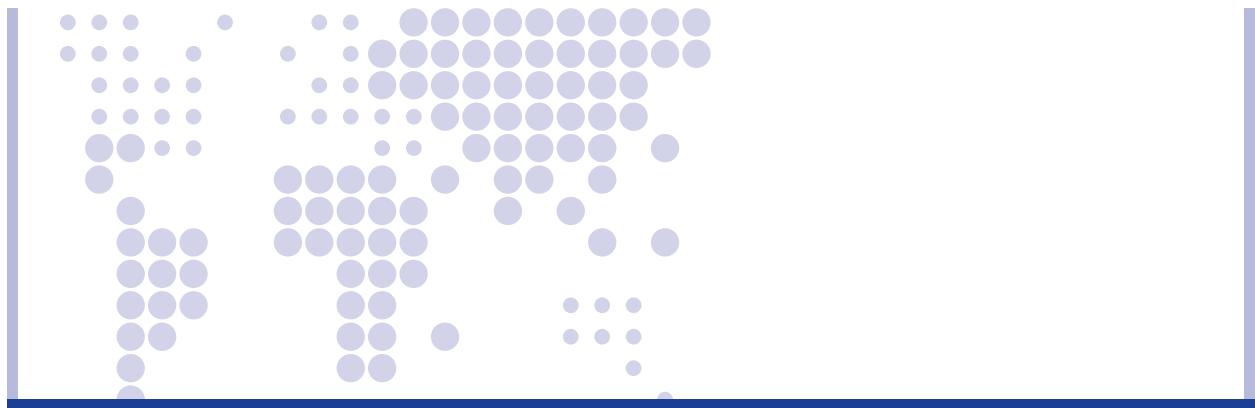
Kazakhstan has an objective claim to be at the geographic epicenter of the Greater Eurasia. But more deeply, Kazakhstan saw in the 1960s the emergence of a distinct philosophy of Eurasianism in the writings of the poet and historian Olzhas Suleimenov, whose texts provided a positive reading of the Turkic peoples' role in Russian history. At the political level President Nazarbayev proposed a Union of Eurasian States already in 1994, although this was too early to be taken up by Yeltsin's Russia. Under President Nazarbayev, Kazakhstan has been a keen supporter of the Eurasian Economic Community, hosting in Almaty the headquarters of the Eurasian Development

Bank and joining the customs union with Russia and Belarus, notwithstanding some economic disadvantages (having to adopt Russia's higher external tariffs). But Nazarbayev stretches the concept of Kazakhstan's role and identity much wider than the former Soviet Union. He promotes the idea that "Kazakhstan is a unique state in Asia, where European and Asian roots are intertwined. The combination of different cultures and traditions allows us to absorb what is best in both European and Asian culture," an approach that does not contain the anti-Westernism found in much Russian, and even some Turkish, discourse.

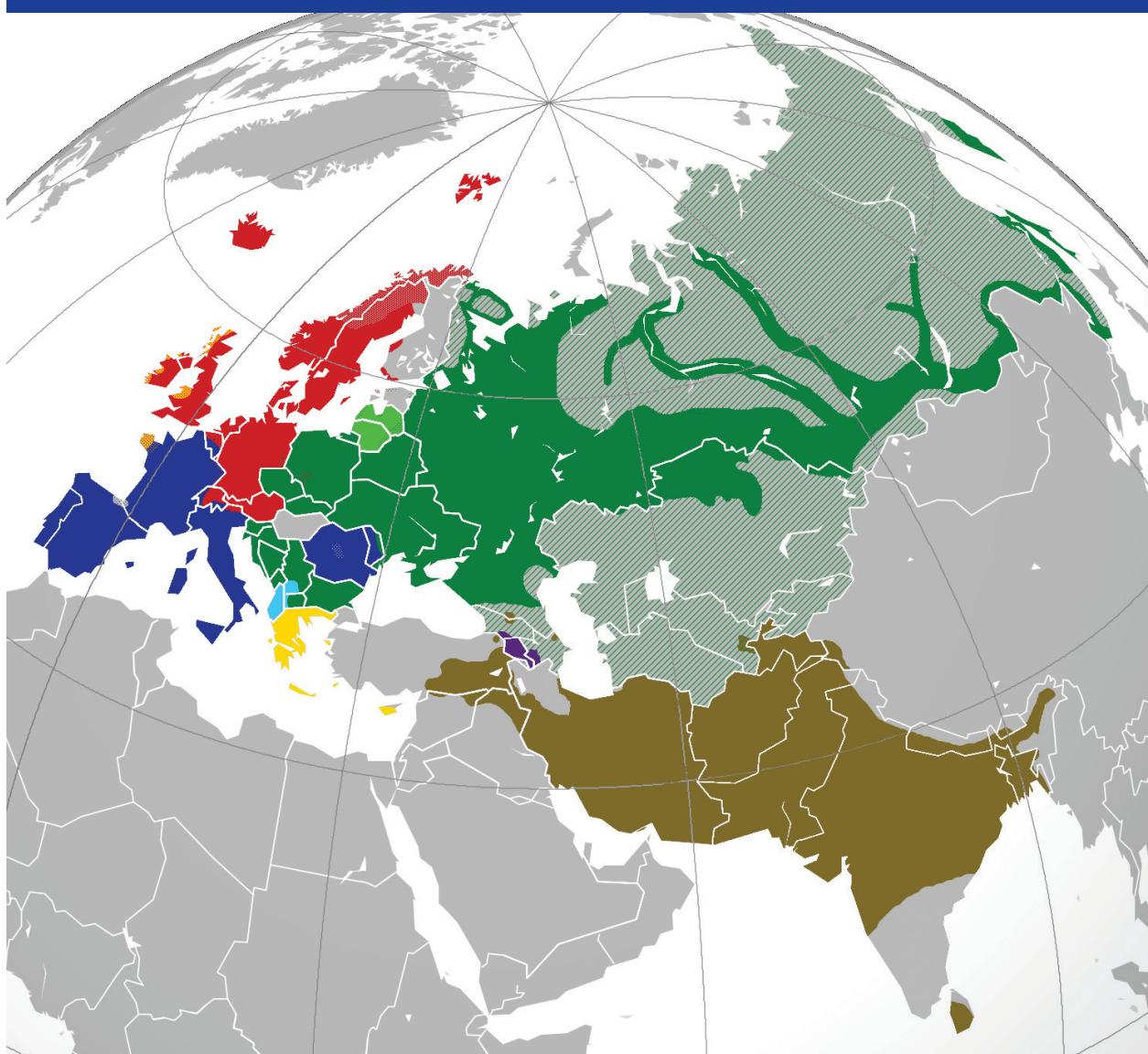
The origins of Turkic Eurasianism, however, lie in Mongolia, whose modern state is a legatee of the historical footprint of the Mongol hordes, who left lasting communities in the Volga region of Russia and Crimea in Ukraine. Moreover its empire held sway over China in the 13th century, and thus qualifies as the greatest Eurasian empire ever seen. But now in the 21st century Mongolia has impressed the world with its rapid transition from communism into a functioning liberal democracy, despite being wedged between China and Russia, chairing in April 2013 the 7th Ministerial Meeting of the Community of Democracies. In addition to being a member of the Congress of Turkic Peoples, Mongolia would have manifest interests in a Greater Eurasia that includes other functioning democracies, from Japan and India to the EU.

Indo-Europeans, the earliest Eurasians

Actually, the South Asians have the longest claim to be considered Eurasians, although they have been called Indo-Europeans. In the 16th century European visitors to India noticed resemblances between the main Indian and European languages, and by the 19th century the common roots of European and Indo-Iranian languages were firm-

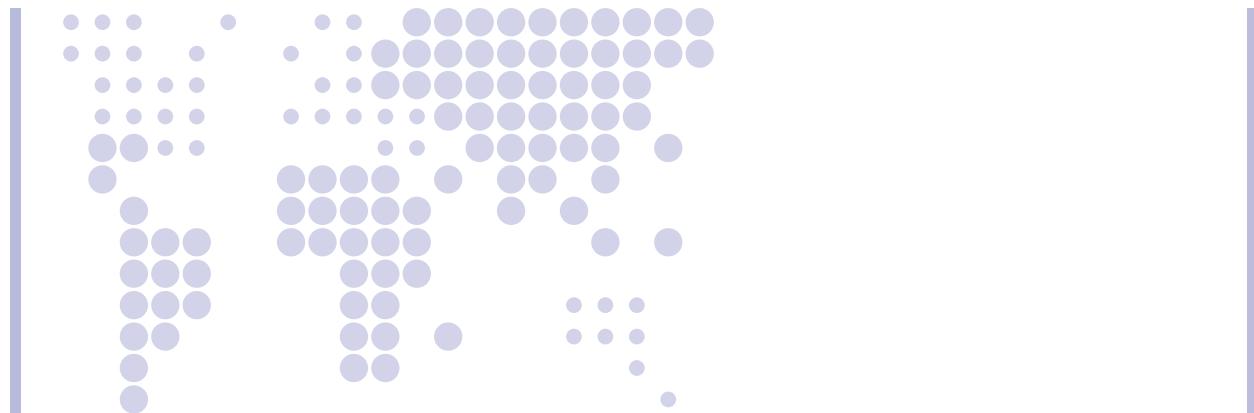
Map 3 | Indo-European language branches within their homelands

Source: Wikipedia, Indo-European branches map.png

ly established academically. For sure, the speakers today of Urdu and German do not recognise their common root in the way that Turkic speaking peoples can. However the Indo-European links were robustly built on geographic proximity,

including the shifting frontiers of some ancient Eurasian empires (Greek, Persian), contrasting with the isolation of China walled off to the east by mountains and desert (Map 3).

In recent history the Indian subcontinent inherited enduring legacies from the colonial period, both bitter memories of colonialism but also, more relevant now, the acquisition of the English language and a democratic culture. The contemporary academic achievements of Indian academics in the most prestigious international universities and Indian contributions to contemporary English literature adds to familiarity and a sense of cosmopolitan identity at the elite level. At the level of popular culture also, the connections between India and the cosmopolitan world are very real. Among the large South Asian diasporas in Europe, and more broadly the English-speaking world, Indian communities see outstanding levels of educational and professional achievement. Major Indian direct investments have been recently made in European industries (by Mittal and Tata). All this would mean a certain predisposition in South Asia to favor open and cosmopolitan conceptions of a Greater Eurasia, even while India remains attached politically to its non-aligned tradition.

New Eurasians?

Ask a Chinese man or a Frenchman whether he feels himself to be Eurasian, the answer will be short and negative. But the relevant question is what conceptions or functions of a Greater Eurasia could become interesting to Asians and Europeans in the foreseeable future.

China has gone global and is now massively present in all continents, driven by its voracious demands for commodity imports especially from Africa and Latin America, coupled with its dependence on the major export markets of the EU and US. Its economic structure is further highly interdependent with its East and Southeast Asian neighbors as part of numerous supply chains aimed at global markets. Its combined

dependence on this neighborly supply chain for intermediate goods, with its dependence on the advanced EU and US markets as destinations for its final products, should in principle create a high strategic interest in achieving stable economic and political relations across the entire Greater Eurasia+2. China also has a clear interest in advancing the economic development of its own western and central provinces and taking pressure off the excessive concentration of economic development on the eastern coastline, thus dampening internal west-east migration. This leads into the current heavy investments of transport infrastructures into Central Asia, with linkages through to Russia and Europe. China's political interest in the stability of Central Asia is also clear, given the ethno-cultural links between its western provinces and Central Asia.

Also relevant to the present purpose are the Chinese communities in Singapore, Hong Kong and Taiwan, where individuals have by names that explicitly signal hyphenated identities, such as Peter Ho, Michael Song, and Serena Yu. These perfectly bilingual Chinese-English individuals are surely Greater Eurasian citizens and can play an invaluable role in bridging between more conservative Europeans and Asians.

ASEAN states, Japan, and Korea would have rather similar interests in a Greater Eurasia, and especially a Greater Eurasia+2. Their economic interests fit well alongside those of China, with now highly integrated manufacturing economies, growing intra-Asian trade flows, as well as huge interests in the EU and US markets. The ASEAN states are also exploring their own deepening integration, with a 2015 single market objective that has many points of similarity with the EU's single market. All are wary of Chinese hegemonic tendencies, in relation to which the Greater Eurasia+2 would offer some reassurance, with the

advantage of being less divisive than the Trans-Pacific Partnership if it continues to develop without China.

As of today the EU seems not to think about Eurasia as such, but about Europe and Asia in separate boxes. Until recently the EU's core concept for its external relations was its own wider European neighborhood, organized in a web of concentric circles reaching at its outermost point Central Asia, sometimes dubbed "neighbors of the neighbors." At that point Europe's neighborhood ended. However in recent years the global dimension to EU foreign policy has advanced rapidly around 10 bilateral strategic partnerships, of which 7 belong to the Greater Eurasia+2: Russia, China, India, Indonesia, Japan, and Korea, with Canada and the US. The content here is a combination of bilateral and global governance issues. Coming closer to the Greater Eurasia idea, the EU is also a keen advocate of continental regionalism and inter-regionalism worldwide. The EU has a serious relationship with ASEAN, whose single market program derives inspiration from the EU. The EU would like to see the South Asian regionalism advance through the SAARC, but progress here is stalled. The EU project that gets closest to embracing Eurasia as a whole is the Asia-Europe Meeting (ASEM), which brings together the leaders of the EU and 25 Asian states in summit meetings every two years, but as discussed more fully below there is little attention as of yet to transcontinental connectivity, as reflected in the exclusion of Central Asia from ASEM.

Finally there are the two Australasian states, Australia and New Zealand. Already for some decades they have understood their future to lie in increasing integration with Asia, and this is seen politically today with their keen accession to several Asian and Asian-Pacific regional groupings. The current Australian prime minister is a

speaker of Mandarin Chinese, a first such leader from any Western country. These two states can be branded as "new Eurasians."

The United States and Canada have been designated here as the "+2" on the basis of their strategic interests in both Euro-Atlantic and Asian-Pacific alliances and groupings. But also in societal terms, as immigrant nations, both have recently been enhancing their Eurasianism by adding streams of Asian immigration to their originally European culture. For example one may note the recent nomination of an American of Korean origin as head of the World Bank.

What? Agenda for a Greater Eurasia

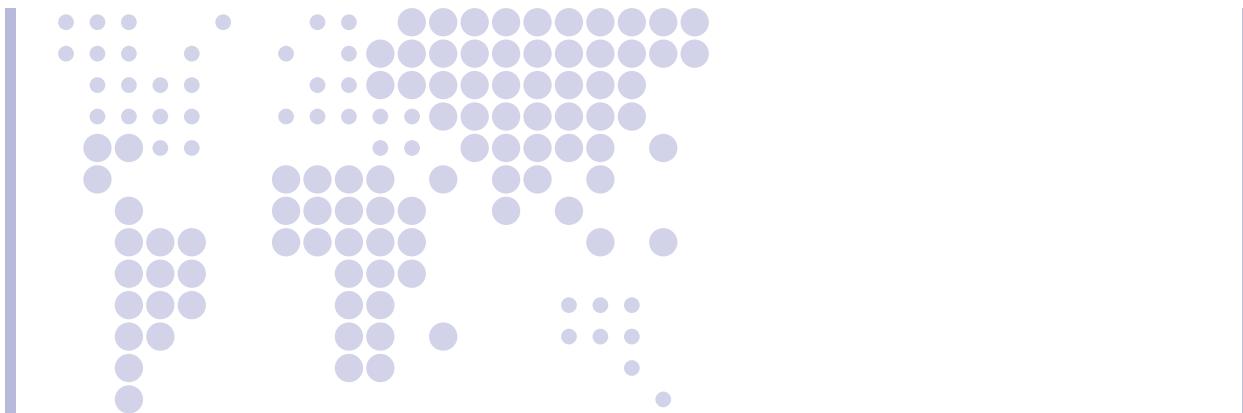
An agenda for the Greater Eurasia may be divided into two parts: first, issues of current practical concern, especially those linked to the physical landmass of the supercontinent, and second, less tangible but more fundamental long-term challenges for society as a whole. The first category is thus largely made up of matters for pragmatic cooperation, while the second addresses often controversial issues of political values, economic models, society, and philosophies of life. Overall we may observe both the difficulties and potential for the Greater Eurasia to become more than a geographic reality.

Issues of current policy concern

There is a long list of topics that are of definite common concern across the Greater Eurasia.

Post-2014 Afghanistan

The chances that after NATO withdrawal Afghanistan will pose multiple security risks for its neighbors are such that there is already a Greater Eurasian initiative, called the Istanbul Process, which aims at anticipating the challenges and

helping Afghanistan manage them (see further below on its institutional aspects). Six priority clusters are identified: education, counter-terrorism, counter-narcotics, disaster management, infrastructure, and trade and commerce development. The nexus of trafficking, criminality, illegal migration, and terrorism has risen up the top of the agenda across virtually the whole of the Greater Eurasia in the last two decades, under the double impact of the opening of the frontiers of the former Soviet Union and the rise of Islamic jihadism. However its epicenter lies in Afghanistan as the world's biggest producer of hard drugs and exporter of jihadism. After the failure of the US-led NATO military campaign to pacify Afghanistan, following the Soviet failure of the 1970s and that of the British empire a century earlier, all are aware of the huge challenge in containing these disorders after 2014. On a more positive note, these failures by past global hegemons mean now at least there is a common awareness across the whole of the Greater Eurasia of the need for cooperative responses.

[Unresolved land-border & ethno-territorial disputes](#)

The list of unresolved ethno-territorial conflicts in the Greater Eurasia is long: from the several so-called frozen conflicts of the former Soviet space through to Kashmir, several Chinese-Indian border regions, and some flash points on Thailand's frontiers. At the normative level there is much common ground between the Helsinki basic principles of the OSCE and the similar principles of the Treaty of Amity and Cooperation in Asia, but in neither case is there any solid record of conflict resolution. Many of these disputes seem indeed to defy resolution in spite of conciliation and attempted confidence-building efforts over decades, and it is hard to see any simple institutional innovations that could overcome the obstacles to peace. In this situation there

would have to be a change in political context more favorable to resolution, and here a movement towards a broad and deep Greater Eurasia might help.

[Unresolved maritime border disputes](#)

The disputed waters and islands of the China Seas now emerge as the most worrying source of tensions in the whole of the Greater Eurasia: between Russia and Japan over the Kuril Islands, between China and Japan over the Senkaku/Diaoyu islands, between China and Vietnam and the Philippines over the delimitation of borders in the South China Sea. Europe has some quite recent experience using the International Court of Justice or binding arbitration mechanisms for resolving differences peacefully and decisively, for example between Romania and Ukraine in the Black Sea, with a new case between Croatia and Slovenia in the Adriatic now heading for binding arbitration. The Philippines now asks for arbitration from the International Tribunal of the Law of the Sea to resolve its conflict with China over the Spratly islands. Could the Greater Eurasia converge on making predominant recourse to these legal processes to resolve cases of conflict?

[Maritime security between the Gulf and Asia](#)

Here the common threats are from piracy in the Indian Ocean offshore from Somalia and in the straits of Malacca. European and Asian naval cooperation in policing these major routes for energy and cargo traffic has been positive, and in the western part of the Indian Ocean the EU has taken the lead. There might be a more structured coordination framework between the major maritime powers of the Greater Eurasia.

Inland waterways

The Greater Eurasia has many of the world's greatest cross-border rivers: for example the Rhine, Danube, Amu Darya, Syr Darya, Irtysh, Ganges, Indus, and Mekong. The regimes for managing these vital water courses ranges from the highly institutionalized and legally regulated cases (Rhine, Danube) to cases where there is no cooperative system at all (Amu Darya, Syr Darya) or only vague and incomplete multi-country agreements (Mekong). However the Indus has a notable water-sharing agreement between India and Pakistan with support from the World Bank. On the other hand, the Ganges between India and Bangladesh and the Irtysh River from China to Russia through Kazakhstan are the subject of complaints of excessive upstream water take-off. Two of the most serious cross-border river environmental disasters of recent times saw toxic materials released into a Chinese tributary of the Amur River in Russia in 2005 and by a Hungarian enterprise into the Danube in 2010. All that is certain is that water management is going to be among the most sensitive sources of interstate tensions in the decades ahead with rising economic development and populations, which makes the pursuit of consensus over norms and best practice between the most concerned states of the Greater Eurasia strongly needed.

Land transport - road

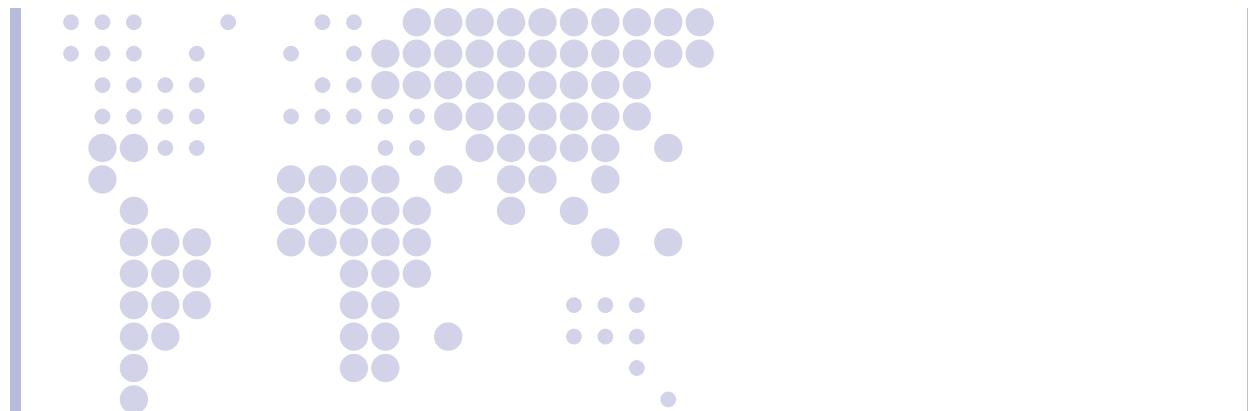
Important investments are being made in land corridors across the Greater Eurasian space for road traffic under the aegis of three separate initiatives, one based on the EU's Pan-European corridors and Traceca program, a second based on the Eurasian Economic Community, and CAREC, an initiative driven by the Asian Development Bank and supported by China. Central Asia in particular sees now large-scale investments un-

der the CAREC program, funded by the Asian Development Bank and the World Bank, with additional investments by the Eurasian Development Bank. These three broad programs, led by the EU, China, and Russia respectively, come together in Central Asia and especially in Kazakhstan, given its very large geographic dimensions. The EU and CAREC programs are not really coordinated, and there are anomalies as a result, with the shortest routes between the EU and East Asia not assured, and this is an issue deserving consideration at the Greater Eurasian level.²

Land transport – rail

Rail transport should in principle become a greatly expanded transport mode across the whole of the Greater Eurasia, given its economic and environmental advantages for large freight volumes compared to road transport. Unfortunately the historic development of railway lines has resulted in several different rail gauges. China and Europe share the same gauge but are separated by the former Soviet Union, which uses another. Crossing points between these different systems involves costly and time-consuming transfer (either transferring containers or lifting wagons on to different wheel bases). There is a conceivable southerly route between China and the EU, which sees the same European gauge extend through the Balkans and across Turkey and Iran. The connection with China would "only" need fresh investments in Afghanistan and Tajikistan to have a network with a common gauge (see Vinokurov 2013). A hugely ambitious idea has been discussed in China for a high-speed rail connection from "Beijing to Berlin." China's own high speed network is already substantially complete all the way to its Western provinces (almost half the way to Berlin). It would presuppose a dedicated rail

2. For a more detailed discussion see Vinokurov 2013.

Map 4 | Transoceanic fiber optic cables

Source: Telephony Research

track of the same Euro-Chinese gauge all the way. This would be a 21st century version of the old Orient Express from Paris to Istanbul, and would surely excite the imagination as a project for integrating the Greater Eurasian space like nothing else. However its main justification would be for freight traffic. For the time being there are some modest steps being taken to open up EU-China rail freight connections with a route from Zhengzhou through China, across Kazakhstan and then through Russia, Belarus, and Poland before arriving in Hamburg (Bocking 2013).

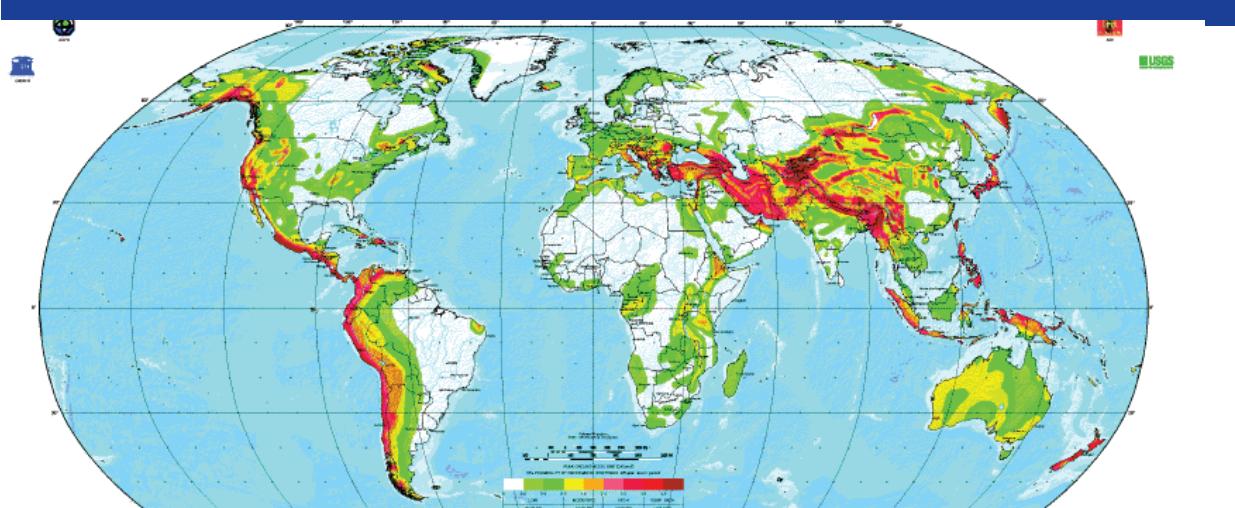
Air transport

The Greater Eurasian airspace is massive, and the competition between airport hubs fierce: London, Paris, Frankfurt, and Moscow in Europe; Istanbul, Dubai, and Abu Dhabi in the Middle East; Astana,

Almaty, and Tashkent in Central Asia; and Bangkok and Singapore etc. in Asia. The rules of overflying and freedom of the skies are governed by the International Air Services Transit Agreement (IASTA), under the auspices of the International Civil Aviation Organization (ICAO). Europe, South and Central Asia, Korea, Japan, and most ASEAN states have acceded to the IASTA, but China and Russia have not. After over a decade of bilateral negotiations with the EU, Russia agreed to abolish overfly rights as part of the deal for its entry into the WTO, but this agreement has not been implemented by Russia under various pretexts. Since there are no comparable problems for flights across the Atlantic and Pacific Oceans, there is a case here for focused attention at the level of Greater Eurasia to facilitate key bilateral agreements or secure wider accession to the IASTA.

Map 5 | Global seismic hazardous regions

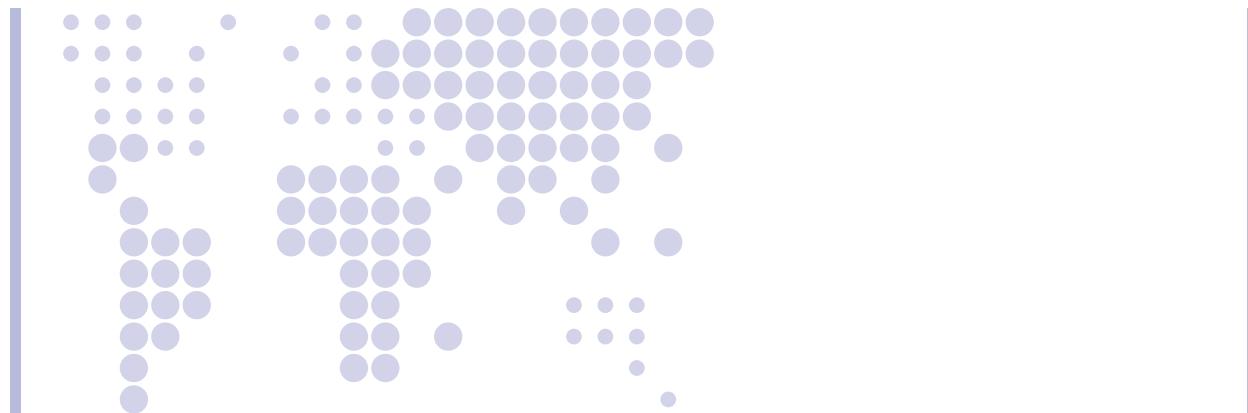
Source: Global Seismic Hazard Assessment Program <http://www.seismo.ethz.ch/static/GSHAP/global/gshapfin.gif>

IT interconnectivity

Building modern information super highways depends on laying long-distance fiber optic cables, such as those that already exist in the US, Europe, and East Asia and also across the Atlantic and Pacific, as Map 4 shows. As of today, no Trans-Eurasian information super highway exists, although there are proposals along these lines. In particular the UN General Assembly in December 2012 adopted a resolution in support of a “Trans-Eurasian Information Super Highway” project being sponsored by the Eurasian Connectivity Alliance following ministerial meetings of many European and Asian states sponsored by Azerbaijan in Baku. Two routes are proposed, both transiting between Europe and China via Kazakhstan, with a northern route proceeding first through Ukraine and southern Russia, and a southern route through Turkey, the Caucasus, and a submarine cable across the Caspian Sea. These interesting ideas should be followed up at the Greater Eurasia level.

Trade

The present time sees an unprecedented proliferation of bilateral free or preferential trade agreements. This goes alongside and is a reaction to the stalling of the WTO Doha multilateral negotiations. ASEAN itself is at the heart of a huge web of bilateral and plurilateral agreements, partly already functioning, with major extensions under negotiation or political discussion, including possibly a plurilateral FTA with China, Korea, and Japan, with further Trans-Pacific initiatives under development. While organizational arrangements are discussed in more detail below, a number of overarching issues stand out. First, the momentum of East Asian and Trans-Pacific trade liberalization is very impressive, but also points towards the need for rationalizing and simplifying this hugely complex “noodle bowl” of Asian FTAs. Second, is the question of how far the EU is going to join in this Asian-Pacific trade area; it has several FTAs already (Korea) under negotiation (India, Japan, Singapore, Vietnam), but not

with ASEAN as a bloc or with China. Third, Russia's network of preferential trade agreements is limited to the former Soviet area and is much more closed to Asia, although as mentioned above the "Lisbon to Vladivostok" idea is mentioned in some speeches. For the long run one may envisage the scenario of progressive moves towards a giant Greater Eurasian FTA. But the idea of such schemes leads on to the question whether the liberal advanced economies might form a large core group within the WTO, thus multilateralizing the process and rescuing the WTO from its Doha Round impasse.

[Environmental and climate policy](#)

Negotiations over climate change are solidly structured at the global level through the UNFCCC. However, the pursuit of globally regulated solutions is hardly advancing, while the chances of a global climate change disaster are extremely serious. Attention therefore switches to decentralized processes, seeking in particular the diffusion of best technologies and experience of policy mechanisms. In the Greater Eurasian space the predominant polluters are China, India, Russia, and the EU. Consideration could be given to shaping this group into an environmental G4 of the Greater Eurasia. The EU has much to offer by way of both technologies and policy experience, including hard lessons being learned for its own emission trading and carbon market mechanisms. China has made huge advances in renewables, yet is also still building huge new coal-burning power station capacity. Both the EU and China are trying to develop carbon capture and storage technologies, and if successful should have major applications in other major coal producers, including Russia, India, and Kazakhstan.

[Seismic hazards](#)

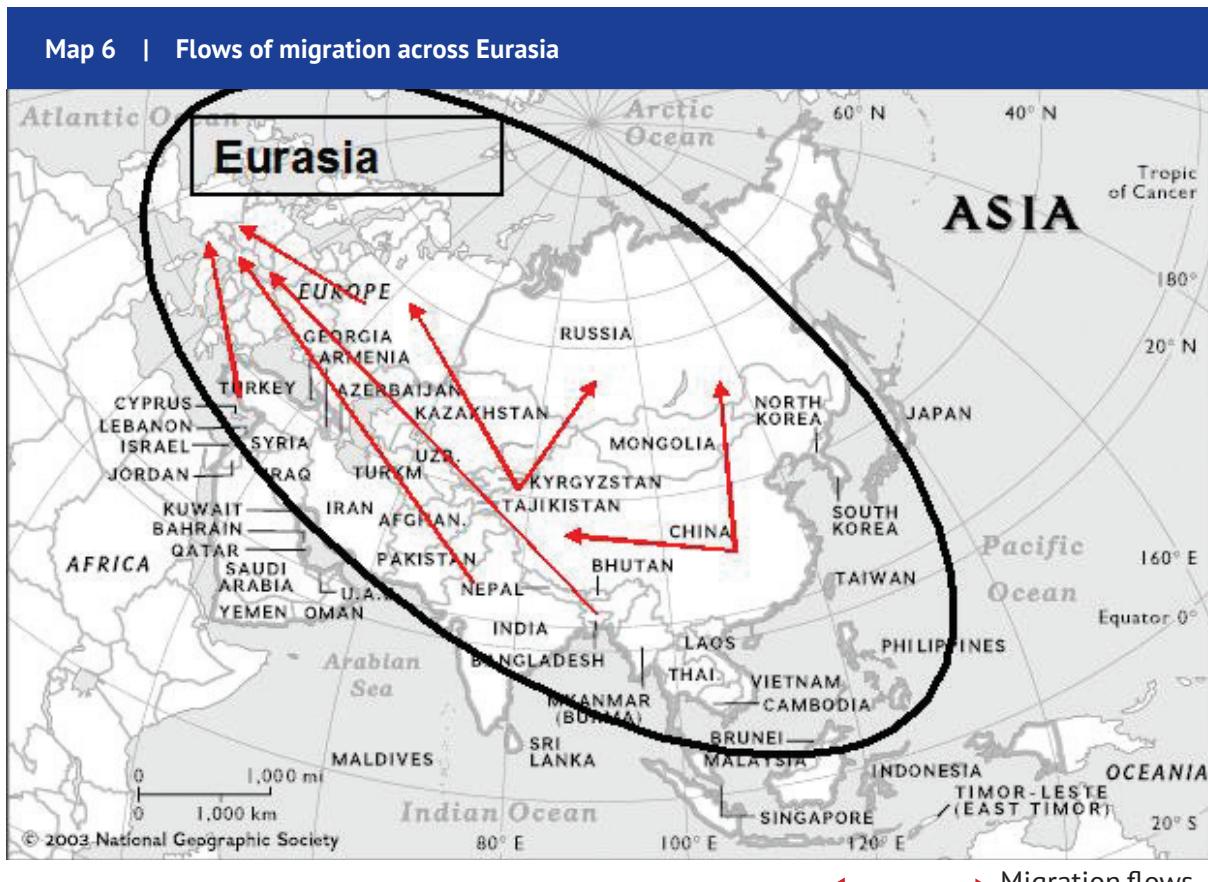
The Greater Eurasian space sees a wide band of vulnerability to seismic hazards, stretching from southeast Europe through western and south Asia into China (see Map 5). This should be a theme for common research on preventive measures and cooperative mechanism for mutual support in rescue operations.

[Energy cooperation](#)

With the US now becoming again energy independent, the predominant architecture of the international energy economy becomes ever more clearly one in which there is a huge central production zone in the middle of the Greater Eurasia, consisting of the Middle East, Caucasus, Central Asia, and West Siberia, supplying both Europe to the west and the big Asian consumers to the east. With this comes the need for common ground rules, including standards for investment protection, the use of transit pipelines, and dispute settlement. There has been one attempt to do precisely this in the Eurasian space, namely the Energy Charter Treaty initiated by the EU in the early 1990s. Members include all of Europe and the post-Soviet space, plus some increasing Asia participation. We return this organization's increasing "Eurasianization" below.

[Organization and management of mega-cities](#)

Of all the world's mega-cities, defined as conurbations with populations of over 10 million, 20 of 28 lie in the Greater Eurasian area (see Annex 5). Of these only three are in Europe (Moscow, London, Paris), one literally bridges Eurasia (Istanbul), leaving the mass of 17 megacities in Asia. The technologies and policy mechanisms for mega-cities include environmental and waste disposal methods, traffic management and anti-congestion measures, and urban development

models. Some European cities have made major advances in these domains and might usefully contribute to a working group of mega-cities of Greater Eurasia. The OECD has already invested in an interesting program in this area, but so far it has been mainly confined to the mega-cities of advanced countries. However this is the kind of program that OECD could be invited to Eurasianize to a higher degree, or with specifically tailored programs.

Migration and restrictions on the movement of peoples

Demographic trends and income inequalities are going to remain drivers of migrational pressure across the Greater Eurasia with the EU and Rus-

sia, combining relatively high incomes with declining populations of working age, with China also having now to come to terms with its severe aging profile. Restrictions on migration, however, are on the rise, with consequential pressures for illegal migration. At the same time, the competition for highly skilled labour is intense, leading to pressures from business communities for facilitated immigration and visa procedures for favored groups. Visa facilitation is in turn often linked, notably in the case of the EU, to demands for re-admission agreements, and here there arises a sharp issue for policy consistency across the Greater Eurasia (for example for the Asian illegal migrant into the EU who may pass through Central Asia, Russia, and Ukraine) (Map 6).

Map 7 | Flows of drugs across Eurasia

Source: Linn and Tiomkin 2005

Drugs

Among the challenges posed by Afghanistan, the need to reduce drug production is a prime concern for the EU, Russia, and China alike. While reliable data is scarce, it is believed that drug production in Southeast Asia has been on a declining trend, but this seems not to be the case for Afghanistan (Linn and Tiomkin 2007). The major destinations of Afghan drugs are indeed the EU, Russia, and China, in all cases transiting through Central Asia (Map 7). Policies to fight drug addiction have to work at all of three levels: curbing demand in consuming countries, strengthening border controls in transit countries, and curbing

production in the source countries. The second and third axes require coordination across the Greater Eurasia, in support of the work of the UN Office on Drugs and Crime.

Pandemics

The world is on the alert over the risks of new pandemics. But for the Greater Eurasia this is the oldest of stories. Piecing together fragments of evidence historians trace the parallel scourges of plagues in both the Roman and Han empires in the early centuries of the first millennium to trade links through the Silk Roads, with similar outbreaks of plagues in the outposts of the Ro-

man and Han armies at the eastern and western extremities of their respective empires (Morris 2010). While the scourges of earlier times (smallpox, cholera, malaria, typhus, tuberculosis) have been largely eliminated only in developed nations, new diseases with pandemic potential have emerged (SARS since 2003, Avian flu since 2004). The World Health Organization plays a central role in aiding prevention and response to outbreaks, but the states of the Greater Eurasia may need specific coordinating mechanisms, such as for the closing of land frontiers in emergencies.

Towards a Greater Eurasian Community

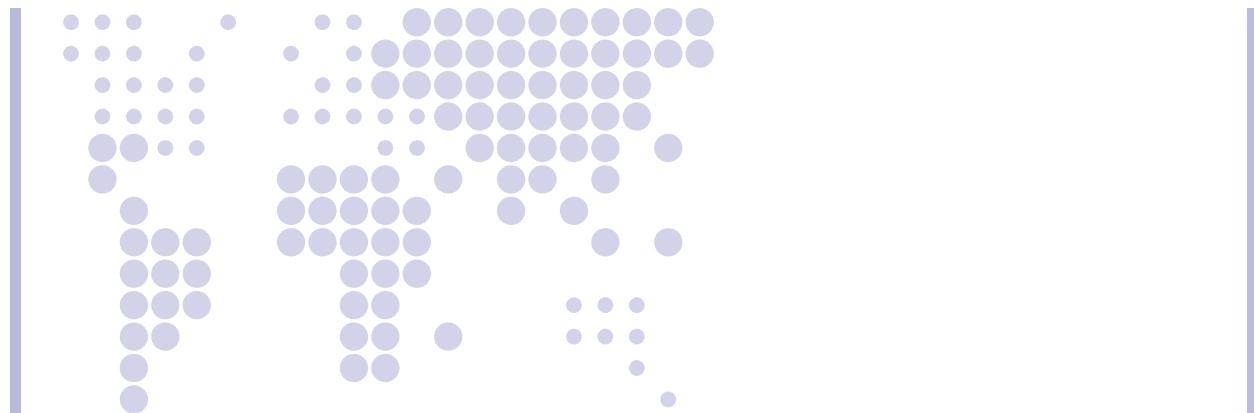
Here we discuss long-term strategic matters and the normative foundations of what might eventually become a Greater Eurasian community. At present there are major geopolitical cleavages across the Greater Eurasian area. Politically the Greater Eurasia is divided three ways between the democratic, the semi-democratic, and the non-democratic (see Annex 5), which is a limitation on the current scope for integration. The starting point therefore is full of problems, but the question is how to turn the trend in a positive direction towards the long-term goal.

Towards a security community

The strategic security regime in Greater Eurasia is highly unsatisfactory, despite the fact that the Greater Eurasia+2 accounts for all five of the permanent members of the UN Security Council. There are no inter-state wars in Asia these days, but threat perceptions certainly exist, first of all between the pariah state of North Korea and everyone else, and then also the territorial and maritime border disputes already referred to above. Some of these tensions seem to have worsened in recent times. At the top geopolitical level the situation is also tense. Russia and

the United States view each other with distrust and old Cold War attitudes, with Russia viewing US intentions to locate anti-missile defences in Europe, intended as protection against Iran, as undermining the capability of Russia's nuclear forces to obliterate Europe, which is hardly comforting for Europe itself. In the Pacific, Chinese and US aircraft carriers now face each other, with China developing missile capabilities that could destroy the US carriers, which are there to protect Japan and Taiwan. Chinese aggressiveness over maritime disputes pushes its neighbors into consolidating or developing defensive alliance postures with the US. At least Russia and China have a fair security entente, having settled their border issues and with the Shanghai Cooperation Organization symbolizing a degree of strategic entente over Central Asia. Even if the June 2013 meeting between President Obama and his new Chinese counterpart, Xi Jinping, saw these two leaders set out to establish a constructive great power relationship, the historical record of recent centuries when there have been multiple great powers competing for primacy is sobering, if not alarming (Mearsheimer 2001).

By contrast, scholars of international relations have endowed the term "security community" with a special meaning, as a group of states that have achieved such a high standard of mutual trust that they share zero mutual threat perceptions (Deutsch 1957). War is inconceivable between them. The EU won the Nobel Prize because it had done just this, overcoming the legacy of two world wars and centuries of conflict. Could there be some initiative to create a climate in which outstanding conflicts would stand a better chance of resolution, and which could lay out a path for the Greater Asia to become in due course, no doubt in many years time, a security community? Europeans would like to see a more normative and less geopolitical order prevail in the

Greater Eurasian space as in their general world view, but this runs against very strong nationalist urges driving the other major Eurasian powers – China, India, and Russia. While absent from hard power competition, the EU may on the other hand be better placed to promote constructive alliances that get around the opposing bloc mentalities of north versus south, or old versus new powers.

These various geopolitical realities are very important but not necessarily set in stone, and growing needs for and experience of cooperation can gradually soften the hard edges of geopolitics. Rapid economic and societal development, like in Asia today, shapes the changing of ideas, which lead in due course to political action. We move on therefore to a considerable list of fundamental long-term issues that are all surely matters of common concern, some of which are currently the subject of obvious ideological or political divergences. The approach can be to explore major topics where all parties are uncertain what the future may hold. The aim would be first at least to develop a common culture of inquiry.

[Multipolarity, plurilateralism, regionalism and multilateralism](#)

The discourse of the current champions of multipolarity is full of references to autonomy, non-interference, and multilateralism. But are these compatible principles? It can be argued that the current enthusiasm for multipolarity has come too late, in the sense that the degree of economic interdependence experienced by the emerging industrial powers has become so intense that an enhanced multilateral order will be in their interests, whereas multipolarity risks creating systemic confusion and instability. The pressure of the BRICS for greater power in the multilateral

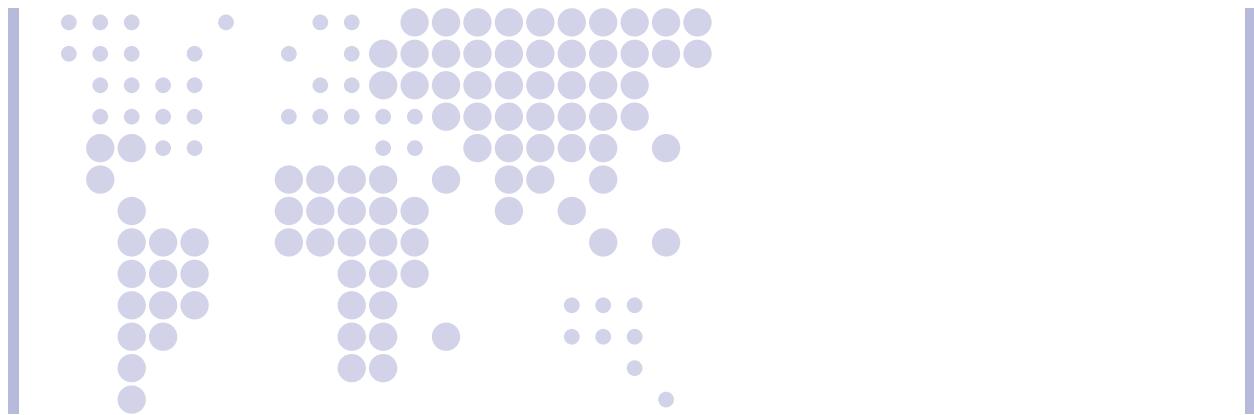
institutions is a way of reconciling the two at present, but as and when a reasonable reweighting has been achieved, this grouping will have achieved its main purpose, and the core issues of how to guide global governance within the global institutions will be of the essence. There is also tension between global multilateralism and regionalism on a continental or indeed inter-continental scale. Numerous summit declarations advocate both ideas at the same time, but there are real problems of reconciling the two, as evident in the trade policy field and indeed across much of the agenda of the present paper.

[Future of international law](#)

A related aspect is how far international law is to grow in reach and acceptance. There are tendencies in the discourse of UN Security Council permanent members such as Russia and China to advocate the rule of international law, but to reduce this in practice to respect for the prerogatives of the permanent members of UNSC. Europe on the other hand sees a much wider role for the growth of international law, including international humanitarian law, environmental law, the law of the sea, and others. More generally the EU, much more than the US, sees the advance of fields of jurisdiction of international law as central to the evolution of the world order (Scott 2010).

[State sovereignty, integration and post-modernism](#)

A further debate exists over the changing place or definition of state sovereignty in a highly interdependent world. The Europeans have pioneered a post-modern concept and reality, in which the extent of supranational policy making and institutions becomes so intense that there is a change of category, from the “modern” state to the “post-modern.” However, the EU model now

encounters questions about its sustainability, or whether it needs to jump a further category to a more federal system, a proposition that still encounters deep resistance in many member states. For the time being the emerging nations remain largely wedded to national sovereignty, with only ASEAN engaging in deep regional integration. Hegemonic powers, especially new ones, like to set their own rules rather than take over those already set by the old West—a sentiment that runs deep in Russia and China. But the prosperity of the most advanced of the emerging economies will depend crucially on integration systems, for which the Europe can be viewed as a rich experiment for both its qualities and vulnerabilities.

[Economics and sociology of very rapid economic development](#)

Much of Asia is achieving, or aspiring to achieve, very rapid convergence to high levels of economic achievement with a radical diminution of poverty. Yet these economic miracles bring their own problems. One is the now familiar middle income trap, in which economies achieve high enough wage levels to have escaped dire poverty, yet find themselves then ill-equipped to compete with both low-income and highly advanced economies. If this challenge is overcome, the next one is that of achieving a smooth path from very rapid growth onto a path of sustained prosperity at high levels. Here Japan and Korea seem to offer contrasting examples, with Japan having suffered a lost decade of economic stagnation. Rapid economic development is also associated with drastic opening of the economy and exposure to the dynamics of globalization, with its competitive fragmentation of supply chains. This is linked to the erosion of traditional communities and values, and even their destruction with large-scale migration. Sociologists observe the atomization of society as an under-

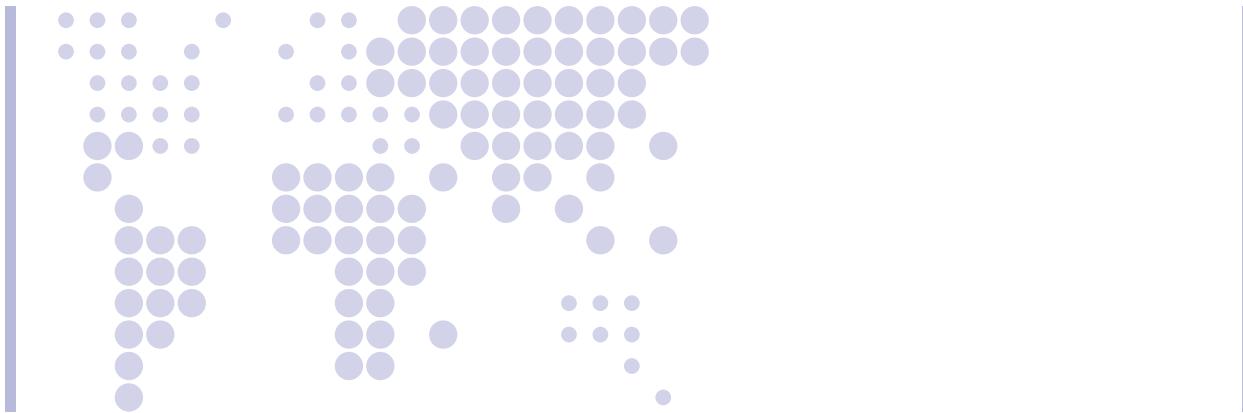
mining the family unit. These extremely difficult and fundamental issues will increasingly set the longer-run context for policy making, requiring research by social scientists, with cross-country comparisons across the Greater Eurasia offering a test-bed of observations.

[Development models for advanced commodity exporting economies](#)

Both Russia and Kazakhstan share huge mineral, oil and gas endowments. But both are concerned about being over-dependent on these commodity sectors, to the exclusion of a broader range of competitive industries. The hazards of this situation have become known as Dutch disease, originating from the time when the Netherlands began to exploit huge gas deposits and feared the erosion of its industrial base. The most successful advanced commodity-based economies today are Australia and Canada, and a valuable exchange of experience could be organized with Russia and Kazakhstan, possibly with the assistance of staff work by the OECD.

[Aging and demographic decline of societies and work forces](#)

This is the subject of the greatest importance to a key group within the Greater Eurasia, consisting of the EU, Russia, China, and Japan, whereas much of developing Asia does not yet face these issues. Policy issues include the extension of the normal working age in line with improved public health, pension schemes, the provision of services for elderly people, and sociological issues arising from drastically changing age structures of the population. Sharing experience and further research in this domain is highly desirable.

Sequencing and destinations of political and economic evolutions

A further fundamental and highly charged issue, over which there is currently no consensus, is the sequencing of economic versus political reforms. According to one thesis economic development, the escape from poverty, and the satisfaction of basic human needs have to come first. Sophisticated systems of political democracy can come later, also relying on advanced educational standards. A further thesis is that as the market economy develops it requires increasingly the whole infrastructure of democratic governance and independent rule of law. A related issue is defining the scope and content of universal values. Europeans have a deeply entrenched culture of democracy and a legal apparatus for the defence of human rights. Do these represent universal values or standards to which other societies will converge alongside economic development? A famous, and now more infamous book, entitled *The End of History* argued that with the collapse of communism the whole world was due to converge on Western liberal democracy (Fukuyama 1992). Western political philosophers are now more cautious, warning against such simplistic assumptions, partly fuelled by observations of the failings of many semi-democratic regimes (Gray 1997).

Philosophies of life and spirituality

Finally, one may reflect on what might be the philosophies of life in a Greater Eurasia, thus the most intangible but maybe most important matter of all. Taken to their starker extremes one may compare on the one hand "Wall Street," meaning the ruthless workings of financial markets, undiluted materialism, competitiveness in everything including individual personal relations, and huge income inequalities; and on the other hand the

Buddhist philosophies of anti-materialism and meditation. Between these extremes, one can observe in Europe societal pressures leading to political interest in adding "happiness" to the conventional pursuit of economic growth, which becomes however a major analytical challenge for the social scientists and politicians alike. A recent survey compares the approaches in Europe, Australia and New Zealand with that of Bhutan, which has established its gross national happiness (GNH) index as guide to public policy, suggesting that western and Buddhist thinking may not be so irreconcilable (Hall and Richard 2013). For Asia the struggle to end extreme poverty has to rely broadly on Western market economics. But here already there are major variations within the West between Europe and the US on social policies and philosophies, and differences in Asian cultures would be even greater. Meanwhile some current manifestations of the new capitalism in both China and Russia even outdo Wall Street for extreme luxury consumerism, but is this going to be the essence of modern Asia? Many Europeans who are now getting to know Asia better are deeply impressed by Asian cultures, which themselves span a huge variety. There is no single Asia.

There is already a rich two-way flow of intercultural influences at work, which globalization serves to accelerate. An example of a huge and intriguing question is whether today's Confucianism in China can be a basis for comparison and convergence with European values. The point of rapprochement is that while Confucianism is not considered to be a religion, since it has no God to worship, contemporary Europe has become increasingly atheist too. Yet Christian ethics remain profoundly anchored in European culture, while Confucianism is also all about ethics.

How? Organization of a Greater Eurasia

The agendas of immediate and long-term issues of common concern across the Greater Eurasia are substantial enough to warrant a unifying concept and vision. There could be a political declaration by all the parties announcing and defining a Greater Eurasia initiative, which would be the political reference document to support relevant initiatives. The preparation of this declaration should be the subject of thorough debate and dialogue among all presumed participants, but a lead could for example be taken at the next Asia Europe Meeting (ASEM) at summit level in 2014, since this is the gathering that comes closest to embracing the whole of European and Asia (we return to ASEM below).

There would also be questions of which organization or network would be responsible for operational activities. The idea of creating some major new structure lying between the global institutions (UN, IFIs, G20) and the dense networks of Asian and European structures would encounter obvious objections over wasteful duplication and undermining of these existing structures. This hypothesis is therefore set aside. More plausible alternatives could be envisaged under the headings of Eurasianization and variable geometry.

“Eurasianization” would mean some carefully calibrated and reciprocal openings of several European and Asian organizations or fora to each other. As regards to where the balance would lie as between European opening to Asia versus Asian opening to Europe, there are possibilities for both, as detailed below. However the latter would have the advantage that Europe could be represented by the EU alone, or the EU plus just its G20 member states, thus avoiding unwieldy meeting with very large numbers. New institutional initiatives would be limited to specifically

justified purposes not suitably covered by existing organizations.

The Greater Eurasia would thus see a loose network structure, with a set of policy-specific initiatives based on what Europeans call “variable geometry” format, i.e., with overlapping but differentiated membership. A further feature, flowing from the variable geometry, would be the holding of multiple meetings sequentially at the same venue among largely overlapping groups, especially at summit level in the interests of economy of time and effort (at which the East and Southeast Asians are already adept) (Box 1 and Annex 1).

There are already tendencies in these directions. Both Europe and Asia see matrioshka-type sets of concentric circles, which lend themselves to the above design features, with the outer circles more naturally open for Eurasianization.

The most dense Asian integration organization is undoubtedly **ASEAN**, whose ten member states have a combined population of 600 million—more than the EU or US but less than China. ASEAN is already multi-functional with ministerial activity across the whole range of government departments, including defence cooperation under the ADMM and ADMM-plus labels (the plus meaning +China). A further impressive aspect of ASEAN, which is highly relevant for the present purpose, is how it has also managed to become the center of gravity for a widening and deepening of Asian regional initiatives. This is symbolized by the willingness of the three major East Asian powers—China, Korea, and Japan—to meet together under the label of ASEAN+3 (which inspires our suggestion of a Greater Eurasia+2). It has led on to an ASEAN+6 with the adding of Australia, New Zealand and India in the **Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)** now under development.

Box 1 | Summary of East and South-East Asian regionalism

Economic organisations/agreements	Political, foreign & security policy
ASEAN (10), aims at upgrade into ASEAN Economic Community & single market by 2015, work in progress, may take longer.	ASEAN (10) and ASEAN defence (ADMM-plus)
ASEAN+3 , =+C, K, J have bilateral-regional FTAs with ASEAN; 3 now discuss/negotiate FTAs between each other, but a long way off conclusion.	ASEAN+3 , summit meetings, idea of an integrated East Asian Community sometimes mentioned.
RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership) = ASEAN+3, +3 (Aus, NZ, Ind) all have bilateral FTAs with ASEAN, but now discuss plurilateral & comprehensive FTA, but only beginning.	EAS (East Asia Summit) = ASEAN+3, +3, +US, RUS. Candidates: EU and 5 other Asians. Accession to TAC (Treaty of Amity and Friendship) necessary but not sufficient condition for EAS.
TPP (Trans-Pacific Partnership) 'Quality FTAs', first 4 Sing, NZ, Chile, Brunei, +US, Aus, Peru, Viet, Malay, + soon Can, J, Mex.	ARF (Asia Regional Forum) = EAS+Can, EU, Bangl, Pak, Mong, Sri, Png, Tim. For security cooperation.
APEC (Asia Pacific Economic cooperation) (21) = ASEAN (7 only), +3, +Aus, NZ, US, Can, Rus, Taiwan, Hong Kong, Peru, Mex, Chile, Png. Business promotion and regional awareness forum	ASEM (Asia Europe Meeting) = EU incl. all member states, ASEAN+3, +3, + Rus, Pak, Mong. General political forum.

For some time there was the idea that the ASEAN+3 might morph into an East Asian Community, implying much more than trade integration. However more recently the **East Asia Summit (EAS)** process has both taken the initiative as the leading political forum for Asian affairs and embraced not only to the ASEAN+6 but also added a further crucial +2 with the US and Russia joining in as full participants. These summits are held alongside ASEAN summits.

An issue for a Greater Eurasia is whether the EU will also accede to the East Asia Summit. The EU has taken a preliminary step in this direction by acceding to the Treaty of Amity and Cooperation (TAC), which is viewed as a necessary but not sufficient condition for acceding to the East Asia Summit; this second step requires a further political agreement among the existing members. The diplomatic-political view seems to be that the EU has to justify its value to the EAS before

this would be agreed. Its qualifications could be its support for ASEAN and expertise on integration and its status as China's largest trading partner. Also helpful are the Lisbon Treaty provisions, which created the single and permanent EU foreign policy representative, since the EAS would doubtless not want to be cluttered up with a crowd of Europeans. However, more substantial reasons could be developed, for example activism in trying to think through long-term rationalization of Greater Eurasian trade structures and land-based transport corridors, proposals for major research and educational initiatives (see further below), and indeed in promoting debate over the Greater Eurasia idea itself.

But the East Asia Summit process is not the only wider and enlarging group. The **ASEAN Regional Forum (ARF)** was initiated in 1993 by ASEAN to promote dialogue and confidence building on political and security issues. Its normative prin-

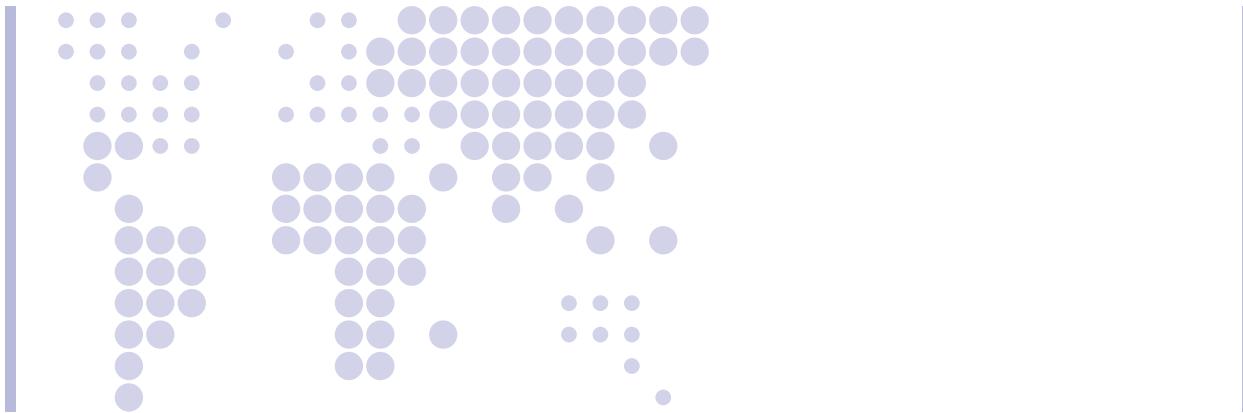
Box 2 | Proposals for enhancing ASEM

- 1. Create a permanent secretariat** to boost common ownership of the process and be a source of ideas for new initiatives. This might be based in Singapore, building on the existing Asia Europe Foundations there, which is ASEM's only institutionalised structure so far, or in a more central location such as Delhi.
- 2. Reform the nature of the deliverables** from the next summit in 2014 in Brussels. There should be less time and effort devoted to the production of the extremely long and often banal conclusions and instead an focus on operational initiatives.
- 3. Take up as the theme for the next summit “Greater Eurasian Inter-Connectivity,”** with operational implications for land-based transport and IT interconnectivity, as well as security risks (drugs, trafficking, illegal migration, cross-border terrorism). For this purpose Central Asian participation is needed, and at a minimum Kazakhstan could be invited as a special guest in view of its large central place on the map of the Greater Eurasia.
- 4. Resort to more flexible and compact formats, limiting the recourse to plenary session of over 50 parties.** For example many concrete projects could be limited to the most interested and capable parties; this begins to be done but would need to be much more developed alongside increased operational activity. The Greater Eurasian members of G20 could have side meetings alongside regular G20 events to develop ideas to be put to ASEM as a whole.
- 5. Substantially increase European and Asian funding for common research and educational initiatives.** Build on the functions of the Asia Europe Foundation, making of this a substantial rather than only token activity. European funding could be obtained in part by reorienting some current EU programmes in South, Southeast, and East Asia, which amount to the top-down promotion of European values. The time has come for a more horizontal joint approach to matters of common concern.

ples are set out in the Treaty of Amity and Cooperation (TAC), which actually dates back to as far back as 1976, the year after the Helsinki Final Act was adopted. It seems to be no coincidence that there is a high degree of commonality between the TAC and Helsinki normative principles (See Annex 6). The ARF's membership today includes all ASEAN+6 states, plus Russia, US, Canada, with the EU having an advanced observer status. Sometimes described as Asia's OSCE, the ARF is headquartered in Jakarta together with the ASE-

AN secretariat. For the Greater Eurasia the firming up of the EU's full participation would be a plausible step.

The Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) is an older forum established in 1989, aiming at economic integration initiated by Australia, including all of today's ASEAN+6 members, as well as east Pacific states of the Americas. Beyond its annual summit meeting, APEC organizes a large number of working groups devoted to economic and business themes, with the aid of a secretariat

located in Singapore. In 2004 it adopted goals of achieving open trade and investment for industrialized countries by 2010 and for developing economies by 2020, later in 2006 launching the idea of a Free Trade Area of the Asia-Pacific (FTAAP). However this plan has not materialized, whereas other regional initiatives have advanced further.

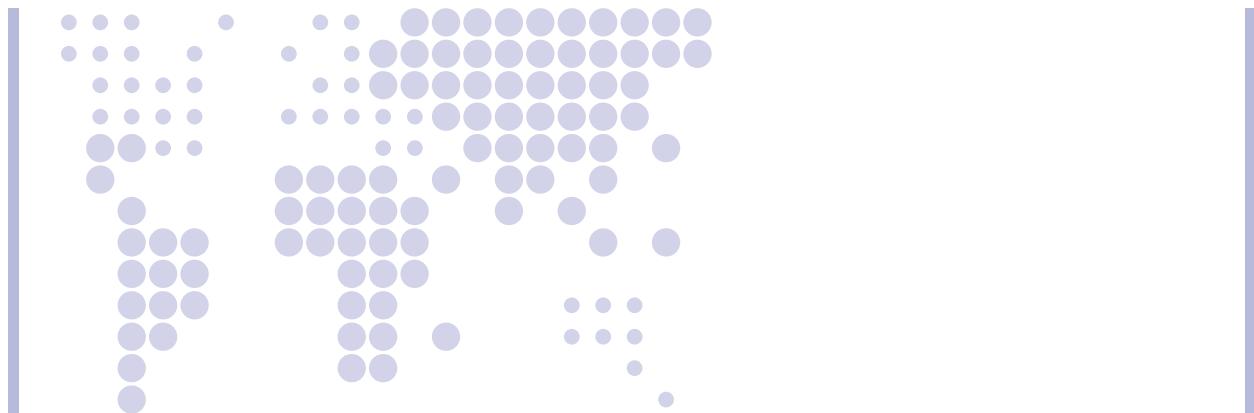
In particular since 2010 there have been active negotiations for a **Trans-Pacific Partnership (TPP)**, building on the “high quality” free trade agreements made in 2005 by just four countries of the Asia-Pacific region: Singapore, New Zealand, Chile, and Brunei. After this small start the initiative has acquired strategic proportions more recently, with the accession of Australia, Canada, Malaysia, Mexico, Peru, and the United States. For the US this appears as the leading economic element in its pivot to Asia. However, key questions here concern China, Japan, and Korea, with only Japan for the time expressing active interest in acceding. Is this to be an “everyone-but-China club,” or will China as well as Korea join in too? These seem to be unanswered questions with implicit geopolitical overtones.

The **Asia-Europe Meeting (ASEM)** comes closest in extent to covering the whole of Greater Eurasia, its membership including the European Union and all its member states, Russia and almost all of Asia, with the exceptions of Central Asia and Iran, but including Australia and New Zealand. Also Turkey is surprisingly not included, although Norway and Switzerland now join in. ASEM meets once every two years at summit level, with 51 national delegations, plus the EU and ASEAN institutions. The setting of the agenda and drafting of the concluding declarations tend to be led by the EU side, but there is a 2+2 coordination structure, i.e., with two parties from each side. Since ASEM has a format that could provide the basis

for much increased initiatives at the Greater Eurasia level, some detail of how this might be done is given in Box 2. Rather, as the US has made the TPP a symbol and instrument of its new pivot to Asia, so the EU could re-invent ASEM to signal its own quite different pivot to Asia. While ASEM’s founding agreement stated its informal and non-institutionalized nature, the time has come to reconsider this, and indeed re-invent ASEM which is in any case in need of a fresh impetus.

There are several Europe-centered organizations, which could be candidates for greater degrees of Eurasianization, albeit of limited extent. The **OECD** long ago dropped its original European mission in favor of a global mission for serving the world’s most advanced economies, with Japan, Korea, and Mexico adding to North America and Australasia. Russia’s accession has been under preparation for some years. At its recent annual ministerial meeting, China, Indonesia, and India were invited as ‘key partners, which could lead to full membership in due course. Kazakhstan has applied for membership. The organization already has a regional program for Southeast Asia and another program working on the problems of mega-cities, most of which are in Asia.

The **Energy Charter**, while highly specialised in its functions, already sees a substantial and increasing Eurasianization. It was born out of the early post-Soviet period as an attempt to bring the EU and Russia together in what was hoped to become a model case of sectoral integration, drawing inspiration from the European Coal and Steel Community founded in the early post-world war period. From the start, the Charter included all of Europe and the post-Soviet space, plus Mongolia, Japan, and Australia, with other Asian observers including China and the Arab Gulf states. Development of the organization has been hampered by Russia’s non-ratification of the Energy Charter

Treaty. Nonetheless the organization adopted in 2009 a road map for its “expansion, outreach and consolidation.” In 2013 Afghanistan acceded as full member, and the same process is underway for Pakistan. China is an increasingly active observer. Consideration is being given to the possible revision of the Charter document (but not the legally binding Treaty) to remove now irrelevant European language to make the organization more attractive to Asian states. A restructuring of this organization, for it become more fully operational in the Greater Eurasia, could see expanded plenary membership to include China, India, Korea, Indonesia, and Gulf states.

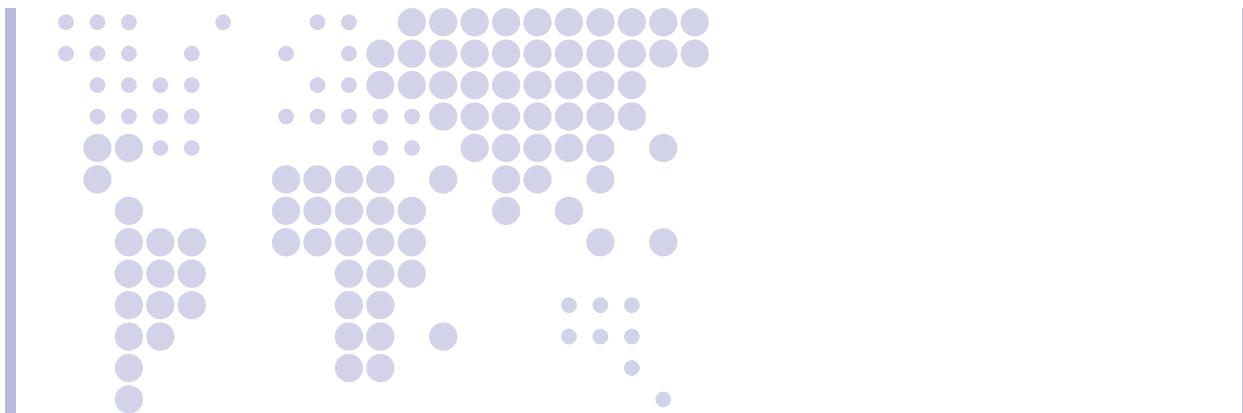
As already noted above there is a high degree of normative commonality between the **OSCE** and its Helsinki principles and the ASEAN Regional Forum and the principles of the Treaty of Amity and Cooperation in South East Asia (TAC). The OSCE is already Eurasian to the extent that it includes all of Central Asia. Hypothetically one might discuss a merger of the two. But since both OSCE and the ASEAN Regional Forum are extensive in their membership and quite weak in real impact, this does not sound plausible, but a structured cooperative between the two could be developed, especially in relation to the security issues around post-2014 Afghanistan. Going one step further, Afghanistan might be invited to accede to the OSCE, leading on to operational activities linked to Central Asia.

The **Council of Europe** extends as far as Vladivostok but not into Central Asia. However, Kazakhstan has expressed increasing interest in a human rights policy and could be a candidate for an associate relationship with the Council of Europe, whose Court of Human Rights has unique experience in developing the jurisprudence and case law of human rights at the international level. A new initiative in Asia came in 2009 with

establishment of the ASEAN Intergovernmental Commission on Human Rights (AICHR), leading to adoption in November 2012 of the ASEAN Human Rights Declaration. This may be only a beginning, but it provides a basis for progress, with encouragement coming from recent changes in Myanmar. There could be opened up a program of cooperation between the AICHR and the Council of Europe and its Court of Human Rights..

The **UN Economic Commission for Europe (UNECE)**, while an organization with a very reduced function, has nonetheless been making a contribution toward extending European-based norms for land transport into Central Asia and further into Asia. It inaugurates the first Europe-Asia Road Safety Forum in Delhi in December 2013.

Returning to Asia-centered organizations, one could consider the **Shanghai Cooperation Organization (SCO)**, headquartered in Beijing (rather than Shanghai), as an institution to build on. Its full members are only China, Russia, and the five Central Asian states, but its observers and dialogue partners include India, Pakistan, Mongolia, Iran, Afghanistan, Sri Lanka, Belarus, and most recently Turkey. The leading question here is whether the SCO is to remain centered on its initial role as a Chinese-Russian entente with Central Asia or broadened out as a wider Eurasian security organization. The large expansion of its observer members and dialogue partners suggests the latter. In which case a next move would be for all of the observers and partners to become full members and for the core Central Asia interests of SCO to be redefined to include Afghanistan. Its priority interests in relation to post-2014 Afghanistan would include both security risks and the opportunities for building north-south as well as east-west links. The EU might then also become an observer of this new

SCO and later accede to full membership as and when the geopolitical environment favored this.

Largely overlapping with this possible evolution of the SCO, since 2011 there has been an informal grouping dedicated to the post-2014 Afghanistan nexus of issues, known as the **Istanbul Process** after the location of its first meeting, and subsequently also called the Heart of Asia after its third ministerial meeting was chaired by Kazakhstan in Astana in April 2013. Its membership exemplifies a traditional conception of "Eurasian," with Russia and Turkey in addition to all Asian states near to Afghanistan but without European participation. The US, EU, and seven EU member states have indicated their support for the process. If its operational significance develops the process could well become a specific-purpose Greater Eurasia+2 construction.

Since its inception in 1996 the **Arctic Council** has strengthened institutionally, with a permanent secretariat now in Norway, alongside growing awareness of the region's challenges and opportunities in the realms of sea transport, energy production, and environmental hazards. Its membership consists of the Nordic states, Canada, Russia, the US, and a widening number of observer states. In May 2013 it admitted six new non-Arctic states as permanent observers, all from Greater Eurasia: China, India, Italy, Japan, Korea, and Singapore, adding to seven other EU member states; thus a specific-purpose organization also with a Greater Eurasia+2 profile.

Many of the fundamental long-term political, economic, and societal issues discussed above are not ripe for immediate political action but are suitable for collaborative research efforts by social scientists across the Greater Eurasia and thus for thinking ahead of officialdom that is inevitably tied closely to the status quo. In 2003 ASEAN+3 initiated the **Network of East Asian**

Think Tanks (NEAT) to promote regional economic integration. In 2007 the East Asia Summit established the **Economic Research Institute of ASEAN and East Asia (ERIA)** on a wider ASEAN+6 basis (i.e. bringing in Australia, New Zealand, and India), which links to a network of 16 national research institutes with objectives of both research and "track 2" diplomacy. These networks are analogous to the **European Policy and Institute Network (EPIN)**, which brings together 35 EU-based think tanks.

Bringing research communities and educational programs together across the Greater Eurasia should be viewed as a step towards engineering a greater normative convergence. If today's PhD graduates in the social sciences undertake their researches in a cosmopolitan Greater Eurasian academic environment, then tomorrow's leaders will be well on the road towards greater harmony on crucial matters of political and security norms. A small step already in this direction has been taken by the ASEM in creating the **Asia Europe Foundation** headquartered in Singapore, which is responsible for projects in the economic, political, educational, and cultural domains and is funded by voluntary contributions from Europe and Asia currently totalling about €3 million per year. The themes addressed by the foundation are a good basis for a much bigger and indeed strategic initiative. But the question of scale is posed: should there be just a token activity as at present, or one that would in the long-run have strategic significance? The EU's experience in creating a continental research community in Europe provides some points of reference. The EU's research program currently has an operating budget of €7 billion per year, covering both social and natural sciences. A prerequisite for project selection is that applicants have to be a multi-national consortium, and this has over several decades actually transformed the European re-

search efforts away from predominantly national programs into an integrated European research community. If the objective were to achieve a Greater Eurasian research community within two to three decades, it should get started with funding in the region of hundreds of millions of euro per year. Think tank networks of the Greater Eurasia could be established, but this should not run the risk of creating monopolizing structures. A main lesson of experience in the EU is to keep competition open between different networks or research consortia through continuous competitive tendering of projects rather than monopolistic network structures.

In the field of educational initiatives much has already been done in recent decades, with large numbers of Chinese managing to do higher educational studies and research in US universities in particular. If there were to be a major initiative at the level of the Greater Eurasia there are some parameters to be born in mind from European experience with the Erasmus program. The norm now in the EU is for university students to spend one year of study away from their home countries. Currently the Erasmus program sees 230,000 students per year study away from home in 33 countries and in 4,000 partner universities at a budgetary cost of €450 million. A sister program called Erasmus Mundus extends the model outside Europe, but on a relatively small scale.

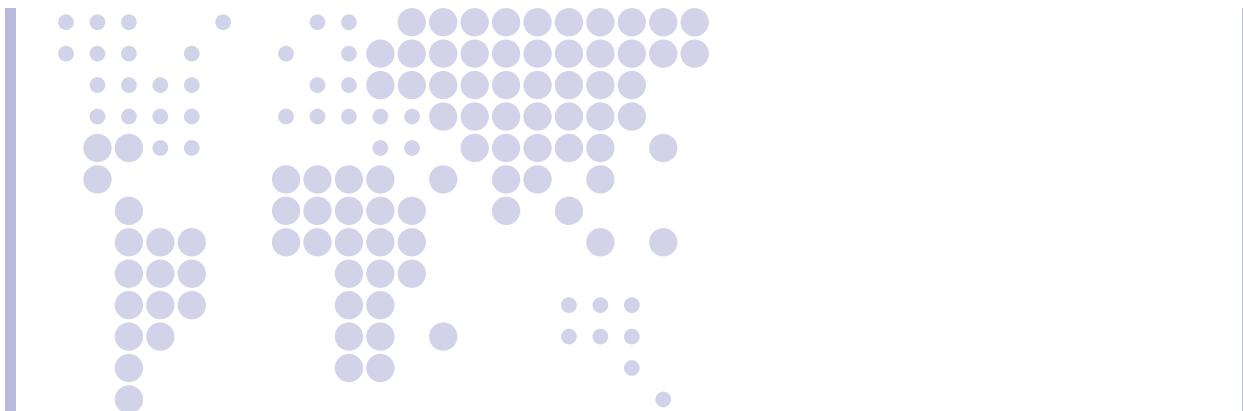
In terms of infrastructure financing and development, there are four key players across the Greater Eurasia: the Asian Development Bank headquartered in Manila, the EurAsian Development Bank headquartered in Almaty, the European Investment Bank headquartered in Luxembourg, and the European Bank for Reconstruction and Development in London, with the World Bank often joining in as partner with each of them. There are coordination processes at work between

these banks in some theaters of operation, but this could be more actively structured. However these will have to overcome important inter- and intra-institutional barriers if they were to support Greater Eurasian integration effectively.

The case for a core leadership group of the Greater Eurasia may also be considered, although any formalization of such groups would encounter objections from the excluded. One formula that would take advantage of existing structures would be to group together the Greater Eurasian members of G20, with its five Asian states (China, India, Indonesia, Japan, and Korea), two Eurasians (Russia and Turkey), one “new Eurasian” (Australia), and the EU with its four G20 member states (Germany, France, UK, Italy). This could have side meetings alongside full G20 meetings, with agenda items more relevant for this group than the plenary G20. Such agenda items are not so difficult to imagine, such as rationalization of preferential trade areas and major land-based transport corridors across the Greater Eurasian area, as well as other major initiatives in fields such as education and research, even before tackling more difficult political and security topics.

Conclusions

The most concrete rationale for a Greater Eurasia is founded on the realities of land connections, which translate into the physical movement of both “goods” and “bads”—trade, tourism, migration, drugs, pandemics, criminality, and terror. All of these need cooperative management across the Greater Eurasian space. But in addition, there is a case for the states and peoples of the Greater Eurasia to engage together in thinking about their major long-term challenges of political, economic, and societal natures. This is a vast agenda, including such issues as multipolarity

and multilateralism, state sovereignty, international law and post-modernism, the forging of a security community, the transition to advanced economies, the evolution of political regimes, and philosophies of life and spirituality.

On how to organize activity at the level of a Greater Eurasia, any proposals have to be adapted to the realities of existing structures, characterized by the integration movements in both Europe and Asia, as well as the major inter-continental Euro-Atlantic and Asian-Pacific structures. Greater Eurasian integration across the super-continental landmass is the missing element in these fast-developing structures. However there would surely be no votes for creating a grand new structure that would duplicate or rival existing multilateral and regional organizations. On the other hand there could well be favored an evolutionary approach in which some existing European-centered and some Asian-centered organizations would be selectively Eurasianized by reciprocal openings to each other, a process that is already visible but which could be further advanced. The model therefore would be more one of a loose network of overlapping organizations and fora. The proliferating initiatives for widening and deepening Asian regionalism are surely going to call for some consolidation and rationalization, and providing for the future place of the Greater Eurasia could be part of the process.

We conclude by highlighting a few issues of strategic significance for the progressive integration of this vast area. Since a key issue is how the EU comes to terms with the fast developing and integrating Asia, we place a special responsibility on what initiatives the EU might itself take.

The forum that comes closest to embracing the Greater Eurasia is the Asia Europe Meeting (ASEM), which could be built on but would need a serious review and recalibration. It could be

the symbol of a European pivot to Asia. It should be made more jointly owned, rather than overly dependent on the EU, for which purpose the EU could agree to Asian requests to set up a joint secretariat. ASEM should then focus its energies more on concrete actions and less on negotiating long declarations, prioritizing for the foreseeable future issues of inter-connectivity across this vast landmass. With priority for inter-connectivity, Central Asia would need to be brought into ASEM, especially Kazakhstan in view of its large place at the center of the landmass. There should also be substantial increases in both European and Asian funding for common research and educational initiatives, including on longer-term issues.

ASEAN is seeking to advance its already impressive integration in the next year or so to a new qualitative level, to be called the ASEAN Economic Community. As and when this is done, the scene would be set for a region-to-region free trade agreement between ASEAN and the EU to take over from current bilateral initiatives. The EU should also intensify its participation in other Asian regional fora, for which the foregoing actions would be justifications.

Russia for its part, while active in many Asian political initiatives, is the only major economy that is not opening itself to any important Eurasian free trade area, except for its proposed Eurasian Union which is only a small affair economically. By contrast, there is a sound case for what President Putin has called a single economic space from Lisbon to Vladivostok. Maybe this will come in due course, but it is not advancing as of now, and Russia's own modernisation is prejudiced as a result.

Trust is a prerequisite of integration across the Greater Eurasia. Here China has a uniquely important role, with its external policies long projected under the banner of "the harmonious rise

of China.” Development contributions by China have acquired a strong reputation for speed and effectiveness, which is clearly evident in Central Asia with major its infrastructure projects. However the admirable “harmonious rise” objective is now being tarnished by forceful actions over maritime borders in the China seas, aggravated by Japan’s increasingly assertive stance. It would be greatly welcomed if China’s new leadership judged that the time was now ripe to ease these tensions by greater recourse to the mechanisms of international law to resolve such disputes, supported by political acts of reconciliation that would also have to involve Japan. Progress over these issues would resonate positively way beyond the China Seas and represent a strong confidence building measure across the whole of the Greater Eurasia.

A Greater Eurasia process would need to be started and announced with a political declaration, which would have overarching normative content and a sketch of long-term objectives. The next ASEM summit in 2014 could be an occasion to launch this.

Annex 1: East, Southeast, and South Asian Circles

	ASEAN	ASEAN + 3,+3, RCEP	ARF	APEC	TPP	SAARC	TAC/ EAS
Brunei	X	X	X	X	X		X
Cambodia	X	X	X	X			X
Indonesia	X	X	X	X			X
Laos	X	X	X	X			X
Malaysia	X	X	X	X	X		X
Myanmar	X	X	X	X			X
Philippines	X	X	X	X			X
Singapore	X	X	X	X	X		X
Thailand	X	X	X	X			X
Vietnam	x	X	X	X	X		X
China		X	X	X			X
Hong Kong				X			
Taiwan				X			
Japan		X	X	X	*		X
Korea (S)		X	X	X			X
Mongolia			X	X			*
Korea (N)			X	X			
Papua N.Guin.			X	X			
Timor-Leste			X	X			
India		X	X	X		X	X
Afghanistan							X
Bangladesh							X
Bhutan							X
Maldives							X
Nepal							X
Sri Lanka							X
Pakistan			X	X		X	*
Russia			X	X			X
Australia		X	X	X			X

	ASEAN	ASEAN + 3,+3, RCEP	ARF	APEC	TPP	SAARC	TAC/ EAS
New Zealand		X	X	X	X		X
Canada			X	X			
US			X	X	X		
Chile				X	X		
Peru				X			
EU			X				*

* negotiating accession

ASEAN Association of South East Asian Nations

ASEAN + 3 China, Korea, Japan, +3 ... India, Australia, New Zealand

ARF Asian Regional Forum

RCEP Regional Comprehensive Economic Process

APEC Asia Pacific Economic Cooperation

TPP Trans Pacific Partnership

TAC, EAS Treaty of Amity and Cooperation, East Asia Summit

SAARC South Asia Association for Regional Cooperation

Annex 2: Russian, Central Asian, and Eurasian Circles

	Customs Union	EurAsEC	CSTO	CIS	SCO	Istanbul/ Afghan Process
Russia	X	X	X	X	X	X
Belarus	X	X	X	X	*	
Kazakhstan	X	X	X	X	X	X
Kyrgyzstan	*	X	X	X	X	X
Tajikistan		X	X	X	X	X
Turkmenistan				*	X	X
Uzbekistan				X	X	X
Armenia		*		X		
Georgia						
Moldova		*		X		
Ukraine		*		X		
Turkey					*	X
China					X	X
India					*	X
Pakistan					*	X
Iran					*	X
Azerbaijan						X
Saudi Arabia						X
United Arab Em.						X

* signifies incomplete membership: observer, or associate, or incomplete ratification, or under negotiation

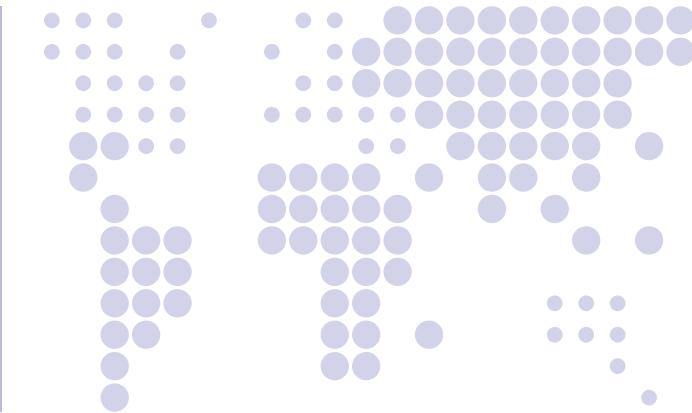
EurAsEC – Eurasian Economic Cooperation

CSTO – Collective Security Treaty Organisation

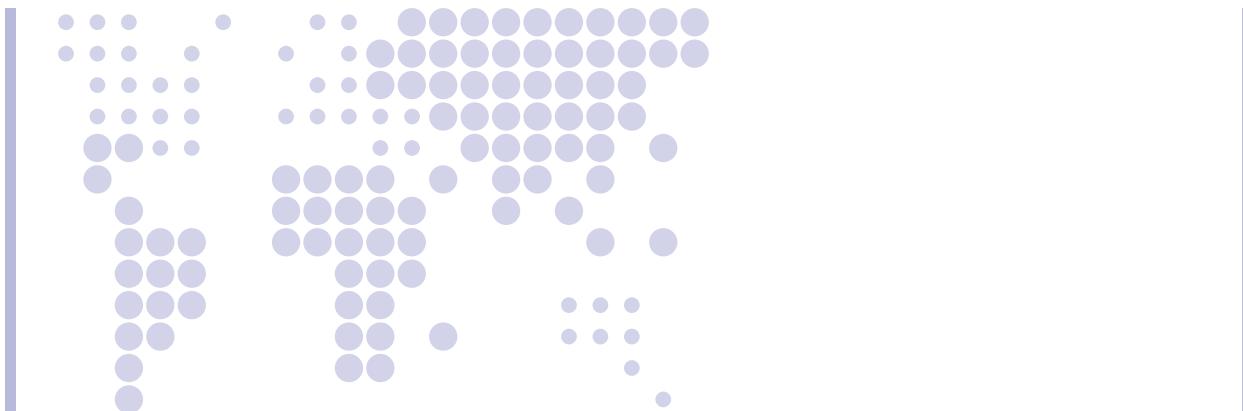
CIS – Commonwealth of Independent States

SCO – Shanghai Cooperation Organisation

Annex 3: European Circles

	EU	EEA + CH	Enlarge/ Memb. Perspec.	ENP South & East	Council of Europe	OSCE	Central Asia Strategy
EU 27	X	X			X	X	X
Norway		X			X	X	
Liechtenstein		X			X	X	
Iceland		X	X		X	X	
Switzerland		X			X	X	
Croatia			X		X	X	
Turkey			X		X	X	
Montenegro			X		X	X	
Macedonia			X		X	X	
Serbia			X		X	X	
Albania			X		X	X	
Bosnia			X		X	X	
Kosovo			X				
Algeria				X			
Egypt				X			
Israel				X			
Jordan				X			
Lebanon				X			
Libya				X			
Morocco				X			
Palestine				X			
Syria				X			
Tunisia				X			

	EU	EEA + CH	Enlarge/ Memb. Perspec.	ENP South & East	Council of Europe	OSCE	Central Asia Strategy
Azerbaijan				X	X	X	
Armenia				X	X	X	
Belarus				X	X	X	
Georgia				X	X	X	
Moldova				X	X	X	
Ukraine				x	X	X	
Russia					X	X	
Kazakhstan						X	X
Kyrgyzstan						X	X
Tajikistan						X	X
Turkmenistan						X	X
Uzbekistan						X	X
US						X	

EEA – European Economic Area

ENP – European Neighbourhood Policy

OSCE – Organisation for Security and Cooperation in Europe

Annex 4: States of Greater Eurasia in the Top 12 by Population, Landmass, or GDP and Their Political Regimes

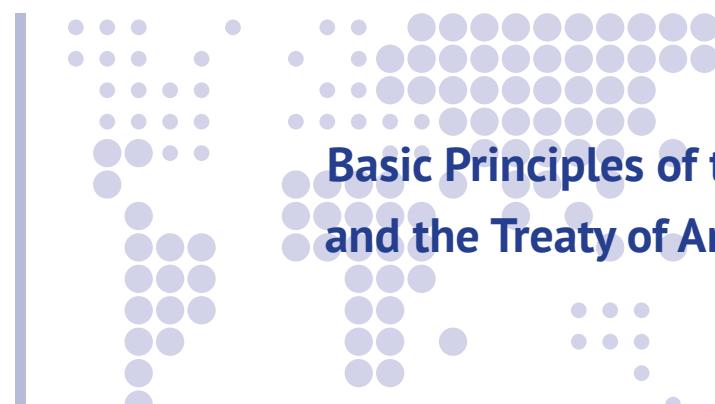
Region/Country		Democratic	Semi-democratic	Non-democratic
Asia				
1.	China			7
2.	India	2		
3.	Indonesia	2		
4.	Pakistan		4	
5.	Bangladesh		3	
6.	Japan	1		
7.	Vietnam
8.	Philippines		3	
9.	Iran			6
10.	Mongolia	1		
11.	Myanmar
12.	Afghanistan			6
13.	Korea	1		
14.	Thailand			
15.	Uzbekistan			7
16.	Malaysia		4	
17.	Singapore		4	
Eurasia				
18.	Russia			6
19.	Turkey		3	
20.	Kazakhstan			6
Europe				
21.	Germany	1		
22.	France	1		
23.	UK	1		
24.	Italy	2		
25.	Spain	1		
26.	Ukraine		4	

Highlighted are 12 states, plus the EU, which are G20 members.

Source: Freedom House

Annex 5: Megacities of the Greater Eurasia

Megacity	Continent	Population	Annual Growth
Tokyo	Asia	35,682,460	0.60%
Jakarta	Asia	28,019,545	2.20%
Seoul	Asia	25,600,000	1.40%
Shanghai	Asia	25,300,000	2.20%
Karachi	Asia	23,500,000	4.90%
Delhi	Asia	23,000,000	4.60%
Mumbai	Asia	20,800,000	2.90%
Manila	Asia	20,700,000	2.50%
Osaka	Asia	16,800,000	0.15%
Beijing	Asia	16,400,000	2.70%
Kolkata	Asia	15,700,000	2.00%
Dhaka	Asia	14,000,000	4.10%
Bangkok	Asia	13,800,000	0.90%
Tehran	Asia	13,500,000	2.60%
Guangzhou	Asia	12,700,800	4.00%
Lahore	Asia	12,500,000	2.00%
Istanbul	Eurasia	13,850,000	2.80%
Moscow	Europe	16,200,000	0.20%
London	Europe	12,600,000	0.70%
Paris	Europe	10,600,000	1.00%

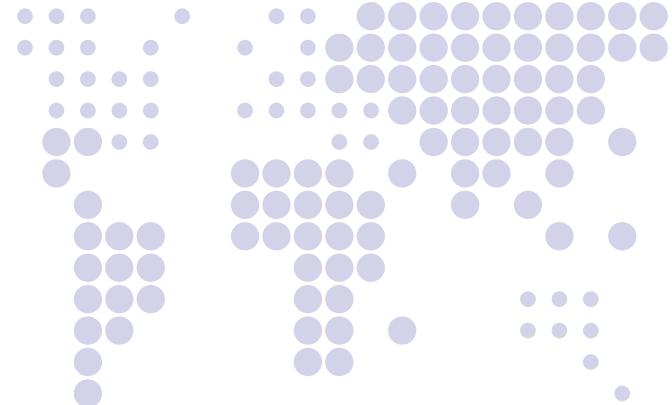
Annex 6: Basic Principles of the Helsinki Final Act and the Treaty of Amity and Cooperation

Helsinki Basic Principles, 1975

1. Sovereign equality
2. Refraining from the threat or use of force
3. Inviolability of frontiers
4. Territorial integrity of states
5. Peaceful settlement of disputes
6. Non-intervention in internal affairs
7. Respect for human rights and fundamental freedoms
8. Equal rights and self-determination of peoples
9. Cooperation among states
10. Fulfilment of obligations under international law

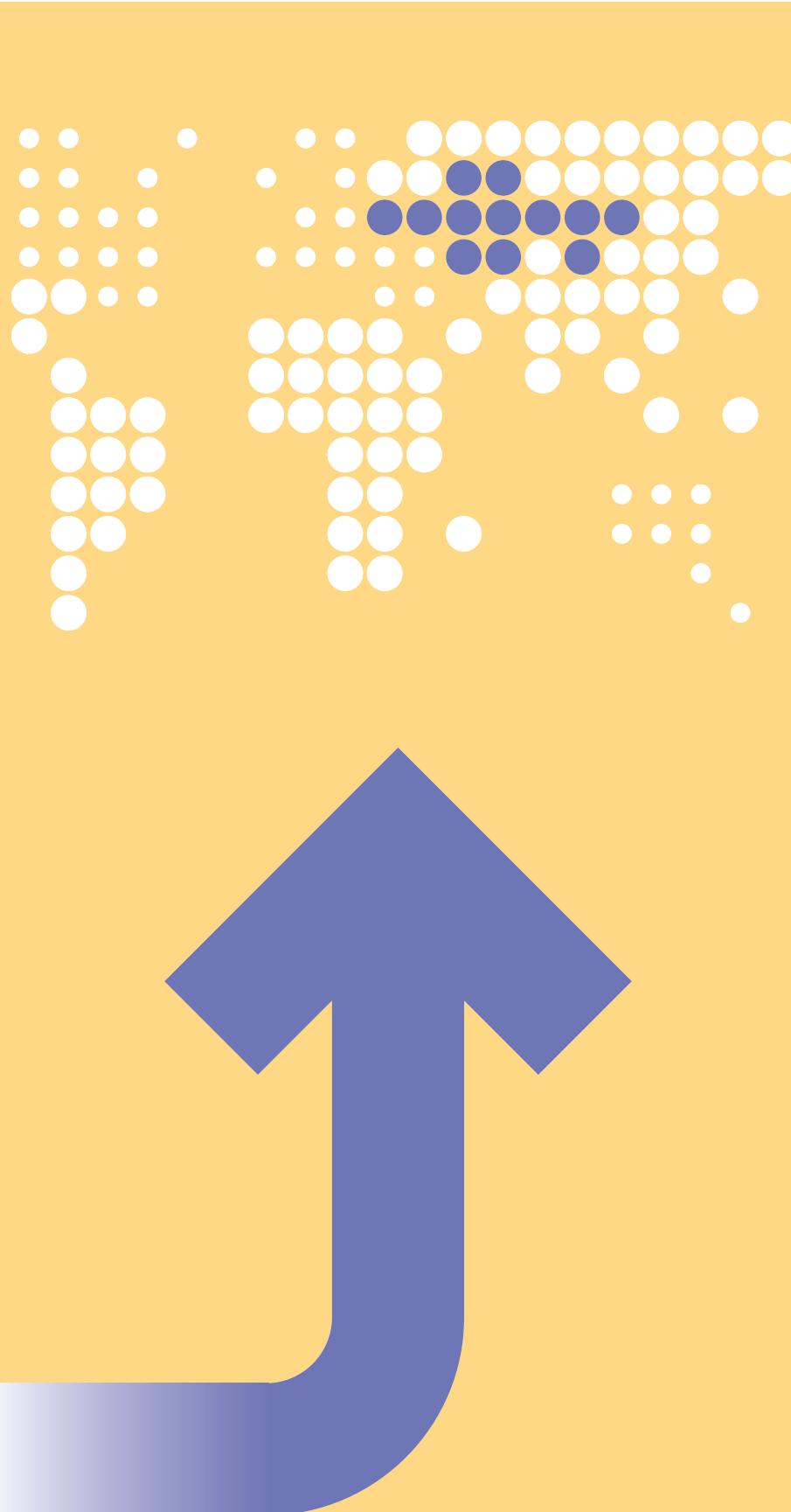
Treaty of Amity and Cooperation, 1976, fundamental principles

1. Mutual respect for the independence, sovereignty, equality, territorial integrity, and national identity of all nations
2. The right of every state to lead its national existence free from external interference, subversion, or coercion
3. Non-interference in the internal affairs of one another
4. Settlement of differences or disputes by peaceful means
5. Renunciation of the threat or use of force
6. Effective cooperation among themselves

References

- Bocking, David. "Deutsch-chinesische Güterstrecke: Moin, moin, Weltwirtschaftslok." *Der Spiegel*. Published August 2, 2013. <http://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/gueterverkehr-hamburg-be-gruessst-den-ersten-zug-aus-zhengzhou-a-914567.html>.
- Deutsch, Karl. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organisation in the Light of Historical Experience*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Penguin, 1992.
- Gray, John. *Endgames: Questions in Late Modern Political Thought*. Cambridge: Polity Press, 1997.
- Gundogan, Dilay. "Turkey Signs to a Joint Destiny with Shanghai." *Sabah*. Published April 27, 2013. <http://english.sabah.com.tr/National/2013/04/27/turkey-signs-on-to-a-joint-destiny-with-shanghai>.
- Hall, Jon, and Louise Richard. *People, Progress, and Participation: How Initiatives Measuring Social Progress Yield Benefits Beyond Better Metrics*. Gutersloh: Bertelsmann Stiftung, 2013.
- Laruelle, Marlene. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2008.
- Linn, Johannes, and David Tiomkin. "Economic Integration of Eurasia: Opportunities and Challenges of Global Significance." In *Europe after Enlargement*, edited by Anders Aslund and Marek Dabrowski. New York: Cambridge University Press, 2007.
- Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton, 2001.
- Morris, Ian. *Why The West Rules—For Now*. Farrar, Straus, and Giroux, 2010.
- Scott, Shirley. *International Law in World Politics*. Boulder: Rienner, 2010.
- Trenin, Dmitri. *The End of Eurasia: Russia on the Border between Geopolitics and Globalisation*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001.
- Trenin, Dmitri. *Post-Imperium: A Eurasian Story*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2011.
- Vinokurov, Evgeny. "Emerging Eurasian Continental Integration: Trade, Investments and Infrastructure." Working Paper for the Emerging Markets Forum, Astana, September 2013.

EURASIA EMERGING MARKETS FORUM

SEPTEMBER 10-11, 2013

ASTANA, KAZAKHSTAN

АСТАНА, КАЗАХСТАН

10-11 СЕНТЯБРЯ, 2013

Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?

Michael Emerson

EURASIA EMERGING MARKETS FORUM

На пути к
«Большой Евразии»
Кто? Почему?
Что? Как?

Майкл Эмерсон

Содержание

Список организаций и сокращений	44
На пути к «Большой Евразии»: Кто? Почему? Что? Как?.....	45
Приложение 1: Круги Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии	79
Приложение 2: Российский, Центрально-Азиатский и Евразийский круги	81
Приложение 3: Европейские круги	82
Приложение 4: Государства Большой Евразии среди топ-12 государств по показателям населения, территории или ВВП а также их политические режимы	84
Приложение 5: Мегаполисы Большой Евразии.....	85
Приложение 6: Основные принципы Заключительного Хельсинкского акта ОБСЕ и Конвенции о согласии и сотрудничестве	86
Библиография	87

Список организаций и сокращений

- АБР Азиатский Банк Развития
- ВМОА-плюс... встреча министров обороны стран АСЕАН - плюс
- МКАПЧ..... Межправительственная комиссия АСЕАН по правам человека
- АТЭС..... Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
- АРФ..... Региональный форум АСЕАН
- АСЕАН Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
- АСЕАН +3..... включает дополнительно Китай, Южную Корею, Японию;
- АСЕАН +6..... включает дополнительно Австралию, Индию, Новую Зеландию
- АЗЕС..... Азиатско-европейское совещание
- БРИКС Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка
- СНГ Содружество независимых государств
- ВАС..... Восточноазиатский саммит
- ЕЭЗ Европейская экономическая зона
- ЕврАзЭС..... Евразийское экономическое сообщество
- ОБСЕ..... Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- РВЭП Региональное всестороннее экономическое партнерство
- РИК..... встреча министров иностранных дел России, Индии и Китая
- ЮААРС..... Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии
- ШОС..... Шанхайская организация сотрудничества
- КСС..... Конвенция о согласии и сотрудничестве
- ТТП..... Транстихоокеанское партнерство
- РКИК Рамочная Конвенция ООН об изменении климата

На пути к «Большой Евразии»:

Кто? Почему? Что? Как?

Майкл Эмерсон

Введение

В настоящей работе рассматривается концепция «Большой Евразии», которая охватывает всю Европу и Азию в рамках евразийского суперконтинента. Анализ представлен в четырех разделах, которые сокращенно можно озаглавить следующим образом: *Кто? Почему? Что? Как?*

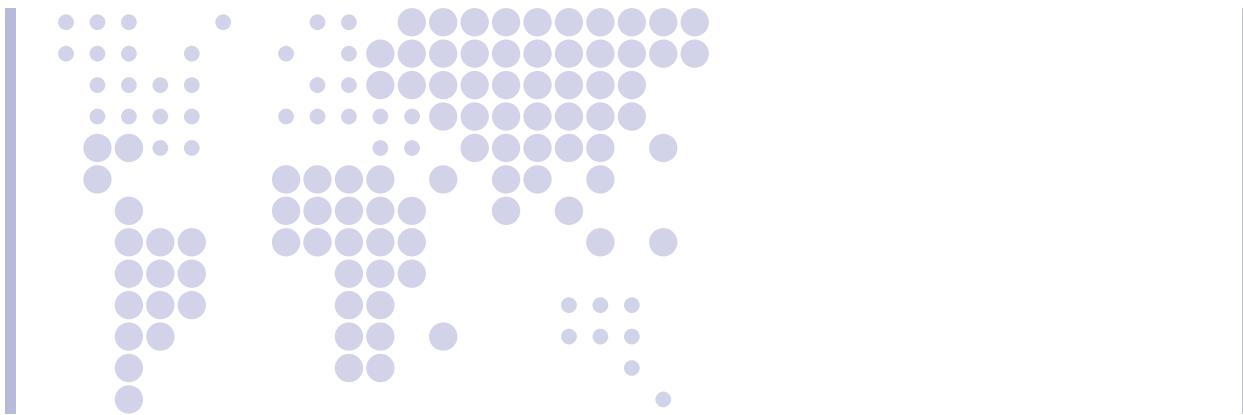
Кто? Географ с легкостью может идентифицировать Европу и Азию, несмотря на существующие расхождения во мнениях по поводу включения в эти понятия арабского мира. Тем не менее, простой географический подход вряд ли может учесть все политические и экономические вопросы, включая роль США как в евро-атлантическом, так и в азиатско-тихоокеанском обществах, или же эффективную интеграцию Австралии в азиатский регион.

Почему? С давних пор Россия, Казахстан и Турция определили себя в качестве евразийских государств. Однако теперь эти страны заинтересованы в расширении и модернизации изначальной концепции Евразии. В geopolитическом отношении Большая Евразия в настоящее время находится в состоянии кризиса. Новые региональные объединения Восточной и Юго-Восточной Азии очень активно расширяются. В то же время потрясения происходят в Европе. И если существуют трансатлантическое и транстихоокеанское сообщества, должно ли тогда существовать всеобъемлющее, объединяющее эти сообщества пространство Большой Евразии? Или же Большая Евразия должна определяться входящими в нее суб-регионами с селективными связями между ними или крупными государствами, представляющими собой самостоятельные полюса в глобальных вопросах.

Что? Возможная повестка дня для Большой Евразии включает, в первую очередь, проблемы смежных территорий, а именно: вопросы наземного транспорта и энергетических коридоров, торговых отношений и трансграничных проблем преступности и терроризма. Забегая вперед можно сказать, что вопросы повестки дня, безусловно, гораздо глубже затрагивают сферы стратегической безопасности, политических идеологий, долгосрочных социально-экономических проблем и культурных ценностей. Поскольку большая часть Азии присоединяется к числу наиболее развитых странах мира или возвращается в их ряды, возникают большие проблемы, связанные с глобальным лидерством в отношениях.

Как? В данном разделе рассматриваются существующие институциональные инициативы и объединения на территории Большой Евразии, а также их значимость в сегодняшней повестке дня. В этом разделе также затрагивается вопрос создания новой организации, насчитывающей половину Генеральной Ассамблеи ООН, а также затрагивающей многие действующие инициативы. Более интересный вопрос состоит в том, как существующие органы власти могут адаптироваться к возникающим потребностям Большой Евразии.

В настоящей работе утверждается, что идею о Большой Евразии не следует отклонять как далекую иллюзию. Ее необходимо включить в стратегическое и долгосрочное видение процесса совместного гармоничного подъема Азии и Европы.

Кто? Контуры Большой Евразии

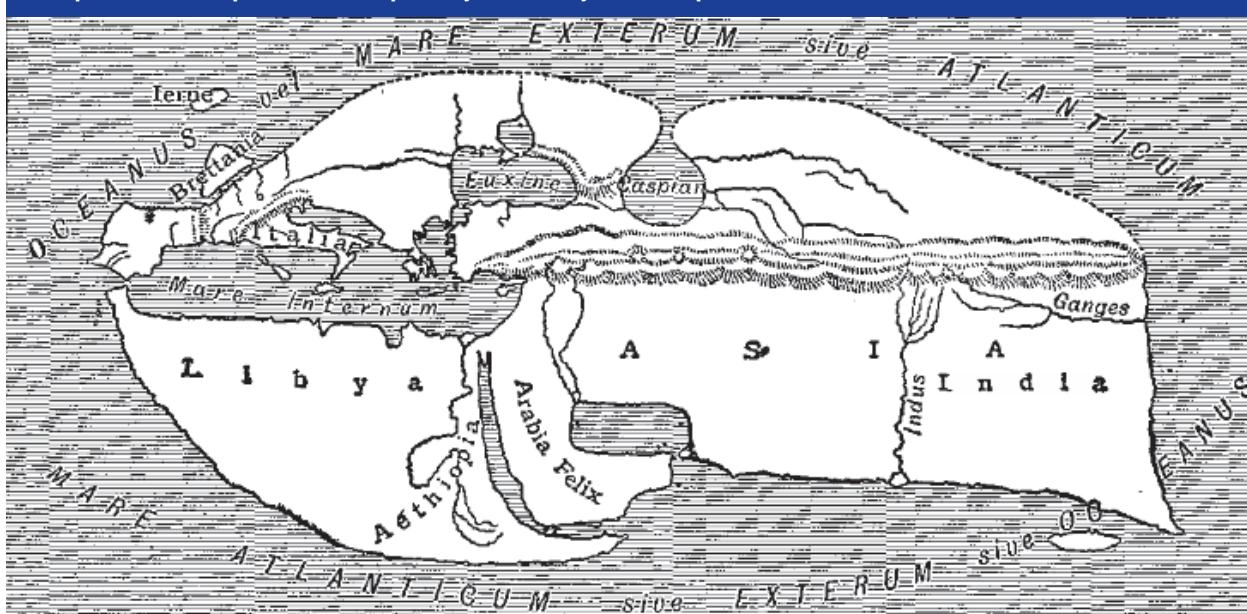
Первая известная карта мира, составленная древнегреческим историком Страбоном (Карта 1), вполне может использоваться в целях данной статьи, поскольку в те времена считалось, что мир состоит только из Евразии и небольшой части Африки. Босфорский пролив считался разделительной линией между Европой и Азией. Такое разделение сохранилось в наши дни. В прежние времена греки имели представление об Азии только из сведений об Индии. Они исследовали географию групп индоевропейских языков; им было известно и о Гималаях, кроме их северной части. Китай был самостоятельным миром, географически изолированным горами, пустынями и морем. По этой причине страна не рассматривалась в ранней евроцентристской картине мира. Полезно было бы сравнить представленную здесь карту с китайскими картами Поднебесной.

Однако, к сожалению, никаких примеров таких карт не сохранилось.

Как же разграничить Евразию? Малая Евразия состоит только из тех государств и народов, которые уже считали себя в значительной степени евразийскими. К этим странам можно отнести Россию, Казахстан и Турцию. В следующем разделе представлен анализ их представления о Евразии.

Большая Евразия должна охватывать весь суперконтинент Европы и Азии. Исторически страны суперконтинента в течение долгого времени были тесно взаимосвязаны друг с другом до обнаружения «Нового мира». А разделение Европы и Азии в 20-м веке стало результатом относительно недолго существовавших “железного” и “бамбукового” занавесов.

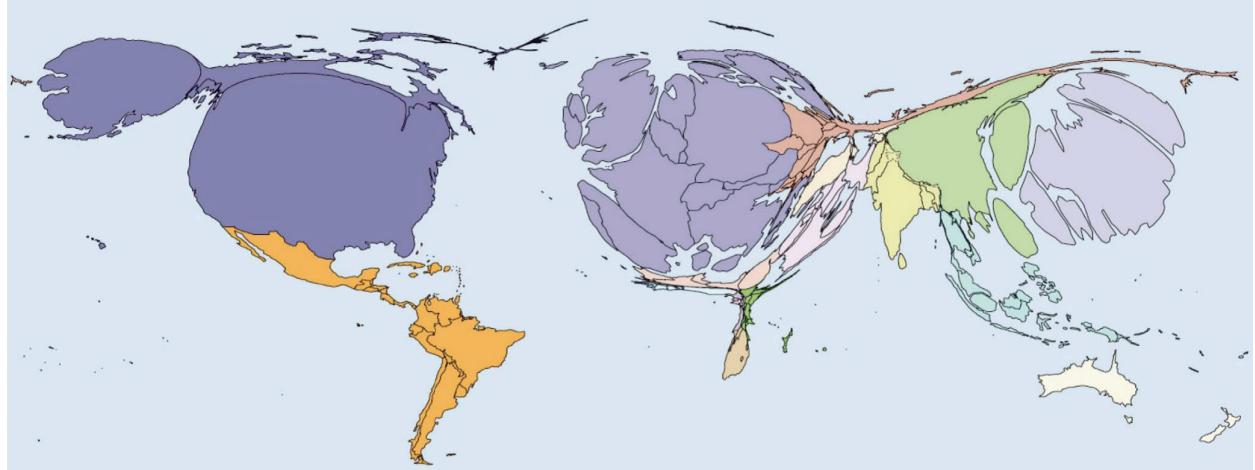
Карта 1 | Мир согласно Страбону в 18 году нашей эры

Источник: Страбон, «Geographica», приблизительно 18 год нашей эры. Карта воссоздана Исааком Касаубоном в «Geographica», 1620 год

Карта 2 | Мир согласно Всемирному Банку в 2009 году

Источник: Доклад Всемирного Банка, 2009 год

Аравийский полуостров появился на карте Страбона в качестве пограничного региона, относящегося к более ранним арабским империям. Эти империи демонстрировали впечатляющие достижения в регионе Евразии от Гранады до Самарканда, когда ислам распространился на территории Южной и Юго-Восточной Азии. Но так как арабский мир сегодня сосредоточен на территории Северной Африки, в данной работе он освещен только в рамках стратегической роли Аравийского полуострова в области энергетики на территории всей Большой Евразии.

Австралазию, в свою очередь, Страбон счел отдельным континентом. Австралия по морю находится не дальше от Азии, чем Япония от азиатского материка. И Австралия, и Новая Зеландия, несмотря на то, что они не являются азиатскими странами, могли бы стать «новыми евразийцами».

В этой связи возникает вопрос о роли США и Канады в отношении Евразии. Оба государства

имеют тесные взаимосвязи с Европой; они входят в состав АТЭС, а также во многие другие азиатские инициативы. США проводят политику жесткой и мягкой силы на всей территории Большой Евразии. США и Канада не были включены географом Страбоном в состав Евразийского суперконтинента. Однако, сегодня их широкое присутствие в Европе и Азии позволяет, по примеру стран АСЕАН+3, включить их в состав «Большой Евразии+2».

Экономическая карта мира, составленная Всемирным банком (Карта 2), также призывает задуматься об идее Большой Евразии+2. Карта показывает относительно небольшие размеры экономик стран Латинской Америки и Африки, а также иллюстрирует реальное экономическое разделение Европы и Азии.

Основные данные о размерах Большой Евразии представлены в таблице 1 четырьмя показателями: численность населения, площади занимаемой территории, ВВП и ВВП на душу населения в 12-ти лучших по этим показателям

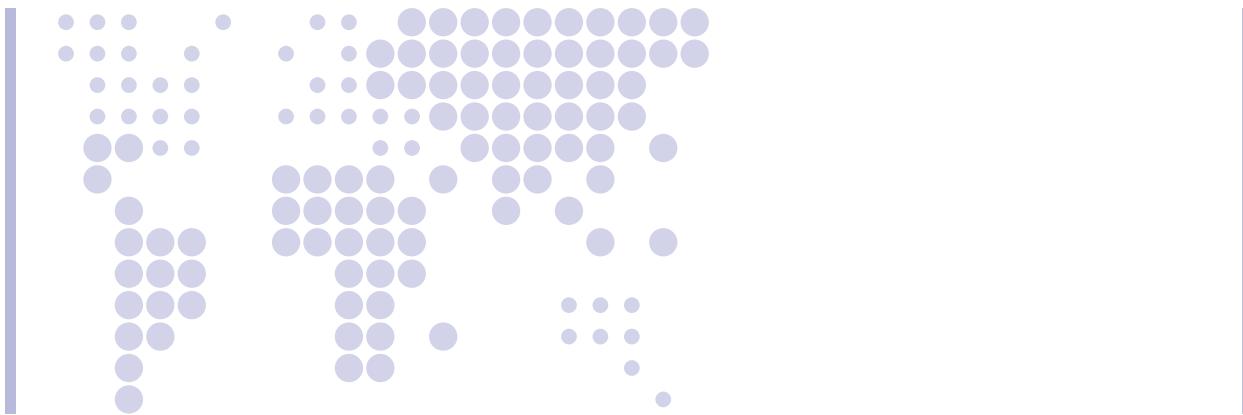

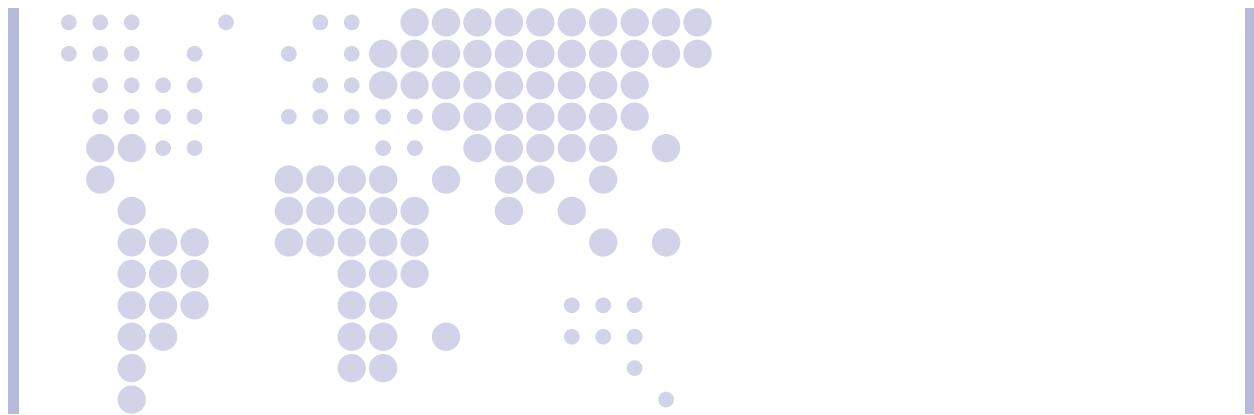
Таблица 1 | Топ-12 государств Большой Евразии

Ранг	Страна/ Регион	Население, млн. человек	Страна/ Регион	Площадь территории, млн. км ²	Страна/ Регион	ВВП, млрд. долларов	Страна/ Регион	ВВП на душу населения \$
1	Китай	1344	Россия	16376	ЕС	17584	Япония	45,903
2	Индия	1241	Китай	9327	Китай	7318	Гонконг	35,156
3	ЕС	503	ЕС	4181	Япония	5867	ЕС	34,156
4	Индонезия	242	Индия	2973	Россия	1857	Корея	22,424
5	Пакистан	176	Казахстан	2699	Индия	1872	Россия	12,995
6	Бангладеш	150	Иран	1628	Корея	1116	Казахстан	11,357
7	Россия	143	Монголия	1553	Индонезия	846	Турция	7749
8	Япония	127	Пакистан	770	Турция	775	Китай	5445
9	Вьетнам	87	Турция	769	Таиланд	345	Таиланд	4972
10	Филиппины	94	Мьянма	653	Иран	331	Иран	4413
11	Иран	75	Афганистан	652	Малайзия	287	Украина	3615
12	Турция	73	Украина	579	Гонконг	248	Индонезия	3495
	Европа*	832		23,039		21,852		26,264
	Азия	3871		23,659		19251		5102
	Большая Евразия	4773		46,698		41,103		8611
	Большая Евразия+2							
	США	315		9826		15,685		49,736
	Канада	35		9976		1833		52,371
	Мир	6974		129,709		70,020		10,040
	БЕА/Мир	68%		36%		59%		85%
	БЕА+2/Мир	73%		51%		83%		114%

В данной таблице Европа включает в себя все государства Совета Европы (включая «евразийскую» Россию и Турцию)

Примечание: Столбец, в котором представлены топ-12 государств с более высоким ВВП на душу населения, включает только те государства, которые входят в топ-12 стран по численности населения, площади занимаемой территории или ВВП. Если рассматривать отдельно государства-члены ЕС, то 12 лучших государств по ВВП на душу населения будут включать небольшие страны в следующем порядке: 1. Люксембург, 2. Норвегия, 3. Швейцария, 4. Макао (Китай), 5. Дания, 6. Швеция, 7. Нидерланды, 8. Австрия, 9. Финляндия, 10. Бельгия, 11. Сингапур, 12. Германия. При этом в группе Большой Евразии+2 также должны учитываться уровни Канады и США.

Источник: Онлайн база данных Всемирного Банка, 2011 год

государствах Большой Евразии и Большой Евразии+2. Если включить эти страны из всех столбцов в большую ключевую группу, тогда ее можно было бы назвать Большой Евразией G-22. В целом, на долю Большой Евразии приходится 68% населения всего мира и 59% мирового ВВП, в то время как на долю Большой Евразии+2 приходится уже 73% населения всего мира и 83% ВВП.

Почему? Концепции Малой и Большой Евразии

Все три государства, которые, согласно Страбону, лежат на границе Европы и Азии – Россия, Казахстан и Турция – имеют свои представления о Евразии. Более того, зачастую они считают себя «создателями» этой идеи¹. Однако эти страны рассматривали данный регион только в контексте Малой Евразии. Сегодня эти государства и народы могут стать более открытыми для новых и более широких идей и представлений о Большой Евразии.

Прежние евразийцы

Россия имеет длительную историю евразийства. Оно берет начало с расширения Российской империи, которое, в свою очередь, привело к выделению большого числа азиатских этнических групп. Российская элита и интеллигенция с готовностью приняли теорию евразийства в качестве инструмента для узаконивания империи. На протяжении нескольких веков, начиная со времен Петра Великого и до наших дней, общество России было разделено на сторонников интеграции страны с Европой (в противовес автономной России) и на сторонников славяно-

православных или евразийских тенденций. Как сказал Достоевский в 1881 году: «В Европе мы татары, в Азии мы европейцы».

Современная Россия делает выбор в пользу Евразийского союза, возглавляемого Россией и воспринимаемого как ответ на неспособность интегрироваться с Европой в постсоветский период. Но эти тенденции не новы. Например, после поражения России в Крымской войне в 1855 году наблюдалось стремление страны к расширению на Восток. В 20 веке развивалась теория о евразийской идентичности России, когда Лев Гумилев (1912-92) выдвинул постулаты о том, что в районе Великой степи появился уникальный синтез этнических русских и монголов.

В настоящее время выдвигается аргументация, которая представляет евразийство для России в качестве защитного механизма от Запада. Эти идеи активно разрабатываются Александром Дугиным, плодовитым писателем и пропагандистом, чьи взгляды сочетают резкий русский национализм с евразийством. Считающийся в течение некоторого времени чудаком с неофашистскими взглядами, сейчас он играет важную роль в русской политической дискуссии и имеет множество последователей. Он основал Международное евразийское движение – организацию, которой оказывается поддержка в Казахстане и в Турции.

Одним из приоритетов Президента В. Путина с момента переизбрания на новый срок в 2012 году является создание Таможенного союза между Беларусью, Казахстаном и Россией, как за счет расширения его членского состава, так и путем его трансформации в Евразийский союз к 2015 году. Украина является основным ориентиром для расширения состава Таможенного союза. Однако, вероятнее всего, эта идея будет отвергнута Киевом. В то же

1. В данном разделе речь идет о детальном исследовании «российского евразийства», проведенном Марлен Лорель. Пресс-центр Вудро Уилсона и университетское издательство Джона Хопкинса, 2008 год

время Кыргызстан с большей вероятностью может стать новым членом союза. В. Путин также высказал свое мнение в пользу единого экономического пространства от «Лиссабона до Владивостока», но эта идея пока не находит отражения в действиях. На вопрос о том, как Таможенный союз и пространство «от Лиссабона до Владивостока» должны соотноситься друг с другом, официальный ответ звучал следующим образом: сначала мы завершим создание Евразийского союза, а затем в качестве блока проведем переговоры с Европейским союзом.

В то же время идеи расширения сотрудничества с Европой по-прежнему активно поддерживаются некоторыми сторонами в рамках российской национальной дискуссии. Во время президентства Д. Медведева была выдвинута идея о модернизации партнерства с Европейским союзом. В 2001 году Д. Тренин опубликовал книгу, которая выступила антитезисом книги А. Дугина под названием «Конец Евразии»². В 2012 году Тренин высказал новые идеи в другой книге под названием «Евразийская История». Эта книга засвидетельствовала изменение интереса в пользу Большой Евразии (без использования этого термина), охватывающей Китай, Японию и Азию в целом³.

Самоидентификация турков издавна была связана со всей территорией Османской империи, то есть по большей части на основе религии, нежели национальности. Когда империя распалась, появился интерес к более однородному (этнически и культурно) тюркскому пространству. Всеобщее славистское мышление оказало влияние на формирование всеобщего тюркизма. Татарские и азербайджанские националисты способствовали появлению

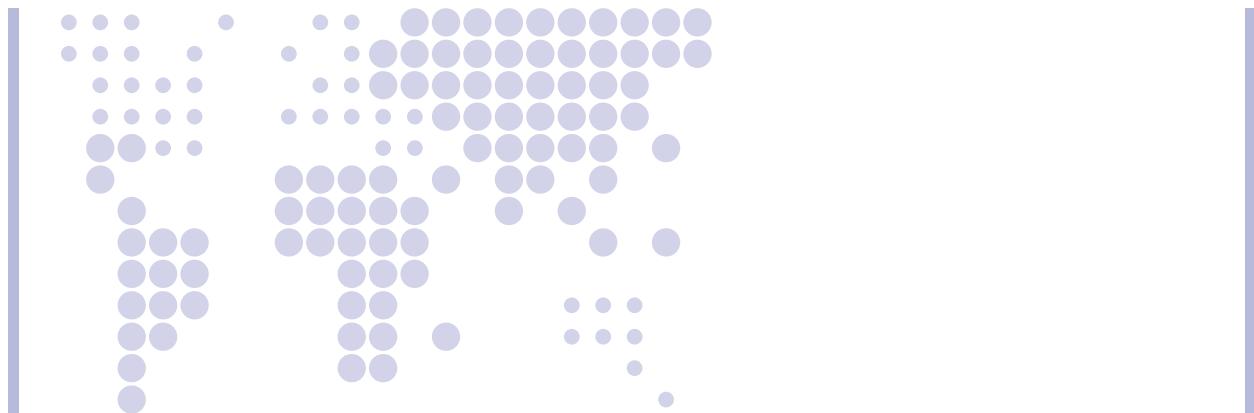
всеобщей турецкой философии. Одним из них был крымский татарин Исмаил Гаспринский. В рамках западнических реформ Кемаля Ататюрка повсеместный тюркизм уступил место турецкому национализму. Однако в 1960-х годах тюркизм вернулся на политическую арену Турции, а в 1980-х годах появился активный Фонд по изучению турецкого мира. С распадом Советского Союза в 1991 году идея повсеместного тюркизма получила огромный стимул к развитию, что привело к попытке Турции разработать политическую концепцию в Центральной Азии. Однако Турция преувеличила свои силы, а тюркизм начал восприниматься как угроза легитимности новых независимых государств. Большее внимание стало уделяться роли Турции как моста между Западом и Востоком, а не как лидера интеграционного проекта. Тем не менее, когда в апреле 2013 года Турция стала партнером по диалогу ШОС, Министр иностранных дел Давутоглу отметил, что «Турция станет частью семьи, состоящей из стран, которые жили вместе не просто на протяжении веков, а на протяжении тысячелетий»⁴. Таким образом, одновременное отнесение Турции как к Европе, так и к Азии с экономической и политической точек зрения означает, что это государство играет важную роль в любой части Большой Евразии.

Тюркские народы в самой России принимали активное участие в политике и идеологии евразийства, причем Татарстан в этих вопросах играл ведущую роль. Его концепция евразийства уходит глубоко корнями в исламскую идентичность тюркских народов России. Татарстан и другие тюркские субъекты Российской Федерации принимают участие в Международном конгрессе тюркских народов.

2. Д. Тренин, Конец Евразии, 2001 г.

3. Д. Тренин, Пост-империя, Евразийская история, 2011 г.

4. Саба, Турция подала знак о совместной судьбе с Шанхаем. Пресс-конференция, 29 апреля 2013 года

Казахстан, по объективным причинам, находится в географическом эпицентре Большой Евразии. Если заглянуть глубже, уже в 1960-х годах в Казахстане стали зарождаться различные философские течения евразийства в трудах поэта и историка Олжаса Сuleйменова, который внес свой положительный вклад в литературу о роли тюркских народов в истории России. На политическом уровне Президент Н. Назарбаев предложил создать Союз евразийских государств еще в 1994 году, хотя тогда было слишком рано рассматривать эту идею в условиях ельцинской России. Позже Казахстан стал активно поддерживать Евразийское экономическое сообщество. Город Алматы выдвигался в качестве штаб-квартиры Евразийского банка развития. Позже Казахстан присоединился к Таможенному союзу с Россией и Беларусью, несмотря на некоторые экономические проблемы (например, Казахстан был вынужден принять более высокие внешние тарифы России). Однако Н. Назарбаев рассматривает концепцию роли и идентичности Казахстана гораздо шире, чем это было при Советском Союзе. Он выдвигает идею о том, что «Казахстан является единственным государством в Азии, в котором переплетаются европейские и азиатские корни. Сочетание различных культур и традиций позволяет перенять лучшее из европейской и азиатской культуры». При этом данный подход не содержит анти-западничества, которое присутствует в риторике в России и даже, в некоторой степени, в Турции.

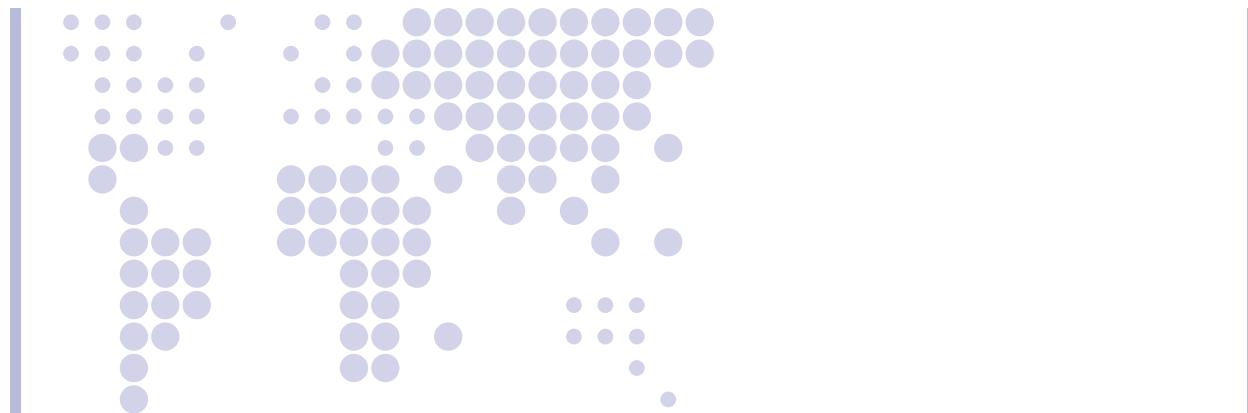
Однако истоки тюркского евразийства лежат в Монголии, чье современное состояние является наследием исторического следа монгольских орд, которые также создали общины в Поволжье России и в Крыму в Украине. Кроме того, эта империя господствовала и над Китаем в 13 веке. Таким образом, ее можно назвать величайшей

из когда-либо существовавших евразийских империй. Но теперь, в 21 веке, Монголия впечатляет быстрым переходом от коммунизма к функционирующей либеральной демократии (несмотря на свою «замкнутость» между Китаем и Россией), возглавив в апреле 2013 года 7-е Совещание министров Сообщества демократий. В дополнение к тому, что Монголия является членом Конгресса тюркских народов, это государство, несомненно, проявит интерес к Большой Евразии, которая включает другие функционирующие демократии, начиная с Японии и Индии и заканчивая странами Европейского союза.

Индоевропейцы - самые ранние евразийцы

Выходцы из Южной Азии имеют право называться евразийцами, несмотря на то, что их называют индоевропейцами. В 16 веке европейцы, приехавшие в Индию, заметили языковое сходство между основными индийскими и европейскими языками, а в 19 веке общие корни европейского и индо-иранского языков прочно утвердились с научной точки зрения. Наверняка говорящие сегодня на урду или немецком языках не признают общих языковых корней, как, например, тюркоязычные народы. Однако индоевропейские связи были надежно построены на географической близости, в том числе на смещении границ некоторых древних евразийских империй (греческие, персидские). Эта открытость резко контрастировала с изоляцией Китая, отгороженного на востоке горами и пустыней.

В новейшей истории индийский субконтинент унаследовал, помимо горького опыта колониального периода, актуальные сейчас владение английским языком и демократическую культуру. Современные

научные достижения индийских ученых из самых престижных международных университетов, а также индийский вклад в современную английскую литературу усиливают близость к европейской культуре и космополитизм на уровне элит. Кроме того, реальны связи между Индией и космополитическим миром на уровне массовой культуры. Крупные индийские диаспоры в Европе, особенно в англоговорящем мире, демонстрируют значительные образовательные и профессиональные достижения. Большие объемы индийских прямых инвестиций вкладываются в европейскую промышленность (например, инвестиции Миттала и Тата). Все это может означать определенную предрасположенность Индии к открытой и космополитической концепции Большой Евразии, даже если страна останется в определенной степени приверженной своей политической традиции неприсоединения.

Новые евразийцы?

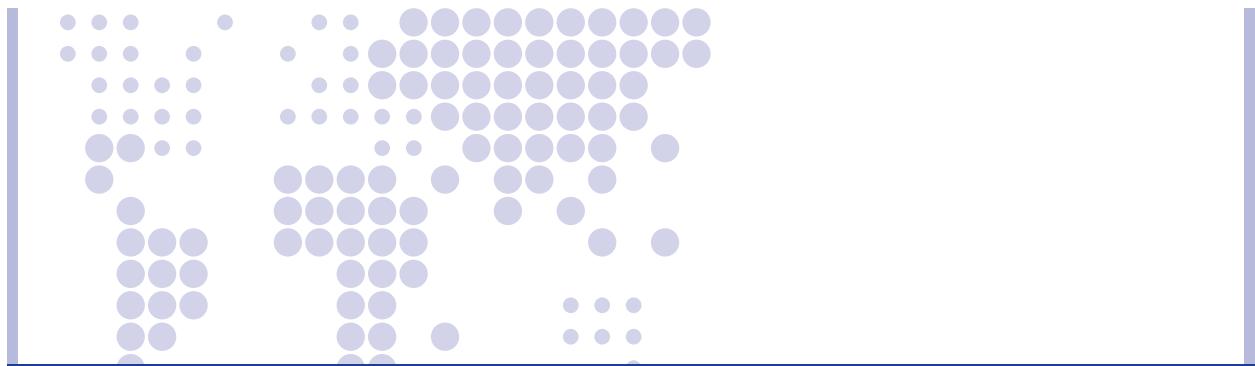
Задайте вопрос китайцу или французу о том, чувствует ли он себя евразийцем. Ответ будет отрицательным. Однако важный вопрос состоит в том, какие концепции или функции Большой Евразии могут быть интересны для азиатов и европейцев в обозримом будущем.

Китай демонстрирует глобальное влияние, и сейчас его присутствие ощутимо на всех континентах. Это обусловлено его большими потребностями в импорте товаров, особенно из Африки и Латинской Америки, а также зависимостью от основных экспортных рынков ЕС и США. Более того, структура экономики Китая сильно зависит от соседних стран Восточной и Юго-Восточной Азии в рамках многочисленных цепочек поставок. Таким образом, государству необходимы как сохранение стабильных цепей

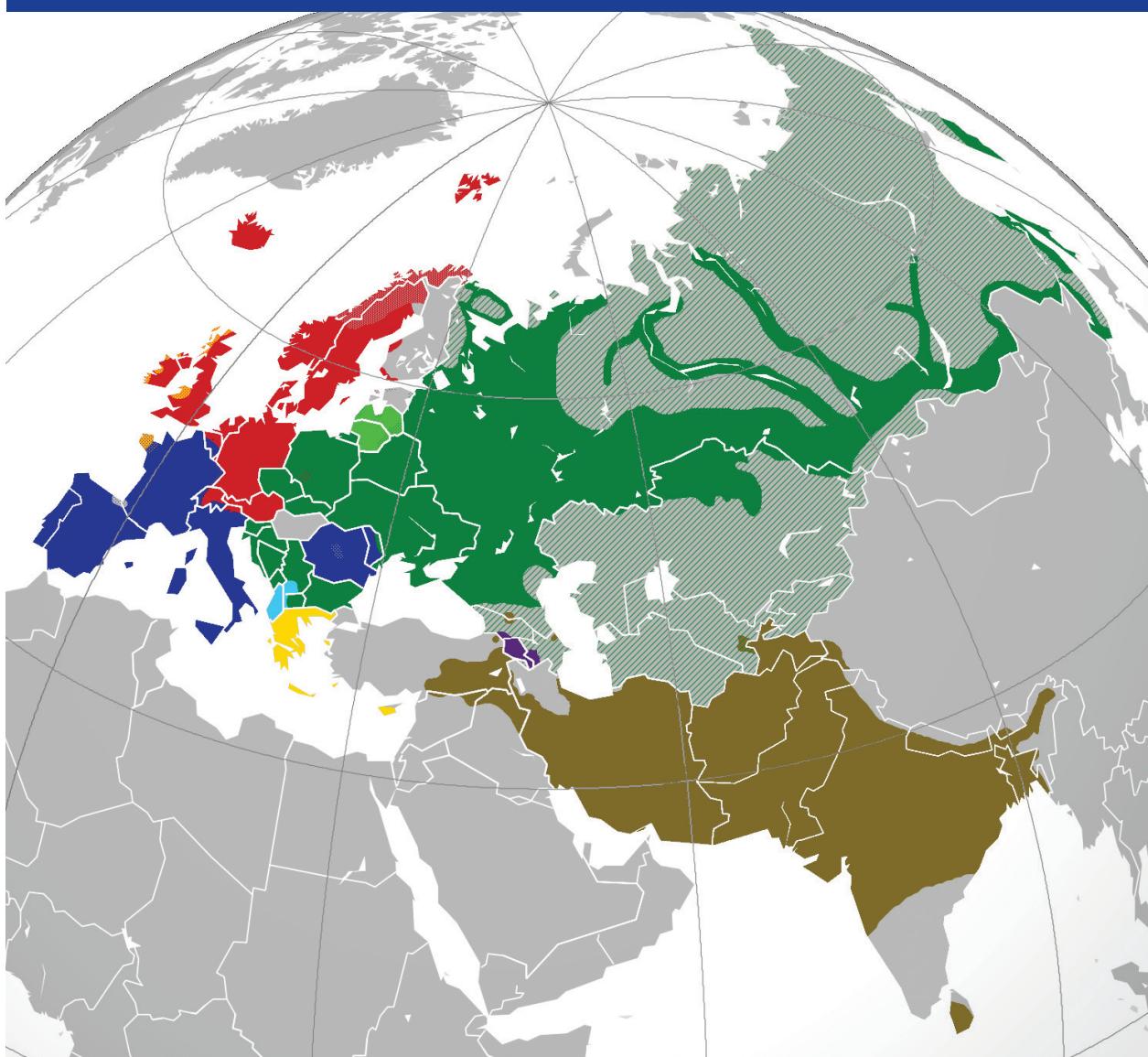
поставок промежуточных товаров из соседних стран, так и наличие передовых рынков сбыта конечных продуктов - ЕС и США. Это должно определять заинтересованность Китая в достижении стабильных экономических и политических отношений на всей территории Большой Евразии +2. Китай также заинтересован в экономическом развитии своих западных и центральных провинций, в снятии давления чрезмерной концентрации экономического роста на восточном побережье, и, таким образом, в ослаблении внутренней миграции с запада на восток. Эти цели Китая обуславливают нынешние крупные инвестиции в транспортную инфраструктуру в Центральной Азии для соединения с Россией и Европой. Политические интересы Китая нацелены на поддержание стабильности в Центральной Азии, принимая во внимание этнокультурные связи между западными провинциями Китая и Центрально-Азиатским регионом.

Важное значение имеют китайские общины в Сингапуре, Гонконге и Тайване, где имена людей имеют английские и китайские корни, например, Питер Хо, Майкл Сонг и Серена Ю. Таких людей, несомненно, можно назвать гражданами Большой Евразии. Они могут сыграть неоценимую роль в сближении более консервативных европейцев и азиатов.

Государства АСЕАН, Япония и Корея, скорее всего, имеют схожие интересы в Большой Евразии, и особенно в Большой Евразии +2. Их экономические интересы созвучны с интересами Китая и заключаются в высокой степени интеграции производства экономик, растущих внутри-азиатских торговых потоков, а также в огромной заинтересованности в рынках ЕС и США. Государства АСЕАН также углубляют интеграцию внутри своего региона. Цель создания единого рынка к 2015 году имеет

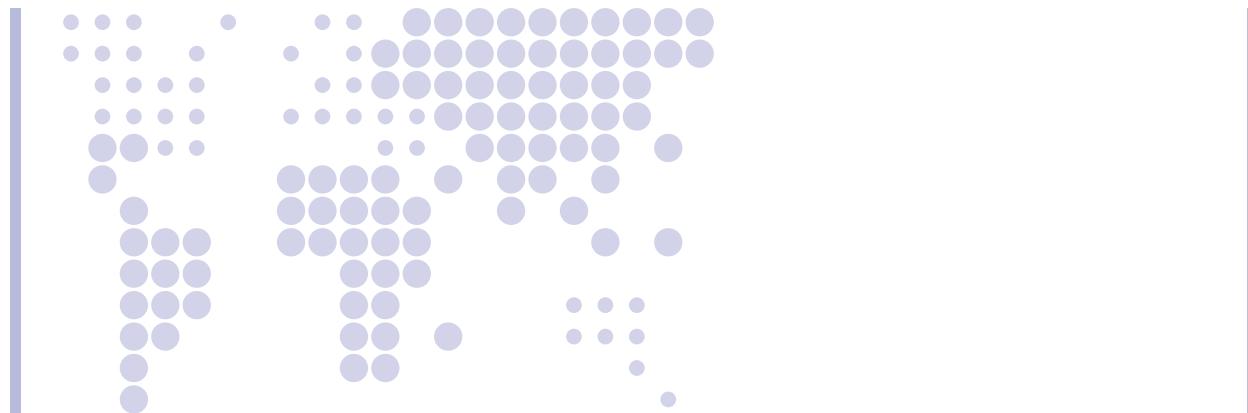
Карта 3 | Ветви индоевропейской группы языков на территории стран зарождения

Источник: Википедия, карта ветвей индоевропейских языков

много схожих черт с единым рынком ЕС. Все страны опасаются китайских гегемонистских тенденций. Противовесом этих тенденций может стать Большая Евразия+2, лишенная разногласий, которые будут усиливаться в Транстихоокеанском партнерстве в том случае, если оно продолжит развиваться без Китая.

На сегодняшний день страны ЕС, похоже, не признают Евразию как единое целое, а рассматривают Европу и Азию по отдельности. До недавнего времени концепция внешних отношений ЕС заключалась в развитии европейского соседства, организованного в сети концентрических кругов, которые

иногда достигали стран Центральной Азии как «соседей их соседей». В настоящий момент такая концепция не жизнеспособна и не поддерживается в Европе. Однако в последние годы внешняя политика ЕС расширяется. Заключено около десяти двусторонних «стратегических партнерств», семь из которых относятся к Большой Евразии+2: Россия, Китай, Индия, Индонезия, Япония и Корея, а также Канада и США. Сущность этих партнерств заключается в сочетании двусторонних и глобальных вопросов управления. Принимая отчасти концепцию Большой Евразии, ЕС все же представляет собой ярого сторонника континентального регионализма и межрегиональных отношений во всем мире. ЕС поддерживает отношения с АСЕАН, чья программа единого рынка основана на принципах рынка ЕС. Европейский союз поощряет прогресс южно-азиатского регионализма посредством ЮААРС, однако этот процесс зашел в тупик. Азиатско-Европейское совещание (АЗЕС), которое собирает лидеров ЕС и 25 азиатских государств вместе на саммитах каждые два года, можно назвать проектом ЕС, который охватывает Евразию в целом. Однако, как будет более подробно раскрыто ниже, в рамках Азиатско-Европейского совещания мало внимания уделяется трансконтинентальному сближению, что выражается, в частности, в исключении Центральной Азии из АЗЕС.

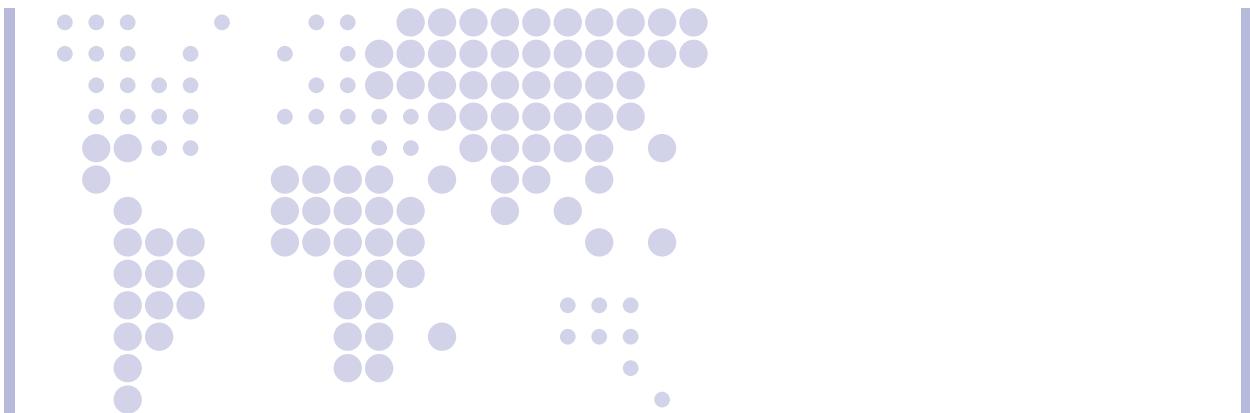
Надо сказать, что два австралио-азиатских государства – Австралия и Новая Зеландия – уже в течение нескольких десятилетий проводят политику усиления интеграции со странами Азии. Это выражается в присоединении стран к ряду Азиатских и Азиатско-Тихоокеанских региональных объединений. Нынешний премьер-министр Австралии свободно разговаривает на китайском языке, являясь первым таким лидером «западной» страны.

Эти два государства можно с легкостью назвать «новыми евразийцами».

США и Канада обозначены в настоящей работе как «+2» с учетом их стратегических интересов как в евро-атлантических, так и в азиатско-тихоокеанских альянсах и объединениях. Но с точки зрения социальных условий эти государства в последнее время усилили политику в отношении евразийства, приняв потоки азиатской иммиграции в свою изначально европейскую культуру. Например, можно отметить недавнее назначение американца корейского происхождения в качестве главы Всемирного банка.

Что? Назревшие вопросы в рамках Большой Евразии

Основные вопросы, затрагивающие развитие Большой Евразии, могут быть разделены на две части. Первая часть включает вопросы, связанные с текущей ситуацией и вызывающие обеспокоенность; например, эти вопросы касаются площади суши суперконтинента. Вторая часть включает менее ощутимые, но более фундаментальные долгосрочные проблемы, с которыми сталкивается все общество. Первая категория, таким образом, в основном состоит из вопросов практического сотрудничества, а вторая зачастую связана с решением спорных вопросов политических ценностей, экономических моделей, общества и философии. В целом, в данном разделе раскрываются и трудности, и потенциал выхода Большой Евразии за рамки только географической реальности.

Вопросы текущей политики

Существует длинный список тем, которые представляют определенный интерес для всех стран Большой Евразии.

Афганистан после 2014 года

После вывода войск НАТО из Афганистана сохраняются многочисленные риски с точки зрения безопасности для соседних стран. В этой связи была выдвинута инициатива Большой Евразии, получившая название Стамбульский процесс. Он направлен на предупреждение проблем и оказание помощи Афганистану в управлении этими рисками (см. далее информацию по институциональным аспектам). Было определено шесть приоритетных кластеров: образование, борьба с терроризмом, борьба с распространением наркотиков, обеспечение готовности к стихийным бедствиям, инфраструктура, а также развитие торговли и коммерции. За последние два десятилетия вопросы торговли людьми, преступности, нелегальной миграции и терроризма оказались на повестке дня практических всех стран Большой Евразии. Особое значение при этом имеют открытие границ бывшего Советского Союза и рост исламского джихада. Однако эпицентр перечисленных проблем и рисков находится в Афганистане, поскольку это государство является крупнейшим в мире производителем тяжелых наркотиков и ведущим экспортёром джихадизма. После провала в Афганистане военной кампании НАТО под руководством США, провала Советского Союза в 1970-х годах и Британской империи столетием раньше, весь мир обеспокоен возможными трудностями после 2014 года. Более оптимистичный взгляд показывает, что неудачи прошлых глобальных гегемонов привели к осознанию необходимости

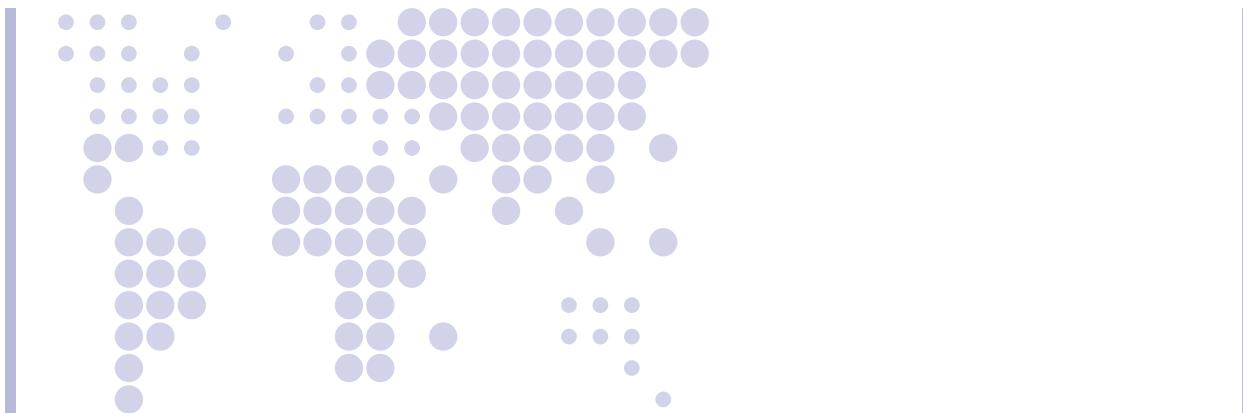
совместных действий на всей территории Большой Евразии.

Неурегулированные споры по поводу территориальных границ и этнических территорий

Перечень нерешенных этно-территориальных конфликтов в Большой Евразии достаточно длинный: от нескольких так называемых «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве до Кашмира, нескольких китайско-индийских приграничных регионов, а также некоторых горячих точек на границе Таиланда. На нормативном уровне есть схожие черты между основными принципами Хельсинкского акта ОБСЕ и принципами Конвенции о согласии и сотрудничестве в Азии. Но ни в том, ни в другом случае не было предложено мер по надлежащему разрешению конфликтов. Участники многих из перечисленных споров игнорируют имеющиеся резолюции, несмотря на попытку других сторон на протяжении десятилетий прийти к примирению и укреплению доверия. Это усложняет понимание того, какие институциональные инновации помогли бы преодолеть препятствия на пути к миру. В этой ситуации политический контекст должен быть более благоприятным для разрешения споров. Расширение и углубление связей в рамках Большой Евразии также должно оказать позитивное влияние.

Неурегулированные споры по поводу морских границ

Споры о водах и островах в Китайском море в настоящее время вызывают большую напряженность на всей территории Большой Евразии: между Россией и Японией по поводу Курильских островов, между Китаем и Японией за острова Сенкаку/Дяою, между Китаем, Вьетнамом и Филиппинами по поводу делимитации границ в Южно-Китайском море.

Европа обладает недавним опытом обращения в Международный Суд или применения обязательных механизмов арбитража для урегулирования разногласий мирным и решительным путем. Примером урегулирования подобных споров может служить процесс между Румынией и Украиной в Черном море. А новое дело между Хорватией и Словенией в Адриатическом море в настоящий момент решается в третейском суде. В настоящий момент Филиппины обратились для арбитража в Международный трибунал по морскому праву с целью разрешения конфликта с Китаем по поводу Островов Спратли. Могут ли страны Большой Евразии сосредоточиться на обращении к таким судебным процессам в случае конфликта?

Морская безопасность между заливом и Азией

В этом вопросе основной угрозой является пиратство на берегах стран Индийского океана от Сомали и до Малакки. Сотрудничество европейских и азиатских флотов по охране этих основных маршрутов энергии и перевозки грузов оказало положительное влияние. В западной части Индийского океана инициативу взял на себя Европейский Союз. Между крупными морскими державами Большой Евразии может быть налажена более структурированная и скоординированная работа.

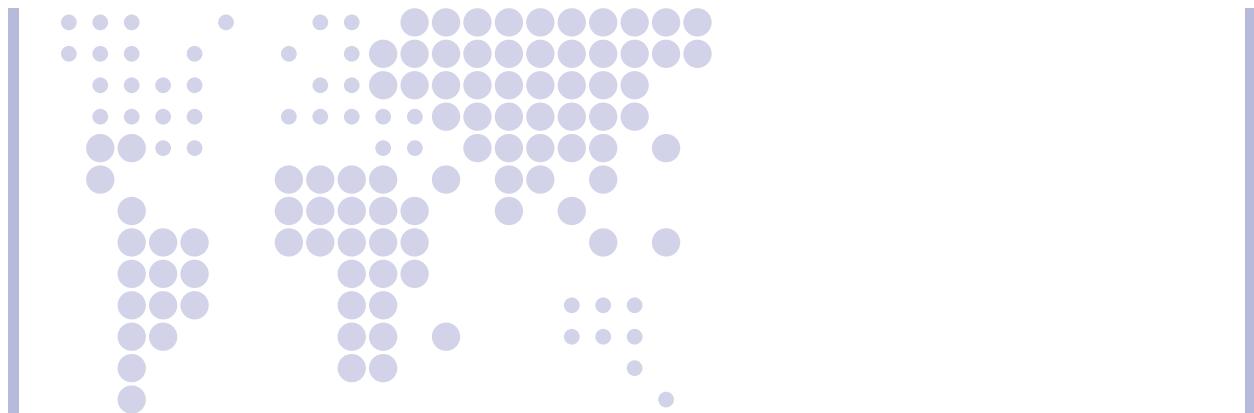
Внутренние водные пути

На территории Большой Евразии расположены величайшие трансграничные реки: Рейн, Дунай, Амударья, Сырдарья, Иртыш, Ганг, Инд и Меконг. Режимы управления этими жизненно важными водами различны - от высоко институциональных и законодательно регулируемых случаев (Рейн, Дунай) и до

случаев полного отсутствия совместной системы управления (Амударья, Сырдарья) или наличия лишь расплывчатых и неполных многосторонних соглашений между странами (Меконг). Однако между Индией и Пакистаном, при поддержке Всемирного банка, было заключено соглашение о разделе вод реки Инд. С другой стороны, река Ганг между Индией и Бангладеш и река Иртыш, протекающая из Китая в Россию через Казахстан, являются предметом жалоб по поводу чрезмерного забора воды в верхнем течении. Две наиболее серьезные экологические катастрофы на трансграничных реках за последнее время произошли из-за выброса токсичных материалов в китайский приток реки Амур в России в 2005 году, а также венгерским предприятием в Дунай в 2010 году. Не вызывает сомнений тот факт, что управление водными ресурсами станет одним из источников межгосударственной напряженности в ближайшие десятилетия по мере экономического развития и роста численности населения. В этой связи возникает необходимость достижения консенсуса и применения передового опыта между наиболее заинтересованными государствами Большой Евразии.

Наземный транспорт – дороги

Большие объемы инвестиций направляются в развитие дорожных коридоров в Большой Евразии под эгидой трех отдельных инициатив. Одна из них основана на программе общеевропейских коридоров ЕС и программе ТРАСЕКА. Вторая инициатива развивается в рамках Евразийского экономического сообщества и ЦАРЭС-инициативы, управляемой Азиатским Банком Развития и поддерживаемой Китаем. В Центральной Азии также выделяются крупномасштабные инвестиции в рамках программы ЦАРЭС, финансируемой Азиатским

Банком Развития и Всемирным банком, а также частично Евразийским Банком Развития. Эти три основные программы, управляемые соответственно Европейским Союзом, Россией и Китаем, концентрируются на территории Центральной Азии и особенно на территории Казахстана, учитывая его весьма большие географические размеры. Однако, программы ЕС и ЦАРЭС на самом деле не скординированы, вследствие чего самые короткие маршруты между ЕС и Восточной Азией не гарантированы. Этот вопрос заслуживает рассмотрения на уровне Большой Евразии⁵.

[Наземный транспорт – железные дороги](#)

Железнодорожный транспорт должен стать весьма распространенным видом транспорта на всей территории Большой Евразии, учитывая его экономические и экологические преимущества, заключающиеся в возможности осуществления больших объемов грузоперевозок по сравнению с автомобильным транспортом. К сожалению, железнодорожные пути на территории Евразии различаются по ширине железнодорожной колеи в разных странах. В Китае и Европе используется одна и та же ширина колеи, однако на территории бывшего Советского Союза ширина колеи отличается. В пунктах пересечения этих различающихся путей осуществляется дорогостоящая и трудоемкая перегрузка (либо передача контейнеров, либо перевод вагонов на другую колесную базу). Существует возможный южный маршрут между Китаем и ЕС, на котором используется одна и та же европейская колея,

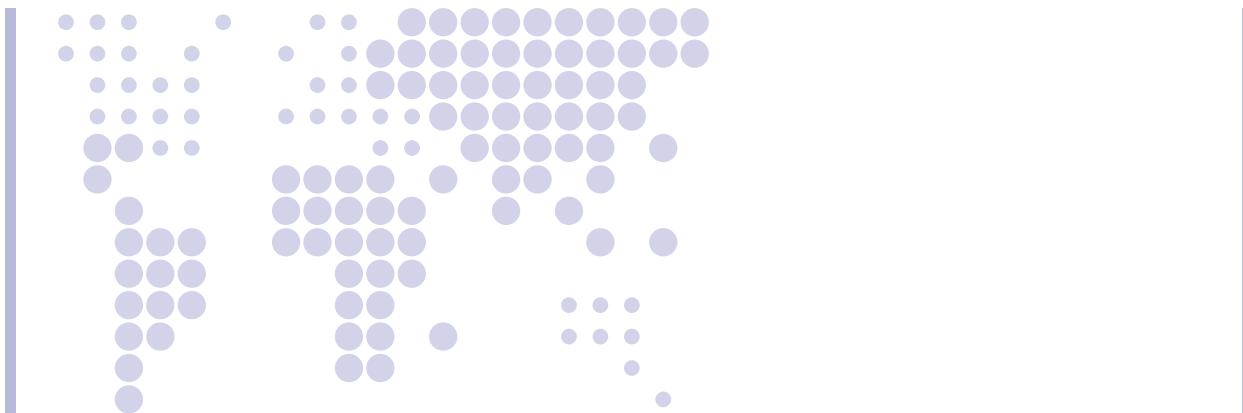
проходящая через Балканы, Турцию и Иран. Для соединения с Китаем «всего лишь» необходимы инвестиции в инфраструктуру Афганистана и Таджикистана для создания железной дороги с общей колеей⁶. Чрезвычайно амбициозная идея по созданию высокоскоростного железнодорожного соединения от Пекина до Берлина уже обсуждалась в Китае. Причем Китай самостоятельно практически завершил строительство высокоскоростной дороги до своих западных провинций (почти половина пути к Берлину). Эта дорога предполагает использование европейско-китайской колеи на выделенном рельсовом пути. Этот проект может стать новой версией бывшего Восточного экспресса из Парижа в Стамбул 21 века, и, несомненно, будоражит воображение, будучи проектом интеграции Большого евразийского пространства. Однако главным его назначением, в первую очередь, является осуществление грузовых перевозок.

[Воздушный транспорт](#)

Воздушное пространство Большой Евразии является весьма обширным. А конкуренция между аэропортами ожесточенно ведется между Лондоном, Парижем, Франкфуртом и Москвой в Европе; Стамбулом, Дубаем и Абу-Даби на Ближнем Востоке; Астаной, Алматы и Ташкентом в Центральной Азии; а также Бангкоком, Сингапуром в Азии. Правила перелетов и свобода в небе регулируются Международным транзитным соглашением об авиаперевозках (ИАСТА) под эгидой Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Европа, Южная и Центральная Азия, Корея, Япония и большинство стран АСЕАН присоединились к соглашению ИАСТА. Китай и Россия не присоединены к соглашению.

5. Для более подробного обсуждения см. сопутствующую работу Евгения Винокурова «Возрождающаяся интеграция в континентальной Евразии: торговля, инвестиции и инфраструктура» - рабочий документ, подготовленный для Форума развивающихся рынков, который пройдет в сентябре 2013 года в городе Астана

6. См. также исследование Евгения Винокурова 2013

После более чем десяти лет двусторонних переговоров с ЕС, Россия согласилась предоставить право свободного пролета через воздушное пространство страны в рамках сделки по вступлению в ВТО. Однако под различными предлогами это соглашение не было реализовано. В отсутствие сопоставимых проблем на рейсах через Атлантический и Тихий океаны, на уровне Большой Евразии необходимо оказывать содействие по заключению двусторонних соглашений и обеспечению присоединения стран региона к соглашению ИАСТА.

Взаимосвязанность на уровне ИТ

Строительство современных информационных супермагистралей зависит от уже функционирующих междугородних оптоволоконных сетей в США, Европе и Восточной Азии, а также от прокладки кабелей через Атлантику и Тихий океан, как показано на карте 4. На сегодняшний день не существует трансъевразийской информационной магистрали, хотя в этом направлении уже были сделаны предложения. В частности, Генеральная Ассамблея ООН в декабре 2012 года приняла резолюцию в поддержку проекта «Трансъевразийской информационной супермагистрали», спонсируемого Евразийским альянсом по надежности связи по итогам министерского заседания многих европейских и азиатских государств при поддержке Азербайджана в Баку. Было предложено создание двух транзитных трасс между Европой и Китаем через Казахстан. Северный маршрут при этом должен проходить через Украину и южную Россию, а южный маршрут - через Турцию и Кавказ; подводный кабель должен пройти через Каспийское море. Эти интересные идеи обязательно должны рассматриваться далее на уровне Большой Евразии.

Торговля

В настоящее время происходит беспрецедентный рост числа двусторонних соглашений о свободной торговле или преференциальных торговых соглашений. Это происходит взаимосвязано и является реакцией на срыв многосторонних переговоров ВТО в Дхаре. АСЕАН находится в центре огромной сети двусторонних и многосторонних соглашений, часть из которых уже действует, по другим ведутся переговоры или политические дискуссии, в том числе многосторонние переговоры с Китаем, Кореей и Японией, в соответствии с которыми в дальнейшем будут разрабатываться транстихоокеанские инициативы. В то время как организационные мероприятия будут более подробно обсуждаться ниже, можно выделить ряд общих вопросов. Во-первых, импульс либерализации торговли Восточной Азии и транстихоокеанского региона весьма впечатляет, но также указывает на необходимость рационализации и снижения эффекта «миски с лапшой» («noodle bowl») азиатских соглашений, усложняющих внешнюю торговлю. Во-вторых, существует вопрос относительно того, насколько глубоко ЕС собирается участвовать в азиатско-тихоокеанской торговле. ЕС уже заключил несколько соглашений о свободной торговле (с Кореей). Находятся на стадии обсуждения соглашения с Индией, Японией, Сингапуром, Вьетнамом. Но отсутствуют соглашения с АСЕАН в качестве интеграционного блока или с Китаем. В-третьих, российская сеть преференциальных торговых соглашений ограничивается постсоветским пространством и является гораздо более закрытой в Азии, хотя, как уже упоминалось выше, в некоторых выступлениях упоминается идея единого пространства «от Лиссабона до Владивостока». В долгосрочной перспективе возможно осуществление

Карта 4 | Трансокеанические оптоволоконные кабели

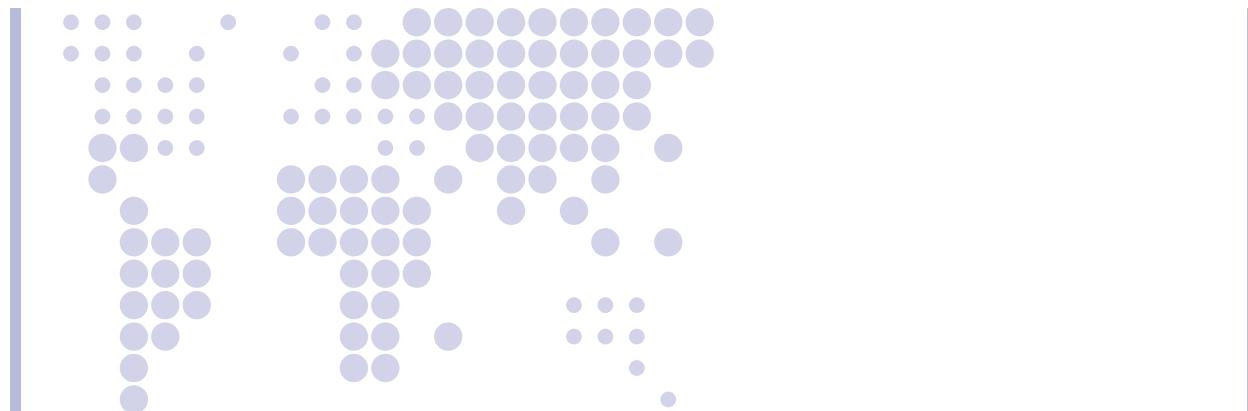
Source: Telegraphy Research

сценария прогрессивных шагов по созданию всеобъемлющего соглашения о свободной торговле на всей территории Большой Евразии. Однако эта идея приводит к вопросу о том, смогут ли либеральные страны с развитой экономикой составить основную большую группу в рамках ВТО и тем самым увеличить число участников процесса и вывести ВТО из тупиковой ситуации переговоров в Дохе.

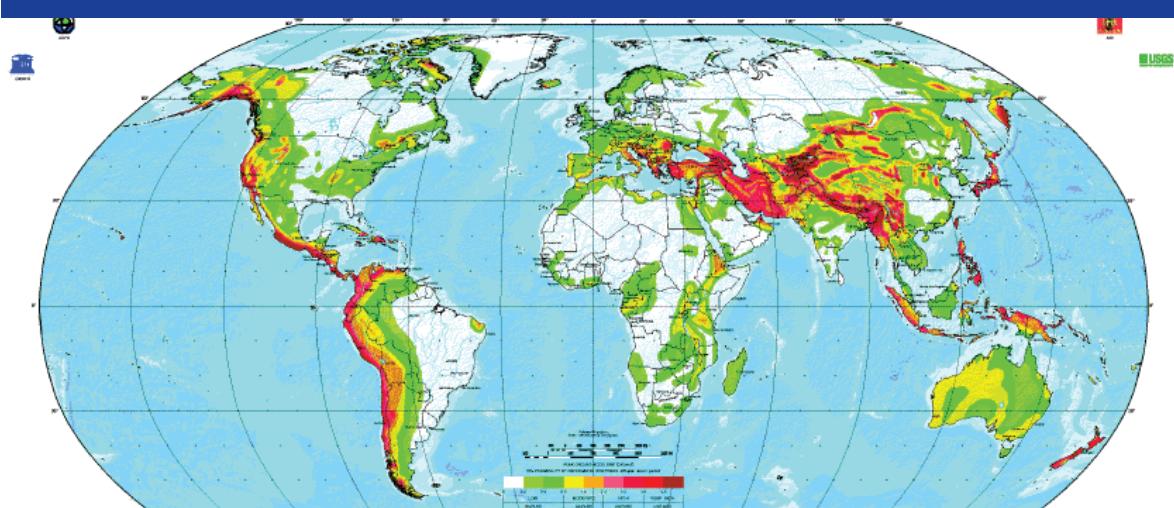
Экологическая и климатическая политика

Переговоры по вопросам изменения климата ведутся на глобальном уровне в рамках РКИК ООН. Однако до сих пор не принимаются глобально регулируемые решения, в то время как риски глобальных катастроф, связанных с изменением климата, увеличиваются.

Поэтому следует переключить внимание на децентрализованные процессы, в частности, распространить передовые технологии и опыт политических механизмов. Основными загрязнителями на территории Большой Евразии являются Китай, Индия, Россия и ЕС. Необходимо рассмотреть возможность вхождения этих стран в экологическую группу G4 на территории Большой Евразии. ЕС может предложить передовые технологии и политический опыт, в том числе извлеченный из тяжелых уроков торговли квотами и развития механизмов углеродного рынка. Китай добился больших результатов в области возобновляемых источников энергии. В стране также строятся огромные новые угольные электростанции. И ЕС, и Китай стараются

Карта 5 | Глобальные сейсмически опасные регионы

Источник: Программа оценки глобальной сейсмической опасности <http://www.seismo.ethz.ch/static/GSHAP/global/gshapfin.gif>

развивать технологии улавливания и хранения углерода. В случае успеха они должны предоставить эти технологии другим крупным производителям угля, в том числе России, Индии и Казахстану.

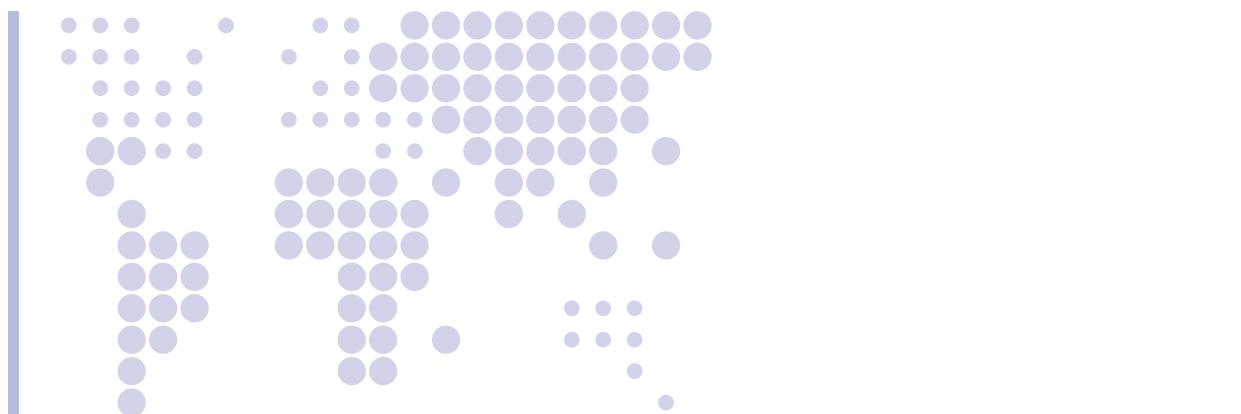
Сейсмическая опасность

На территории Большой Евразии имеется широкая полоса уязвимости к сейсмическим колебаниям. Эта полоса простирается от Юго-Восточной Европы до Западной и Южной Азии и Китая (см. карту 5). Этот вопрос должен изучаться отдельно для выявления механизмов профилактики и сотрудничества в целях взаимной поддержки в спасательных операциях.

Сотрудничество в топливно-энергетической сфере

Теперь, когда США вновь стали энергетически независимыми, архитектура международного экономического комплекса становится все более ясной. Она представлена большой центральной

зоной производства в центре Большой Евразии – на Ближнем Востоке, Кавказе, в Центральной Азии и на Западе Сибири. Эти регионы поставляют электроэнергию как в Европу на западе, так и крупным азиатским потребителям на востоке. В этой связи возникает необходимость установления общих правил и стандартов на всей территории, например, для защиты инвестиций, использования транзитных трубопроводов и урегулирования споров. В этих целях на евразийском пространстве была предпринята инициатива заключения Договора об Энергетической хартии, инициированного ЕС в начале 1990-х годов. Договор охватывает страны всего европейского и постсоветского пространства, тогда как участие азиатских государств постепенно увеличивается. Ниже рассматривается рост числа евразийских участников организации (раздел 5).

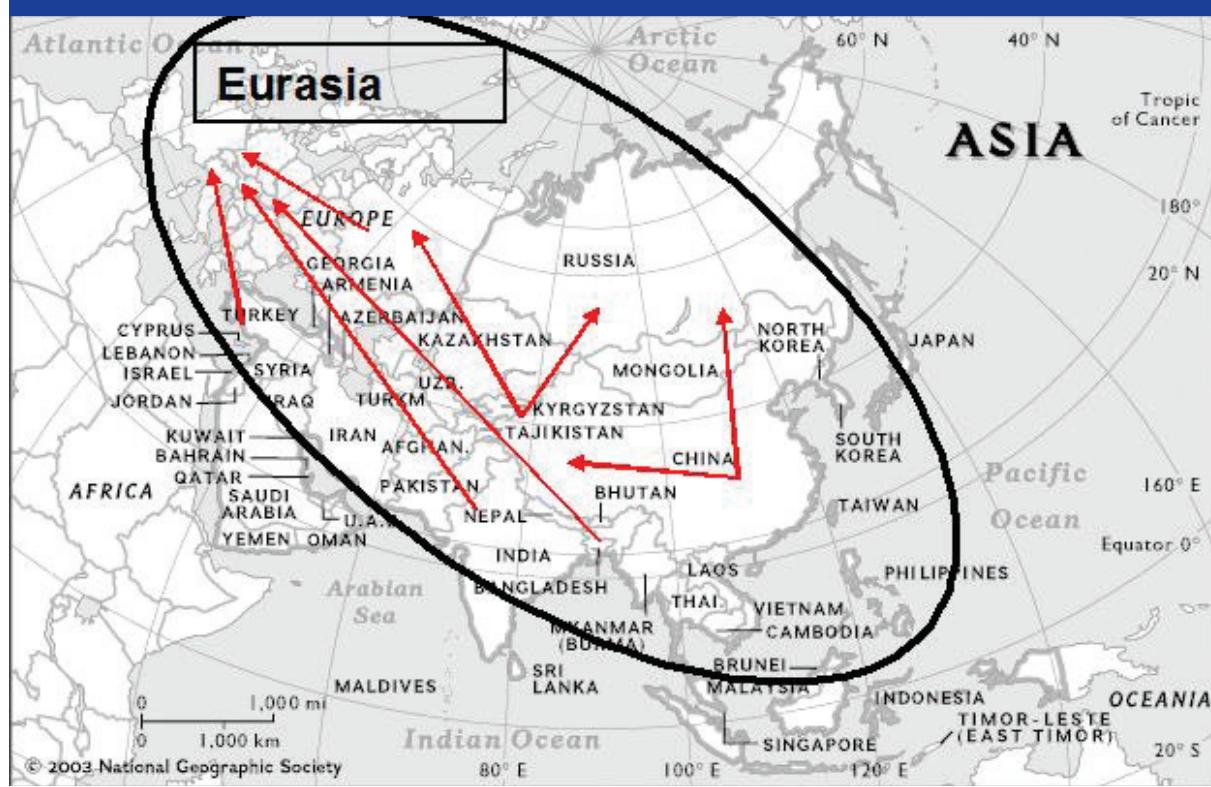

Организация и управление мегаполисами

Из 28 мегаполисов мира, определяемых как городские агломерации с населением свыше 10 млн. человек, 20 расположены в районе Большой Евразии (см. Приложение 5). Из них только три мегаполиса расположены в Европе (Москва, Лондон, Париж), один соединяет Евразию (Стамбул), а остальные 17 мегаполисов находятся в Азии. Важные для мегаполисов технологии и политические механизмы включают в себя экологические методы, способы утилизации отходов, методы управления дорожным движением, модели городского развития. Некоторые европейские

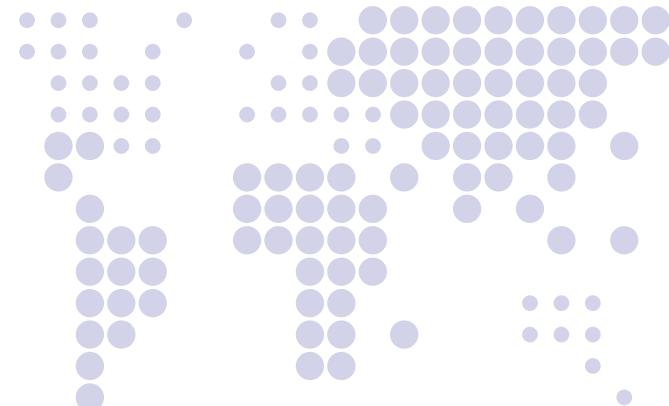
города добились значительного прогресса в этих областях и могут внести полезный вклад в развитие мегаполисов Большой Евразии. ОЭСР уже инвестировала значительные суммы в соответствующую программу, но до сих пор эта программа главным образом была ограничена мегаполисами развитых стран. Однако с помощью этой программы или других специальных целевых программ ОЭСР может участвовать в развитии евразийства и переводе евразийства на более высокий уровень.

Карта 6 | Потоки миграции на территории Евразии

Источник: Линн и Темкин, 2005

Потоки миграции

Карта 7 | Потоки наркотиков на территории Евразии

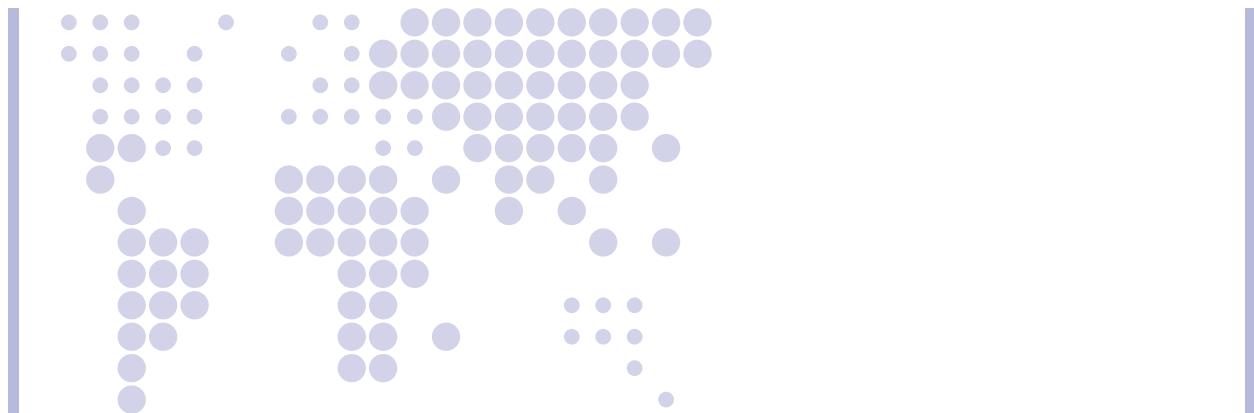
Источник: Линн и Темкин, 2005

← Потоки наркотиков

Миграция и ограничения на передвижение людей

Демографические тенденции и неравенство в доходах продолжают оставаться двигателями миграционного давления на всей территории Большой Евразии. ЕС и Россия имеют относительно высокий уровень доходов населения и динамику сокращения численности населения трудоспособного возраста. Китай в настоящее время испытывает огромное демографическое давление и старение населения. В этой связи в ряде стран вводятся ограничения на миграционные процессы, оказывая давления на незаконную миграцию. В то же время наблюдается ожесточенная конкуренция за высококвалифицированную рабочую силу, что приводит к давлению со

стороны бизнес-сообществ для облегчения иммиграционных и визовых процедур, по крайней мере, для привилегированных групп людей. В свою очередь, по мере упрощения визового режима встают вопросы соглашений о реадмиссии. В частности, это происходит в ЕС. В этой связи возникает вопрос согласованности политики на территории Большой Евразии, например, в отношении нелегальных азиатских мигрантов в ЕС, которые могут проезжать через территорию стран Центральной Азии, России и Украины.

Наркотики

Необходимость сокращения производства наркотиков является одной из первоочередных задач не только Афганистана, но и стран ЕС, России и Китая. Хотя существует нехватка достоверных данных, считается, что производство наркотиков в Юго-Восточной Азии постепенно снижается. Однако, вероятнее всего, это не относится к ситуации в Афганистане (Линн и Темкин, 2007). Основными пунктами назначения афганских наркотиков являются ЕС, Россия и Китай, причем во всех случаях наркотики проходят транзитом через Центральную Азию. Стратегии в области борьбы с распространением наркотиков должны работать на трех уровнях: сдерживание спроса в странах-потребителях, укрепление пограничного контроля в транзитных странах, а также ограничение производства в странах-источниках. Работа на втором и третьем уровне требует координации усилий всех стран Большой Евразии и поддержки работы Управления ООН по наркотикам и преступности.

Пандемия

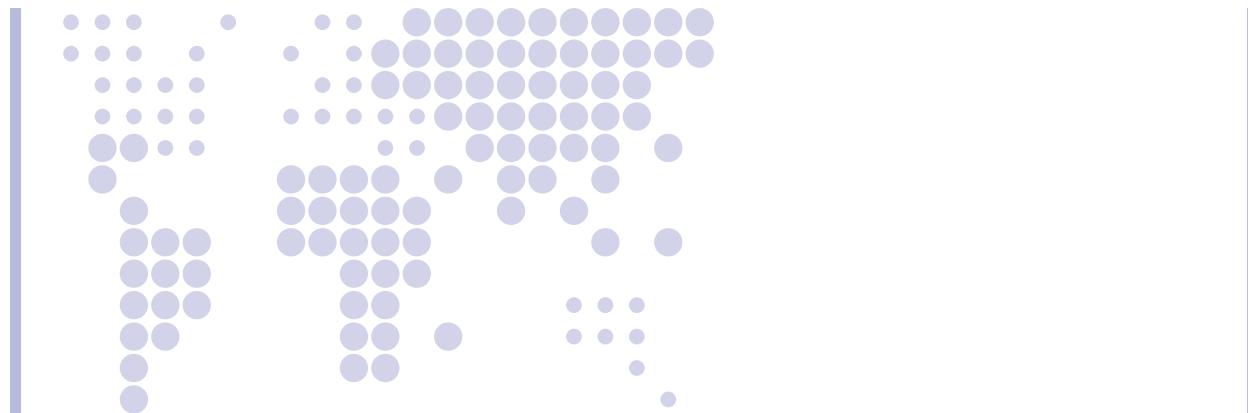
Мирбдительно следит за рисками возникновения новых пандемий. В то время как такие опасные болезни прежних времен как холера, малярия, тиф и туберкулез в значительной степени устранены в развитых странах, появились новые заболевания с пандемическим потенциалом (с 2003 года – ОРВИ, с 2004 года – птичий грипп). Всемирная организация здравоохранения играет центральную роль в оказании помощи в профилактике и реагировании на вспышки заболеваний. Государствам Большой Евразии в этой связи следует рассмотреть специальные координационные механизмы, предназначенные, например, для закрытия сухопутных границ в чрезвычайных ситуациях.

На пути к сообществу Большой Евразии

В этом разделе рассматриваются долгосрочные стратегические вопросы, а также нормативные основы того, что в конечном итоге может стать обществом Большой Евразии. В настоящее время существует серьезный геополитический раскол на территории Большой Евразии. С политической точки зрения регион разделен на три общества: демократическое, полудемократическое и недемократическое (см. Приложение 4). Это разделение накладывает ограничение на текущие процессы интеграции. Важный вопрос состоит в том, как перенаправить эту тенденцию в положительное русло на пути к долгосрочной цели.

На пути к безопасному обществу

Стратегический режим безопасности на территории Большой Евразии крайне неудовлетворителен, несмотря на то, что в Большую Евразию+2 входят все пять постоянных членов Совета Безопасности ООН. В настоящее время в Азии не ведутся межгосударственные войны. Однако угроза, безусловно, существует, в первую очередь, между государством-изгоем Северной Кореей и всеми остальными странами. Также возникают территориальные и морские пограничные споры, о которых уже говорилось выше. За последнее время некоторые из этих споров усилились. На верхнем геополитическом уровне ситуация также остается напряженной. Россия и США относятся друг к другу с недоверием и холодностью. Россия рассматривает намерения США о размещении противоракетных установок в Европе, предназначенных для обороны от Ирана, как попытку подрыва ядерных сил России, направленных против Европы. Хотя последнее вряд ли может устраивать саму Европу. В настоящее время

в Тихом океане сталкиваются друг с другом китайские и американские авианосцы. Китай развивает свой ракетный потенциал, который может уничтожить авианосцы США, находящиеся в том регионе для защиты Японии и Тайваня. Агрессивность Китая в отношении морских споров толкает соседние страны на консолидацию или развитие оборонительных альянсов совместно с США. По крайней мере, Россия и Китай заключили справедливое соглашение о безопасности, разрешив свои пограничные споры, а также соглашение с Шанхайской организацией сотрудничества, сигнализирующее о достижении некоторой степени стратегической безопасности на территории Центральной Азии. Даже если встреча в июне 2013 года между президентом Б. Обамой и его новым китайским коллегой Си Цзиньпином поможет лидерам двух стран наладить конструктивные хорошие отношения, история последних веков, когда несколько великих держав боролись за первенство, показывает весьма тревожные тенденции⁷.

В противовес этим тенденциям, специалисты по международным отношениям наделили термин «сообщество безопасности» особым смыслом. Такое сообщество предполагает, что группа государств достигла настолько высокого уровня взаимного доверия, что они абсолютно не ощущают угроз со стороны друг друга⁸. Война между ними стала немыслима. Европейский союз получил Нобелевскую премию именно за то, что достиг «сообщества безопасности», преодолев наследие двух мировых войн и веков конфликтов. Могут ли существовать определенные инициативы по созданию

климата, благоприятного для разрешения конфликтов и создания, несомненно, спустя много лет, безопасного общества на территории Большой Азии? Европейцы хотели бы видеть на всей территории Большой Евразии более нормативный и менее geopolитический порядок, присущий и их общему мировоззрению. Однако, это идет вразрез с сильными националистическими призывами крупных евразийских держав – Китая, Индии и России. В отсутствие жесткой конкуренции власти ЕС может способствовать созданию конструктивных альянсов, которые могут разрешить противостояние менталитета севера и юга или противостояние старых и новых держав.

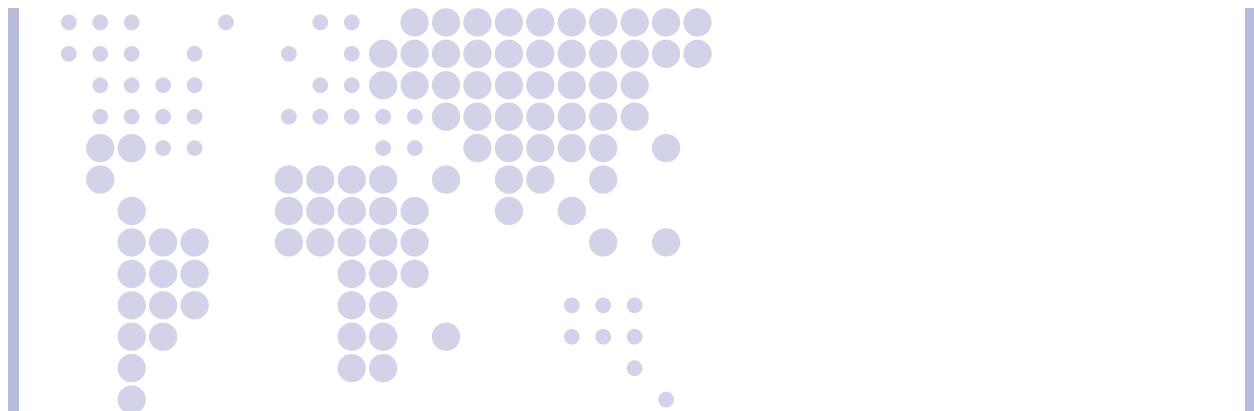
Различные geopolитические реалии крайне важны, но они не неизменны. Растущие потребности и опыт сотрудничества может постепенно смягчить жесткие края geopolитики. Быстрое экономическое и социальное развитие, которое сейчас происходит в Азии, формирует новые идеи, которые со временем приводят к новым политическим действиям. В этой связи далее рассматриваются основные долгосрочные вопросы, которые, несомненно, представляют интерес для всех стран. Некоторые из этих вопросов в настоящее время являются предметом идеологических или политических расхождений. Подход к рассмотрению этих вопросов заключается в изучении проблем, которые несут в себе наибольшую неопределенность будущего. Одна из главных целей при этом состоит в создании общей культуры.

Многополярность, плuriлатерализм, регионализм и многосторонние отношения

Дискурс действующих чемпионов в отношении многополярности полон ссылок

7. Джон Мершаймер, Трагедия политики великой державы, Нортон, 2001

8. Карл Дойч, Политическое сообщество и североатлантический регион – международная организация в свете исторического опыта, Принстон, 1957

на автономию, невмешательство и развитие многосторонних отношений. Но являются ли эти принципы совместимыми? Можно утверждать, что нынешний энтузиазм по поводу многополярности появился слишком поздно. Экономическая взаимозависимость новых индустриальных держав стала настолько глубокой, что соблюдение усиленного многостороннего порядка и так находится в их интересах, в то время как риски многополярности могут создать системные беспорядки и нестабильность. Давление со стороны стран БРИКС на многосторонние институты в настоящее время служит способом уравновешивания сил в мире. Но, по мере того как будет достигнут разумный баланс, цель этого объединения будет выполнена, и тогда существенное значение будут иметь основные вопросы глобального управления в рамках глобальных институтов. Существует также напряженность между тенденциями развития глобальных многосторонних отношений и регионализма в континентальном или даже межконтинентальном масштабе. Многочисленные декларации саммитов выступают в поддержку одновременно обоих явлений. Но примирение этих явлений затруднено, например, в области торговой политики, и, в сущности, в большей части вопросов повестки дня.

Будущее международного права

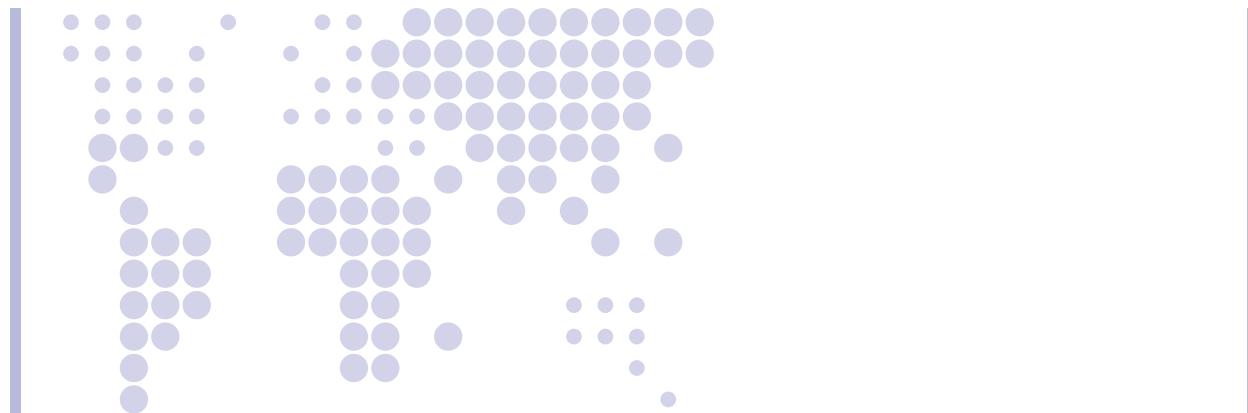
Взаимосвязанный с предыдущим вопросом аспект касается размеров охвата международного права. Постоянные члены Совета Безопасности ООН, такие как Россия и Китай, выступают в поддержку верховенства международного права, но одновременно в пользу уменьшения его влияния на практике для соблюдения прерогатив постоянных членов Совета Безопасности ООН. С точки зрения

Европы развитие международного права, включая международное гуманитарное право, экологическое право, морское право и другие права, играет гораздо более важную роль. Европейский союз, гораздо больше, чем США, относит центральное место успеху юрисдикции международного права в эволюции мирового порядка⁹.

Государственный суверенитет, интеграция и постмодернизм

Дискуссии продолжаются также по поводу определения государственного суверенитета в крайне взаимозависимом мире. Европейцы первыми инициировали постмодернистскую концепцию, в которой наднациональная политика и институты становятся настолько сильными, что происходит переход из «современного» состояния в «постмодернистское». Однако модель ЕС в настоящее время сталкивается с серьезными вопросами относительно устойчивости своего развития, необходимости в дальнейшем перейти к более федеральной системе, учитывая сопротивление многих государств-членов ЕС. В настоящее время развивающиеся страны в основном остаются преданными национальному суверенитету, и только АСЕАН участвует в глубокой региональной интеграции. Гегемонистские державы, особенно новые, желают установить свои собственные правила, а не придерживаться тех, которые уже установлены старым Западом. Это настроение глубоко укоренилось в России и Китае. Но процветание самых передовых стран с развивающейся экономикой в решающей степени будет зависеть от процессов

9. Ширли Скотт, Международное право в мировой политике, Реннер, 2010 г.

интеграции, в отношении которых опыт Европы полезен в части достоинств, так и недостатков.

Экономика и социология самого быстрого экономического развития

Большая часть Азии стремится достичь или уже находится на пути достижения очень быстрой конвергенции высоких темпов экономического роста и радикального уменьшения бедности. Однако такое экономическое чудо может породить новые проблемы, некоторые из которых, впрочем, можно идентифицировать. Одной из таких проблем является уже знакомая «ловушка среднего дохода». Она означает, что страны достигают достаточно высоких уровней заработной платы, поборов бедность. Но затем они оказываются неконкурентоспособными как по сравнению со странами с низким уровнем доходов, так и по сравнению с развитыми странами. После того, как этот вызов будет преодолен, следующий будет заключаться в достижения «мягкой посадки» с траектории быстрого роста на путь устойчивого процветания и высокого уровня развития. В данном случае Япония и Корея демонстрируют контрастные примеры. Япония испытывала экономический застой в течение «потерянного десятилетия». Быстрое экономическое развитие также связано с либерализацией экономики и переходом к тенденциям глобализации с включением в конкурентоспособные производственно-сбытовые цепочки. Это связано также с разрушением традиционных сообществ и ценностей и даже с их исчезновением в процессе крупномасштабной миграции. Социологи могут наблюдать процесс атомизации общества с разрушением семейной ячейки. Эти чрезвычайно трудные и фундаментальные вопросы позволят в большей степени определить долгосрочный контекст формирования политики. Определение этого

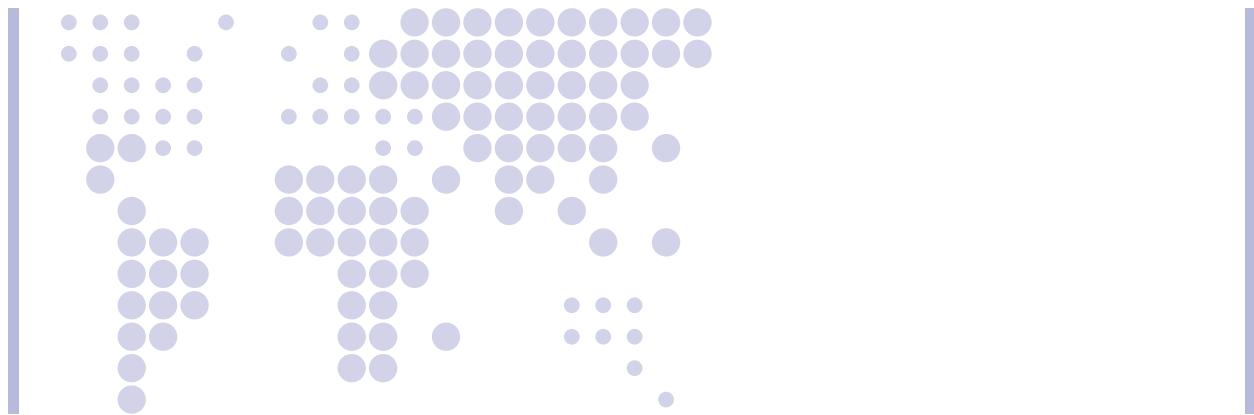
контекста требует проведения социологических исследований путем сопоставления между собой стран Большой Евразии.

Модели развития для передовых стран, экспортирующих товары

И Россия, и Казахстан обладают огромными запасами минеральных ресурсов, нефти и газа. Однако оба государства обеспокоены чрезмерной зависимостью экономик от этих сырьевых секторов, за исключением более широкого спектра конкурентоспособных производств. Опасность такой ситуации выражается в «Голландской болезни», случившейся, когда Нидерланды начали использовать громкие залежи газа, что привело к снижению потенциала промышленной базы страны. Перечень наиболее успешных передовых сырьевых стран на сегодняшний день включает Австралию и Канаду, которые входят в состав Большой Евразии+2. Они могут предоставить ценный опыт для России и Казахстана, возможно, при содействии ОЭСР.

Старение и демографический спад населения и рабочей силы

Этот вопрос вызывает наибольший интерес у значительной группы стран Большой Евразии. В эту группу входят ЕС, Россия, Китай и Япония. В то же время большая часть развивающихся стран Азии пока не столкнулись с этими вопросами. Проблемы демографической и социальной политики включают в себя увеличение трудоспособного возраста посредством улучшения качества здравоохранения, пенсионного обеспечения, предоставления услуг для пожилых людей, а также решения социологических вопросов, связанных с резким изменением возрастной структуры населения. Весьма желательным является обмен опытом и

проведение дальнейших исследований в этой области.

Последовательность и предназначение политической и экономической эволюции

Следующий фундаментальный и довольно острый вопрос, по которому до настоящего времени не достигнут консенсус, состоит в последовательности экономических и политических реформ. Согласно одному тезису экономического развития, выход из бедности и удовлетворение основных потребностей человека должны стоять на первом месте. Сложные системы политической демократии могут появиться позднее, также опираясь на передовые образовательные стандарты. Следующий тезис состоит в том, что по мере развития рыночной экономики требуется все более развитая инфраструктура демократического управления и равенства перед законом. Связанной с этими вопросами проблемой является проблема определения объема и содержания общих ценностей. Европейцы обладают глубоко укоренившейся культурой демократии и правового механизма защиты прав человека. Представляют ли они универсальные ценности и стандарты, по которым другие общества будут двигаться по мере развития экономики? В знаменитой, а теперь еще больше известной книге, которая называется «Конец истории», утверждается, что с крахом коммунизма весь мир был вынужден развиваться на основе западной либеральной демократии¹⁰. Западные политические философы стали более осторожными, предостерегая от таких упрощенных предположений. Их риторика отчасти

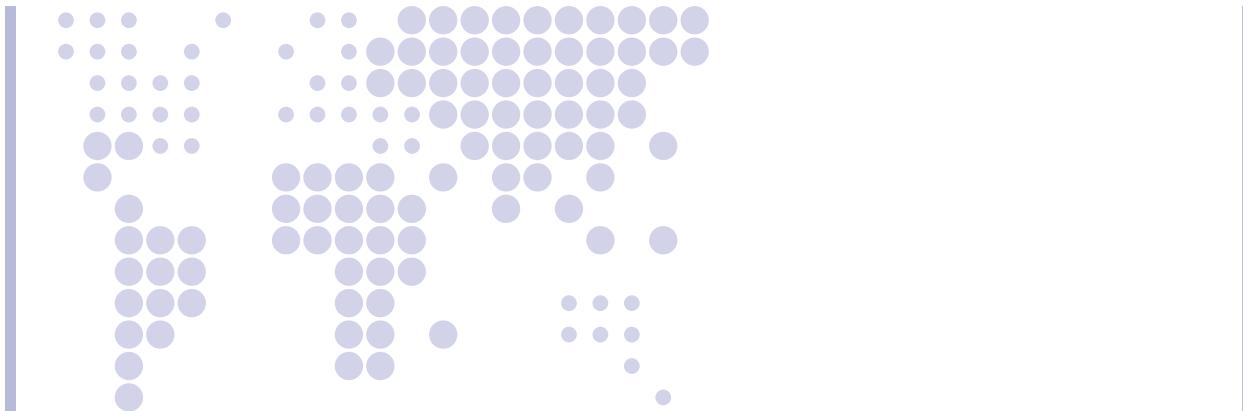
подтверждается наблюдениями провалов многих полу-демократических режимов¹¹.

Философия жизни и духовности

В конечном итоге можно осмыслить возможную философию жизни в Большой Евразии. Этот вопрос является наименее осозаемым, однако, вероятнее всего, самым важным вопросом из всех существующих. С одной стороны можно сравнить «Уолл-стрит», символизирующий безжалостную работу финансовых рынков, неразбавленный материализм, конкурентоспособность во всем, в том числе в индивидуальных личных отношениях и огромное неравенство доходов, а с другой стороны - буддийскую философию антиматериализма и медитации. Например, в Европе можно наблюдать рост давления со стороны общества, которое приводит к политической заинтересованности властей в достижении «счастья» (наряду с традиционным стремлением к экономическому росту), что, в свою очередь, является важной задачей для социологов и политиков. В борьбе с нищетой в Азии приходится во многом полагаться на западную рыночную экономику. Однако на Западе, между Европой и США, происходят изменения социальной политики и философии. В этой связи различия в азиатских культурах могут стать еще больше. Между тем некоторые нынешние проявления нового капитализма в Китае и России превосходят даже «Уолл-стрит» по идеологии чрезмерного потребления предметов роскоши. Но станет ли эта идеология преобладающей в современной Азии? Многие европейцы, которые теперь знают об Азии больше, глубоко впечатлены азиатскими

10. Фрэнсис Фукуяма, Конец истории и последний человек, Пингвин, 1992 г.

11. Джон Грей, Войны - вопросы в поздней современной политической мысли, правительственные издательство, 1997 г.

культурами, которые сами по себе весьма разнообразны. Единой Азии не существует.

Уже сейчас существует богатый двусторонний поток межкультурного влияния. Глобализация благоприятствует их ускорению. Примером может служить важный и интригующий вопрос о том, может ли нынешнее конфуцианство в Китае стать основой для сравнения и сближения с европейскими ценностями. Точкой сближения является тот факт, что конфуцианство не рассматривается в качестве религии, поскольку в нем не существует Бога для поклонения. Современные европейцы также все больше склонны к атеизму. Тем не менее, в европейской культуре все ещеочно засела христианская этика. В то же время конфуцианство также сконцентрировано на вопросах этики.

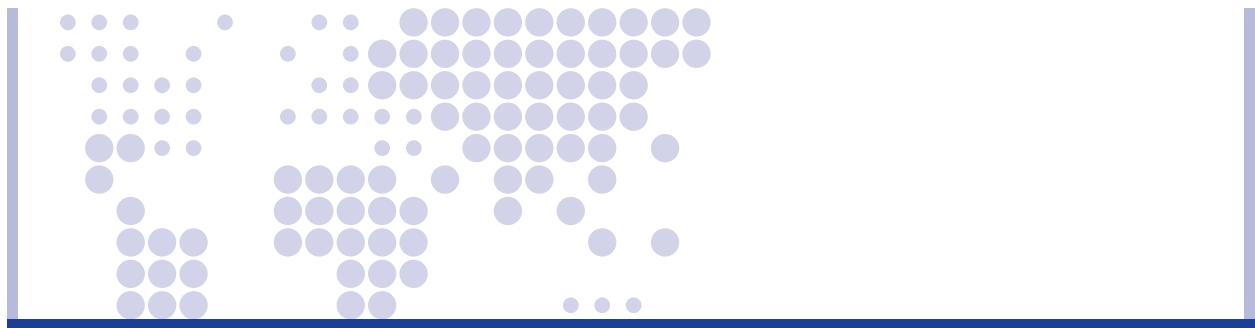
Как? Создание Большой Евразии

Перечень безотлагательных и долгосрочных вопросов Большой Евразии слишком обширен и не может обеспечить всеобъемлющей концепции объединения и общего видения. Формирование политической декларации, которую подпишут все стороны и которая определит Хартию Большой Евразии, может стать первым политическим шагом в поддержку соответствующих инициатив. Подготовка Хартии должна быть предметом тщательного обсуждения и диалога между всеми предполагаемыми участниками процесса. Первые инициативы в этом направлении могут быть приняты на следующем Азиатско-Европейском совещании (АЗЕС) на высшем уровне, которое пройдет в 2014 году, поскольку это событие собирает большую часть европейских и азиатских стран (вопросы АЗЕС рассматриваются в данной работе далее).

Кроме того, на данном этапе может встать вопрос о том, какие организации или сети отвечают за операционную деятельность. Идея создания крупных новых организаций (наряду с действующими глобальными институтами (ООН, МФУ, G20)), а также сетей азиатских и европейских структур, может подвергаться возражениям по поводу расточительства и дублирования или подрыва значимости уже существующих глобальных структур. Поэтому данную идею нельзя рассматривать в краткосрочной перспективе. Более вероятные альтернативы могут включать **«Процесс становления евразийства»** и **«изменяемую геометрию»**.

«Процесс становления евразийства» может включать тщательно продуманные и взаимные инициативы нескольких европейских и азиатских организаций или форумов. При этом в вопросе о том, должна ли Европа идти на Восток или должна ли Азия идти на Запад - баланс может находиться где-то посередине, о чем более подробно рассказывается ниже. При этом Европа может быть представлена только Европейским союзом или Европейским союзом совместно с европейскими странами-членами G20, что позволяет избежать громоздких мероприятий с большим числом государств. Новые институциональные инициативы могут быть посвящены решению круга специализированных вопросов, которые лежат за рамками существующих ныне организаций.

Большая Евразия, таким образом, может столкнуться с проблемой бессвязности сетевой структуры, основанной на ряде специфических инициатив, базирующихся на формате **«изменяемой геометрии»**. Этот формат предполагает лишь частично совпадающий, изменяющийся состав членов этих инициатив. Еще одна особенность, вытекающая из

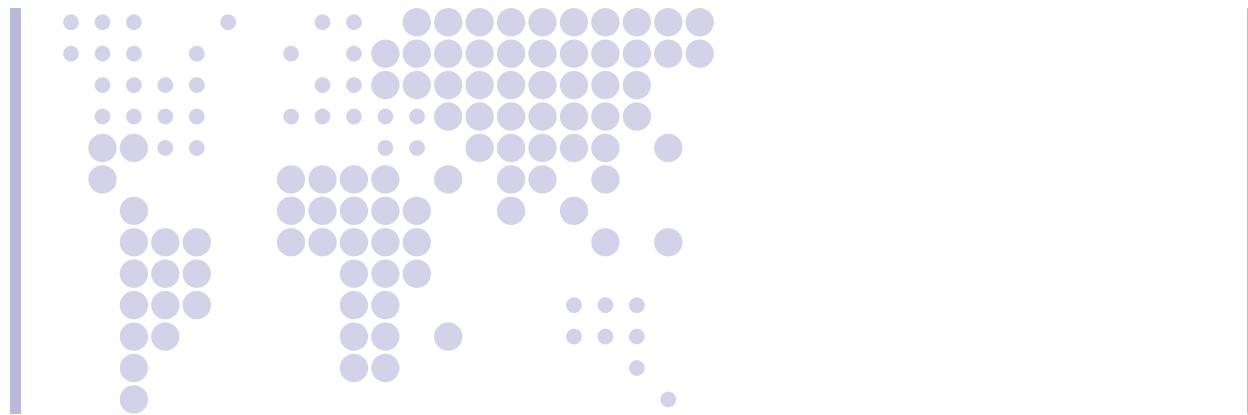
Вставка 1 | Краткие выводы о регионализме в Восточной и Юго-Восточной Азии

Экономические организации/соглашения	Политические, внешние стратегии и политика безопасности
АСЕАН (10) ставит своей целью трансформацию в Экономическое сообщество АСЕАН и создание единого рынка в 2015 году. Работа находится на стадии выполнения, на процесс может потребоваться больше времени	АСЕАН (10) и АСЕАН обороны (ВМОА-плюс)
АСЕАН+3 Китай, Корея, Япония заключили региональные двусторонние соглашения о свободной торговле с АСЕАН. Три страны в настоящее время обсуждают / ведут переговоры о соглашениях о свободной торговле друг с другом, однако решения еще не приняты	АСЕАН+3 , встречи на высшем уровне, идея интегрированного восточноазиатского сообщества
РВЭП (Региональное всестороннее экономическое партнерство) = АСЕАН+3, +3 (Австралия, Новая Зеландия, Индия). Страны заключили двусторонние соглашения о свободной торговле с АСЕАН, однако в настоящий момент ведут переговоры о заключении многостороннего и всеобъемлющего соглашения о свободной торговле, которое находится только на начальной стадии	ВАС (Восточноазиатский саммит) = АСЕАН+3, +3, +США, Россия. Кандидаты: ЕС и 5 других азиатских государств. Присоединение к КСС (Конвенция о согласии и содружестве) необходимо, однако это не является обязательным условием для ВАС
ТТП (Транстихоокеанское партнерство) «Качественные соглашения о свободной торговле», первые 4 - Сингапур, Новая Зеландия, Чили, Бруней, +США, Австралия, Перу, Вьетнам, Малайзия, + вскоре присоединятся Канада, Япония, Мексика	АРФ (Региональный форум АСЕАН) = ВАС + Канада, ЕС, Бангладеш, Пакистан, Монголия, Шри-Ланка, Папуа – Новая Гвинея, Тайвань. Цель - сотрудничества в области безопасности
АТЭС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество) (21) = АСЕАН (только 7), +3, +Австралия, Новая Зеландия, США, Канада, Россия, Тайвань, Гонконг, Перу, Мексика, Чили, Папуа-Новая Гвинея. Форум по продвижению бизнеса и региональной осведомленности	АЗЕС (Азиатско-европейское совещание) = ЕС, включая все государства-члены организации, АЗЕС+3, +3, + Россия, Пакистан, Монголия. Общий политический форум

принципа изменяемой геометрии, может заключаться в последовательном проведении в рамках одного мероприятия многочисленных встреч пересекающихся групп, особенно на высшем уровне, в интересах экономии времени и усилий (адептами этого принципа являются страны Восточной и Юго-Восточной Азии).

Уже проявляется ряд тенденций в этих направлениях. Европа и Азия сформировали концентрические круги типа «матрешка», которые соответствуют вышеуказанным характеристикам. Внешние круги этих структур естественно открыты для процесса становления евразийства.

Азиатской организацией с самой плотной интеграцией, несомненно, является АСЕАН. Численность населения десяти государств-членов организации составляет 600 млн. человек - больше, чем в ЕС или США, но меньше, чем в Китае. На сегодняшний день АСЕАН уже является многофункциональной организацией, осуществляющей деятельность на уровне министров по всему спектру государственных ведомств, в том числе взаимодействующей в вопросах обороны в рамках ВМОА и ВМОА-плюс (+ Китай). Еще один впечатляющий аспект АСЕАН заключается в способе управления организацией, который нацелен на расширение

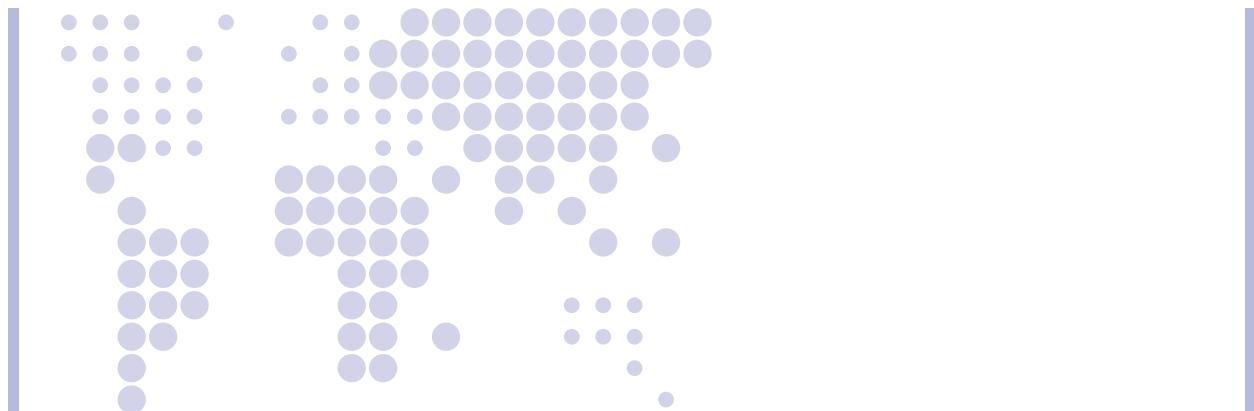
и углубление азиатских региональных инициатив. Эти действия символизируют готовность трех основных восточноазиатских держав – Китая, Кореи и Японии – собраться вместе под эгидой АСЕАН +3, организации, которая служит вдохновением для идеи о Большой Евразии +2. Расширение организации привело к созданию АСЕАН+6, включающей Австралию, Новую Зеландию и Индию в **Региональном всестороннем экономическом партнерстве (РВЭП)**, которое в настоящее время находится на стадии разработки.

В течение некоторого времени существовала идея трансформации АСЕАН+3 в восточноазиатское сообщество, то есть нечто гораздо большее, нежели торговая интеграция. Однако совсем недавно Восточноазиатский саммит (ВАС) взял на себя инициативу выступить в качестве ведущего политического форума по делам Азии и включил в свой состав не только АСЕАН +6, но еще двух полноправных участников – США и Россию. Этот саммит проводится наряду с саммитами АСЕАН.

Важнейший вопрос относительно Большой Евразии состоит в том, присоединиться ли ЕС к Восточноазиатскому саммиту. ЕС сделал предварительный шаг в этом направлении, присоединившись к Конвенции о согласии и сотрудничестве (КСС), рассматриваемой как необходимое, но не достаточное условие для присоединения к Восточноазиатскому саммиту. Второй шаг в этом направлении требует дальнейшего политического соглашения между существующими членами организации. Дипломатический и политический контекст предполагает, что Европейский союз должен оправдать свою значимость перед Восточноазиатским саммитом до принятия решения о его присоединении. Для АСЕАН представляют определенную ценность

квалификация и опыт ЕС по интеграции. В то же время ЕС является крупнейшим торговым партнером Китая. Также полезными являются положения Лиссабонского договора, который закрепил одного постоянного представителя ЕС по вопросам внешней политики, поскольку ВАС, несомненно, не захочет иметь в своем составе большое число представителей Европы. Однако более значимыми на сегодняшний момент представляются попытки долгосрочной рационализации торговых структур и наземных транспортных коридоров Большой Евразии, предложения для крупных научно-исследовательских и образовательных инициатив (см. ниже) и продвижение дебатов по поводу самой идеи Большой Евразии.

Однако Восточноазиатский саммит является не единственной большой и растущей группой. **Региональный форум АСЕАН (АРФ)** был инициирован в 1993 году Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в целях оказания содействия диалогу и укреплению доверия по вопросам политики и безопасности. Его нормативные принципы изложены в Конвенции о согласии и сотрудничестве (КСС), истоки которой фактически восходят еще к 1976 году (через год после принятия Заключительного Хельсинкского акта ОБСЕ). Таким образом, не случайно существует высокая степень общности между КСС и нормативными принципами Хельсинки (см. Приложение 6). Сегодня в состав АРФ входят все государства АСЕАН+6, а также Россия, США, Канада. ЕС имеет статус продвинутого наблюдателя. Называемая иногда азиатской ОБСЕ, АРФ имеет штаб-квартиру в Джакарте, также как секретариат АСЕАН. Для Большой Евразии укрепление полноправного членства ЕС было бы оправданным шагом.

Вставка 2 | Предложения по совершенствованию АЗЕС

- 1. Необходимо создать постоянный секретариат** для обеспечения самостоятельности процесса и для создания идей для новых инициатив. Этот секретариат может располагаться в Сингапуре на основе существующего Азиатско-европейского фонда, который является единственной институциональной структурой АЗЕС. Также он может иметь центральное расположение, например, находиться в Дели.
- 2. Необходимо менять характер конечных результатов**, начиная с очередного саммита в 2014 году в Брюсселе. Меньше времени и усилий должно затрачиваться на составление чрезвычайно долгих и часто банальных выводов, а вместо этого основной акцент должен делаться на оперативные инициативы.
- 3. Темой следующего саммита необходимо обозначить «Взаимосвязанность Большой Евразии»** с акцентом на решение оперативных вопросов относительно наземных перевозок и взаимосвязанности ИТ, а также угроз безопасности (наркотики, торговля людьми, нелегальная миграция, трансграничный терроризм). В этих целях необходимо участие Центральной Азии. А Казахстан, как минимум, может быть приглашен в качестве специального гостя с учетом его центрального места на карте Большой Евразии.
- 4. Необходимо использовать более гибкий и компактный формат, ограничивая обращение к пленарным заседаниям, на которые собираются более 50 сторон.** Например, многие конкретные проекты могут быть ограничены более узким кругом наиболее заинтересованных сторон. Действия в этом направлении уже ведутся, однако их необходимо усиливать в соответствие с ростом операционной деятельности. Члены G20 Большой Евразии могут иметь дополнительные встречи, наряду с регулярными мероприятиями G20, для разработки идей, которые выносятся на рассмотрение АЗЕС.
- 5. Необходимо существенно увеличить европейское и азиатское финансирование совместных исследований и образовательных инициатив.** Нужно опираться на функции Азиатско-европейского фонда, который должен выполнять конкретные, а не номинальные задачи. Европейское финансирование может быть получено вследствие переориентации некоторых текущих программ ЕС в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, которые заключаются в нисходящем продвижении европейских ценностей. Настало время для более горизонтального совместного подхода к вопросам, представляющим взаимный интерес.
- 6. Необходимо переименовать реструктурированное АЗЕС в Совещание Большой Евразии (СБЕ),** где в качестве основополагающего документа будет принята Хартия Большой Евразии.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) является более ранним форумом, созданным в 1989 году. Его цель заключается в ускорении экономической интеграции, инициированной Австралией и поддержанной всеми сегодняшними членами АСЕАН +6, а также восточно-тихоокеанскими государствами Америки. Помимо ежегодного саммита, АТЭС с помощью секретариата,

расположенного в Сингапуре, организует большое количество рабочих групп, посвященных экономическим вопросам и проблемам бизнеса. В 2004 году целью сотрудничества стало расширение открытой торговли и инвестиционных потоков для индустриальных стран к 2010 году и для развивающихся стран к 2020 году. Позже в 2006 году была выдвинута идея о создании

Зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЗСТАТ). Однако этот план не реализовался, в отличие от других успешных региональных инициатив.

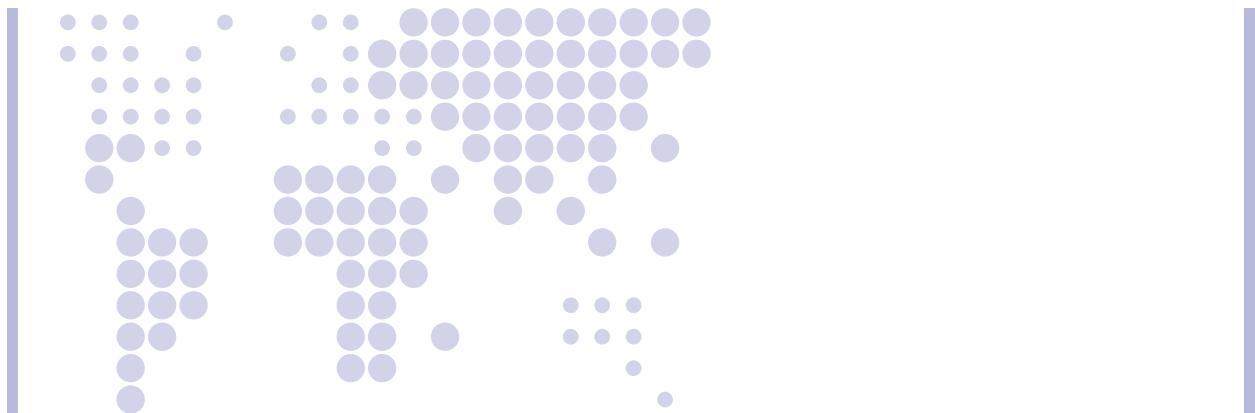
В частности, с 2010 года велись активные переговоры о **Транстихоокеанском партнерстве (ТТП)**, основанном на соглашениях о свободной торговле «высокого качества», заключенных в 2005 году только четырьмя странами Азиатско-Тихоокеанского региона: Сингапуром, Новой Зеландией, Чили и Брунеем. После довольно скромного начала инициатива усилила стратегические позиции, благодаря присоединению Австралии, Чили, Канады, Малайзии, Мексики, Перу и США. Для США это стало важным экономический шагом в «повороте страны к Азии». Однако ключевые вопросы в данной области затрагивают Китай, Японию и Корею, среди которых только Япония выражает явный интерес к присоединению. Станет ли эта инициатива партнерством «всех, кроме Китая», или же Китай, также как и Корея, присоединится к нему? На эти вопросы с неявными geopolитическими нотками, по-видимому, ответов нет.

Азиатско-европейское совещание (АЗЕС) ближе всего по степени охвата подходит к Большой Евразии. Членами совещания являются Европейский союз и все его государства-члены, Россия и почти все страны Азии, за исключением Средней Азии и Ирана. Совещание включает также Австралию и Новую Зеландию. Удивительно, что в его состав не входит Турция. В настоящее время Норвегия и Швейцария предпринимают попытки к присоединению к организации. АЗЕС собирается раз в два года на высшем уровне в составе 51 национальной делегации, а также ЕС и АСЕАН. Формирование основных вопросов и заключительных деклараций, как правило,

происходит под руководством представителей ЕС. Однако также имеется координационная структура 2+2, то есть по две группы от каждой стороны. Поскольку АЗЕС имеет формат, который может послужить основой для внедрения масштабных инициатив на уровне Большой Евразии, некоторые подробности того, как это может быть сделано, описаны во вставке 2.

Несколько организаций Европы могли бы сыграть важную роль в процессе формирования евразийства, хотя и в ограниченной степени. ОЭСР давно отказалась от изначальной европейской миссии в пользу глобальной миссии служения наиболее экономически развитым странам мира, к которым, помимо Северной Америки и Австралазии, относятся еще и Япония, Корея и Мексика. Вот уже в течение нескольких лет вступление России находится на стадии подготовки. На своем последнем ежегодном совещании министров представители Китая, Индонезии и Индии были приглашены в качестве основных партнеров, что может привести к их полноправному членству в установленном порядке. Казахстан подал заявку на членство. Организация уже имеет региональную программу по Юго-Восточной Азии. Другая программа нацелена на решение проблем мегаполисов, большинство из которых находится в Азии. В целом, ОЭСР может сконцентрировать внимание на Большой Евразии.

Энергетическая Хартия, несмотря на довольно узкоспециализированные функции, проявляет значительный и возрастающий интерес к формированию евразийства. Хартия появилась в начале постсоветского периода в качестве попытки объединить ЕС и Россию в определенных секторах экономики. Созданию Хартии способствовал пример Европейского Объединения угля и стали, основанного после

Второй мировой войны. С самого начала в Хартию были включены все страны Европы и постсоветского пространства, а также Монголия, Япония и Австралия. В то же время Китай и арабские страны Персидского залива выступали в качестве азиатских наблюдателей. Развитие организации затруднялось тем, что Россия не ратифицировала Договор об Энергетической Хартии. Тем не менее в 2009 году организация утвердила Дорожную карту для своей «экспансии, пропаганды и консолидации». В 2013 году Афганистан присоединился к организации в качестве полноправного члена. То же самое пытается сделать и Пакистан. Китай становится все более активным наблюдателем. В настоящее время рассматривается возможный пересмотр документа Хартии (но не Договора) с целью удаления ставшего неуместным пункта о «европейском языке» организации. Это сделает организацию более привлекательной для азиатских государств. Реструктуризация организации с целью более полного охвата территории Большой Евразии проявляется в расширенном пленарном членстве Китая, Индии, Кореи, Индонезии и стран Персидского залива.

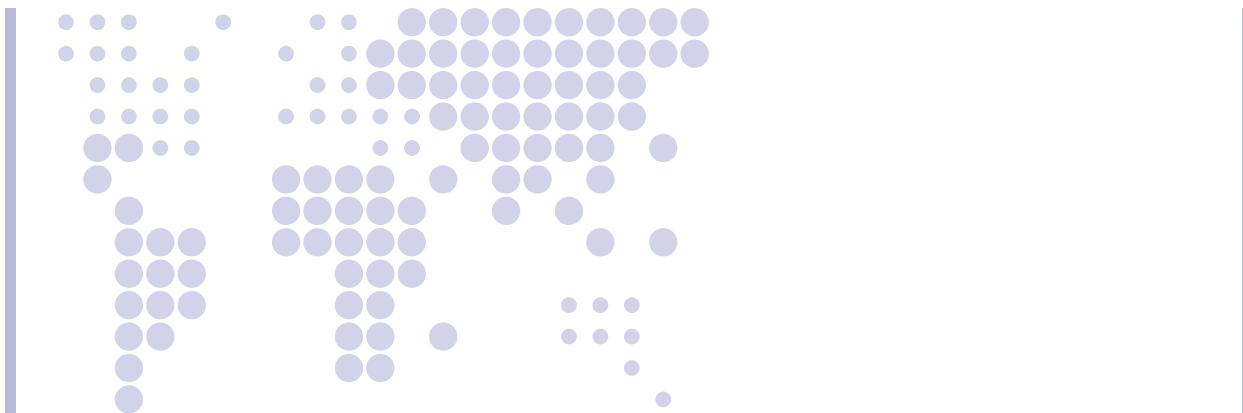
Как уже отмечалось выше, существует высокая степень общности между **ОБСЕ** с Хельсинкскими принципами и Региональным форумом АСЕАН и принципами Конвенции о согласии и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (КСС). ОБСЕ уже является евразийской организацией, поскольку включает в себя все страны Центральной Азии. Гипотетически можно было бы обсудить слияние этих двух организаций. Но так как и ОБСЕ, и Региональный форум АСЕАН довольно обширны в своем членстве и достаточно слабы в реальном влиянии, это пока не целесообразно. Однако между этими двумя организациями вполне можно развить

структурированное сотрудничество, особенно в вопросах безопасности на территории Афганистана после 2014 года. Забегая на шаг вперед, можно даже предположить, что Афганистану будет предложено присоединиться к ОБСЕ.

Совет Европы охватывает территорию до Владивостока, но не включает в себя государства Центральной Азии. Тем не менее, Казахстан выражает все больший интерес к политике в области прав человека и может стать кандидатом на ассоциированные отношения с Советом Европы, чей Суд по правам человека имеет уникальный опыт в разработке юриспруденции и прецедентного права в области прав человека на международном уровне. Новая инициатива в Азии появилась в 2009 году с созданием Межправительственной комиссии АСЕАН по правам человека (МКАПЧ), что привело к принятию в ноябре 2012 года Декларации АСЕАН по правам человека. До сих пор это может быть лишь началом, однако эта декларация обеспечивает основу для прогресса, исходя из происходящих изменений в Мьянме. На сегодняшний день можно было бы разработать программу сотрудничества между МКАПЧ и Советом Европы и его Судом по правам человека.

Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН) вносит свой вклад в расширение европейских норм для наземного транспорта в Центральной Азии и в Азии в целом, несмотря на то, что является организацией с малым количеством функций. В декабре 2013 года организация торжественно откроет первый Европейско-азиатский форум безопасности дорожного движения в Дели.

Возвращаясь к организациям Азии, необходимо рассмотреть **Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)**, штаб-квартира

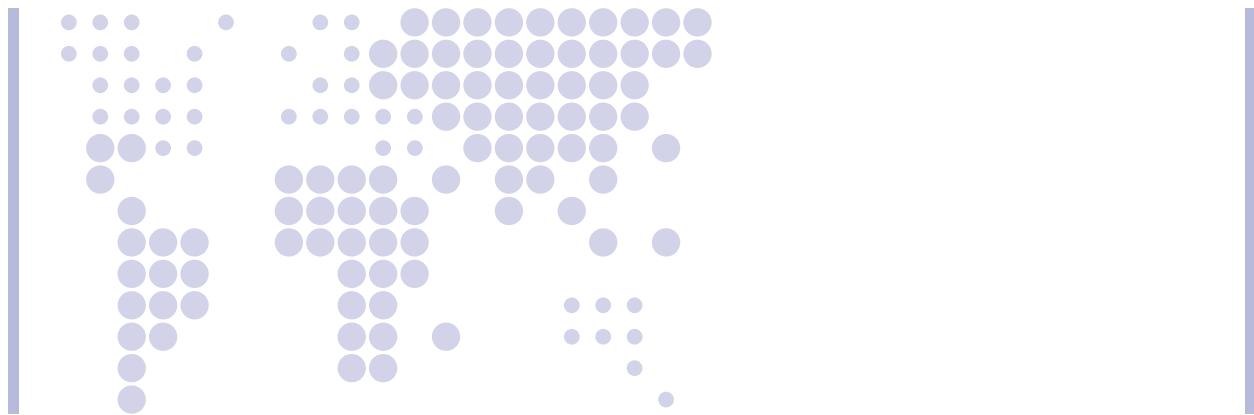
которой на самом деле находится в Пекине (а не в Шанхае). Действительными членами организации являются только Китай, Россия и пять центральноазиатских государств, однако к ее наблюдателям и партнерам относятся Индия, Пакистан, Монголия, Иран, Афганистан, Шри-Ланка, Беларусь и недавно присоединившаяся Турция. Основной вопрос заключается в том, следует ли ШОС сосредоточиться на своей изначальной роли в качестве китайско-российской договоренности с Центральной Азией, или же следует расширить свои функции в качестве более обширной евразийской организации безопасности. Значительное увеличение количества членов-наблюдателей и партнеров по диалогу предполагает последнее. В этом случае для всех наблюдателей и партнеров следующим шагом может стать полноправное членство в организации, а для стран Центральной Азии – включение Афганистана. Приоритетные направления организации в отношении Афганистана после 2014 года будут включать в себя как риски для безопасности, так и возможности для создания связей север-юг, а также восток-запад. Тогда ЕС может также стать наблюдателем этой новой ШОС, а позже, когда геополитическая обстановка будет благоприятствовать, стать полноправным членом организации.

Во многом совпадающая с идеей возможной эволюцией ШОС, с 2011 года существует неформальная группа по вопросам Афганистана после 2014 года, известная как **Стамбульский процесс или Сердце Азии** – после третьего совещания министров под председательством Казахстана в городе Астана в апреле 2013 года. Ее состав является примером традиционной «Евразийской» концепции, в которой Россия и Турция дополняют все азиатские государства наряду с Афганистаном, но без европейского участия. США, ЕС и семь стран-членов ЕС заявили

о своей «поддержке» этому процессу. Если ее деятельность окажется эффективной, целью группы вполне может стать проектирование Большой Евразии +2.

Сотрудничество в Арктике. С момента своего создания в 1996 году Арктический совет укрепился институционально, и теперь постоянный секретариат располагается в Норвегии. Наряду с этим растет осознание проблем региона и возможностей в сферах морского транспорта, энергетики и окружающей среды. В состав организации входят Северные государства, Канада, Россия и США, а число государств-наблюдателей постоянно увеличивается. В мае 2013 года Совет принял шесть новых неарктических государств Большой Евразии в качестве постоянных наблюдателей: Китай, Индию, Италию, Японию, Корею и Сингапур в дополнение к 7 другим странам ЕС. Таким образом, организация также включает в себя контуры Большой Евразии +2.

Исследования, аналитические центры, образование. Многие фундаментальные долгосрочные политические, экономические и социальные вопросы, которые обсуждались выше, еще не сформировались для осуществления непосредственных политических шагов. Но эти вопросы подходят для совместных исследований, предпринимаемых учеными-обществоведами на всей территории Большой Евразии. Эти вопросы доводятся до ума заранее, до обсуждения на уровне официальных лиц, которые неизбежно связаны статусом-кво. В 2003 году АСЕАН+3 предложил создать **Сеть восточноазиатских научно-исследовательских центров (СВАНЦ)** в целях содействия региональной экономической интеграции. В 2007 году на Восточноазиатском саммите был создан **Институт экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии (ERIA)**

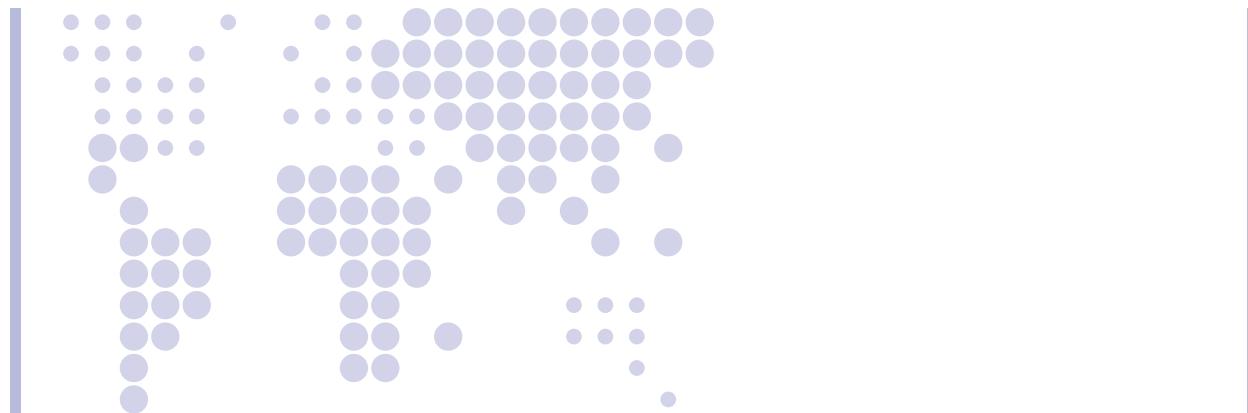

на более обширной основе АСЕАН +6 (то есть, с учетом Австралии, Новой Зеландии и Индии), который связан с сетью 16 национальных исследовательских институтов. Целью этих институтов является проведение исследований и дипломатия. Эти сети являются аналогом **Сети европейских политик и институтов – СЕПИ**, которая объединяет 35 мозговых центров Европейского союза.

Привлечение научных кругов образовательных программ со всей Большой Евразии следует рассматривать как шаг на пути к большей нормативной конвергенции. Если сегодняшние доктора социальных наук будут проводить свои исследования в космополитической академической среде Большой Евразии, то завтрашие лидеры смогут добиться успеха на пути к гармонии по важнейшим вопросам политики и безопасности. В этом направлении АЗЕС уже сделало небольшой шаг посредством создания **Азиатско-европейского фонда** со штаб-квартирой в Сингапуре, который отвечает за проекты в экономической, политической, образовательной и культурной областях и финансируется за счет добровольных взносов из Европы и Азии. Сумма взносов в настоящее время составляет около 3 млн. евро в год. Круг вопросов, которые решает фонд, является отличной основой для более серьезной стратегической инициативы. Однако перед фондом стоит вопрос масштаба действий: должен ли Фонд иметь номинальный характер действий как в настоящее время, или же иметь стратегическое значение в долгосрочной перспективе? Опыт ЕС в создании сообщества континентальных исследований в Европе предоставляет некоторые ориентиры. Исследовательская программа ЕС в настоящее время имеет бюджет в 7 млрд. евро в год и охватывает как общественные, так и естественные науки. Требованием для отбора

проектов является принадлежность заявителей к многонациональным консорциумам, которые в течение нескольких десятилетий проводили не национальные европейские исследования и программы, а развивали интегрированное европейское научное сообщество. Если ставить целью создание научно-исследовательского сообщества Большой Евразии в течение двух-трех десятилетий, тогда необходимо начать работу с обеспечения финансирования в размере сотен миллионов евро в год в эту область. Должен быть создан научно-исследовательский центр Большой Евразии, но он должен исключать риски создания монополизированных структур. Основной урок, который можно извлечь из опыта ЕС, заключается в поддержании конкуренции между различными сетями и научно-исследовательскими консорциумами на основе тендеров на проекты, а не путем создания монопольных сетевых структур.

В области образовательных инициатив за последние десятилетия уже было сделано многое. В частности, инициативы Китая были направлены на получение высшего образования и проведение разработок в университетах США. Для создания инициативы на уровне Большой Евразии необходимо учитывать опыт программы Эрасмус. В настоящее время нормой в ЕС для студентов вузов является проведение одного года обучения за рубежом. Сейчас по программе Эрасмус обучается 230 000 студентов в год вдали от дома в 33 странах и в 4000 университетах-партнерах, а бюджетная стоимость программы составляет около 450 млн. евро. Похожая программа Эрасмус Мундус расширяет модель, включая неевропейские страны, но в относительно небольших масштабах.

Финансирование и развитие инфраструктуры.

На всей территории Большой Евразии имеется четыре ключевых игрока, занимающихся финансированием инфраструктуры – Европейский инвестиционный банк со штаб-квартирой в Люксембурге, Европейский банк реконструкции и развития в Лондоне, Азиатский банк развития со штаб-квартирой в Маниле, Евразийский банк развития со штаб-квартирой в Алматы, а также Всемирный банк, который зачастую присоединяется к каждому из этих банков в качестве партнера. Между этими банками происходит координация, однако они могут быть более эффективно структурированы. Тем не менее, для этого банкам придется преодолеть ряд важных меж- и внутри-институциональных барьеров с целью поддержания интеграции в рамках Большой Евразии.

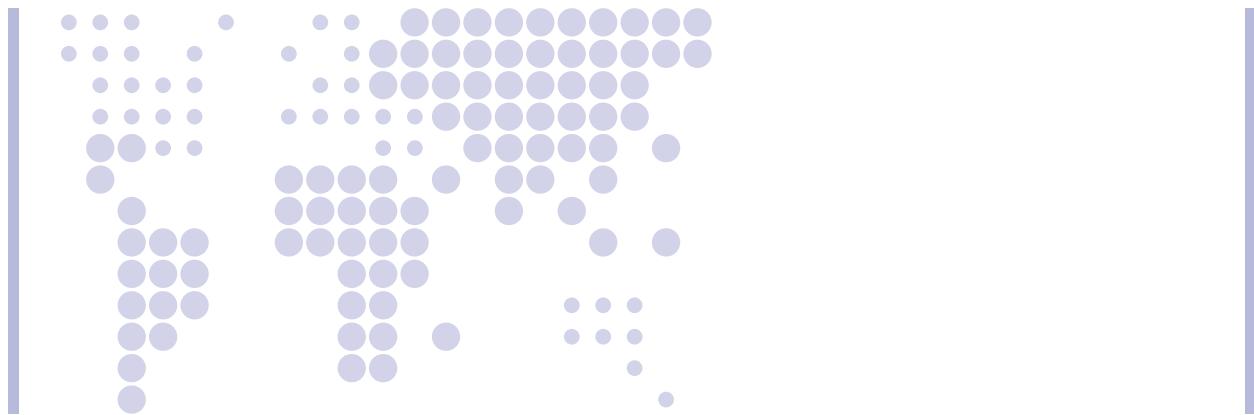
Лидерство? В рамках дискуссии по вопросам евразийской интеграции могут рассматриваться аргументы в пользу одной лидерской группы. Хотя любая формализация таких групп может столкнуться с возражениями со стороны исключенных государств. Единственной формулой, которая позволит создать такие структуры, может стать формирование совместной группы членов G20 Большой Евразии с 5-тью азиатскими государствами (Китай, Индия, Индонезия, Япония и Корея), 2-мя евразийскими государствами (Россия и Турция) и ЕС с его четырьмя государствами-членами G20 (Германия, Франция, Великобритания, Италия). В этой связи могут потребоваться дополнительные встречи, помимо полноценных встреч G20. Пункты повестки дня этих суженных встреч будут более актуальны для этой группы, нежели для пленарного заседания G20. Такие пункты повестки дня не так уж и трудно себе представить. Они могут включать в себя, например, рационализацию

зон преференциальной торговли и основных наземных транспортных коридоров в районе Большой Евразии, а также другие крупные инициативы в таких областях, как образование и научные исследования, а также более сложные политические вопросы и проблемы безопасности.

Заключение

Обоснование концепции Большой Евразии основывается на реалиях усиления связей между странами. Эти связи способствуют физическому движению как положительных, так и отрицательных явлений – торговли, туризма, миграции, наркотиков, пандемии, преступности и террора. Для управления этими процессами необходимо коллективное участие всех стран Большой Евразии. Но, кроме того, государства и народы Большой Евразии должны задумываться об основных долгосрочных задачах политического, экономического и социального характера. Перечень этих вопросов включает проблемы многополярности и многосторонних отношений, государственного суверенитета, международного права и постмодернизма, создания сообщества безопасности, перехода стран к развитой экономике, эволюции политических режимов, вплоть до философии жизни и духовности.

Для того, чтобы найти способ организации работы на уровне Большой Евразии, необходимо адаптировать любые предложения к реалиям действующих структур, которые включают интеграционные объединения в Европе и Азии, а также межконтинентальные евроатлантические и азиатско-тихоокеанские структуры. Интеграция в рамках Большой Евразии является недостающим элементом работы этих быстро развивающихся структур. Однако, создание новой большой

структуры, дублирующей или соперничающей с действующими многосторонними и региональными организациями, вряд ли получит одобрение. С этой точки зрения предпочтительным является эволюционный подход, в котором некоторые действующие европейские и азиатские организации будут избирательно трансформироваться в части поддержки евразийства и еще большей открытости. Этот процесс уже заметен, хотя он требует дальнейшей поддержки и развития. Таким образом, новая модель евразийства может стать чем-то большим, нежели просто одной из организаций. Пролиферирующие инициативы по расширению и углублению азиатского регионализма, несомненно, будут призывать к некоторой консолидации и рационализации, а обеспечение будущего места Большой Евразии может стать частью этого процесса.

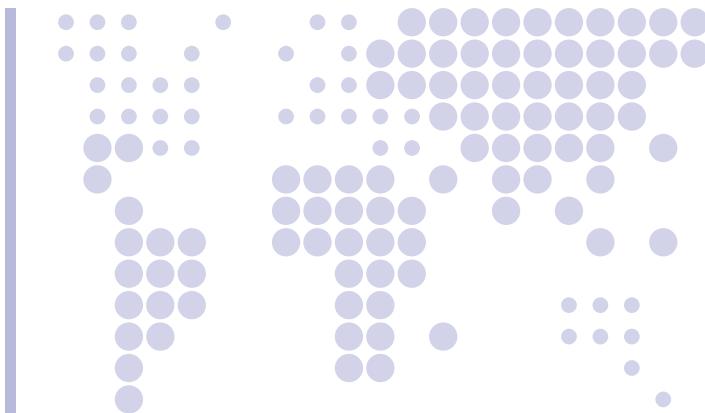
Выводами из настоящей работы стали несколько вопросов, имеющих стратегическое значение для постепенной интеграции обширной территории Большой Евразии. Поскольку ключевой вопрос состоит в том, каким образом Европейский союз может прийти к согласию с быстро развивающейся и интегрирующейся Азией, особая ответственность возлагается на соответствующие инициативы самого ЕС.

Азиатско-европейское совещание (АЗЕС) является форумом, охватывающим большинство стран Большой Евразии. Совещание нуждается в серьезном пересмотре. В этих целях необходимо предпринять совместные, нежели чрезмерно зависимые от ЕС, усилия. В этой связи ЕС может согласиться на создание совместного с Азией секретариата. Затем АЗЕС должно сконцентрироваться на более конкретных действиях, а не на длительных переговорах относительно различных

деклараций. Организация должна определить приоритетные в обозримом будущем вопросы взаимосвязи всех стран Большой Евразии. В соответствии с этим приоритетом страны Центральной Азии должны быть включены в состав АЗЕС. Особенно это актуально для Казахстана, с учетом занимаемого им места в самом центре континента. Также необходимо существенно увеличить как европейское, так и азиатское финансирование совместных исследований и образовательных инициатив, в том числе, по долгосрочным вопросам.

АСЕАН стремится вывести интеграционные процессы на качественно новый уровень уже в следующем году. Эта инициатива получит название Экономического сообщества АСЕАН. По завершении инициативы необходимо будет заключить региональное соглашение о свободной торговле между АСЕАН и ЕС с целью принятия двусторонних инициатив. ЕС также должен активизировать свое участие в других азиатских региональных форумах, для которых вышеуказанные действия стали бы своего рода реабилитацией.

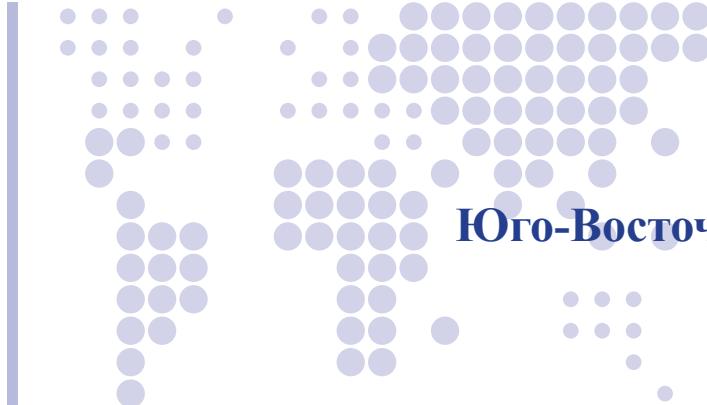
Россия, активно участвуя во многих азиатских политических инициативах, является единственной крупной страной, которая не открывает свою экономику для Евразийской зоны свободной торговли. Исключение составляет предлагаемый Евразийский союз, который, однако, является лишь небольшим проектом с экономической точки зрения. Тем не менее, существует концепция, обозначенная президентом В. Путиным, которая получила название Единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Возможно, со временем это пространство будет создано, однако сейчас прогресс по этому вопросу отсутствует. В результате, внутренняя

модернизация России также зачастую ставится под сомнение.

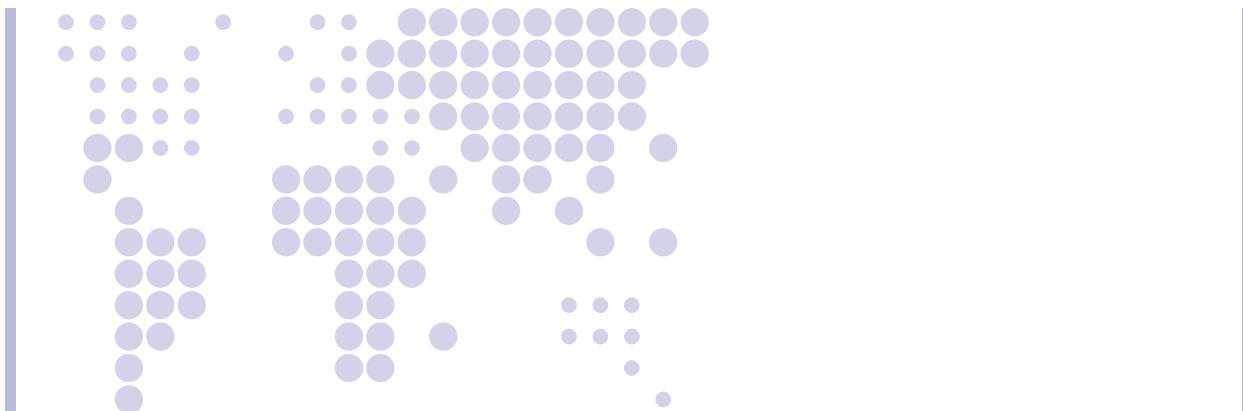
Доверие является необходимым условием интеграции на всей территории Большой Евразии. В этом вопросе важную роль играет Китай, поскольку его внешняя политика в течение долгого времени проводилась под лозунгом «гармоничного подъема». Процесс экономического развития Китая высоко оценивается экспертами за скорость и эффективность. Это должно быть очевидно и для стран Центральной Азии, которые также развиваются крупные инфраструктурные проекты. Однако, репутация «гармоничного подъема Китая» в настоящее время запятнана из-за силовых действий в отношении морских границ. Эта проблема усугубляется все более жесткой политикой со стороны Японии. Китаю пошло бы на пользу осознание руководством страны необходимости ослабления напряженности путем широкого использования механизмов международного права, поддержки политических актов примирения, которые могли бы привлечь и Японию. Прогресс в решении этих вопросов может дать положительный резонанс за пределами китайских морей, а также станет сильным стимулом укрепления доверия на всей территории Большой Евразии.

Необходимо запустить процесс создания Большой Евразии учредительным документом, который, вероятно, может называться Хартией Большой Евразии. Этот документ будет иметь всеобъемлющую нормативную основу и видение долгосрочных целей. Следующий саммит АЗЕС, который пройдет в 2014 году, может стать отличным поводом для начала этого процесса.

Приложение 1: Круги Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии

	АСЕАН	АСЕАН + 3,+3, РВЭП	АРФ	АТЭС	ТТП	ЮААРС	КСС/ ВАС
Бруней	X	X	X	X	X		X
Камбоджа	X	X	X	X			X
Индонезия	X	X	X	X			X
Лаос	X	X	X	X			X
Малайзия	X	X	X	X	X		X
Мьянма	X	X	X	X			X
Филиппины	X	X	X	X			X
Сингапур	X	X	X	X	X		X
Таиланд	X	X	X	X			X
Вьетнам	x	X	X	X	X		X
Китай		X	X	X			X
Гонконг				X			
Тайвань				X			
Япония		X	X	X	*		X
Корея (Ю)		X	X	X			X
Монголия			X	X			*
Корея (С)			X	X			
Папуа – Новая Гвинея			X	X			
Восточный Тимор			X	X			
Индия		X	X	X		X	X
Афганистан							X
Бангладеш							X
Бутан							X
Мальдивы							X
Непал							X
Шри-Ланка							X
Пакистан			X	X		X	*
Россия			X	X			X

	АСЕАН	АСЕАН + 3,+3, РВЭП	АРФ	АТЭС	ТТП	ЮААРС	KCC/ BAC
Австралия		X	X	X			X
Новая Зеландия		X	X	X	X		X
Канада			X	X			
США			X	X	X		
Чили				X	X		
Перу				X			
ЕС			X				*

* переговоры ведутся по поводу вступления

АСЕАН Ассоциация государств Юго-Восточной Азии

АСЕАН + 3 Китай, Корея, Япония, +3 ... Индия, Австралия, Новая Зеландия

АРФ Региональный форум АСЕАН

РВЭП Региональный всесторонний экономический процесс

АТЭС Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество

ТТП Транстихоокеанское партнерство

KCC, BAC Конвенция о согласии и сотрудничестве, Восточноазиатский форум

ЮААРС Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии

Приложение 2: Российский, Центрально-Азиатский и Евразийский круги

	Таможенный союз	ЕврАзЭС	ОДКБ	СНГ	ШОС	Стамбульский процесс
Россия	X	X	X	X	X	X
Беларусь	X	X	X	X	*	
Казахстан	X	X	X	X	X	X
Кыргызстан	*	X	X	X	X	X
Таджикистан		X	X	X	X	X
Туркменистан				*	X	X
Узбекистан				X	X	X
Армения		*		X		
Грузия						
Молдова		*		X		
Украина		*		X		
Турция					*	X
Китай					X	X
Индия					*	X
Пакистан					*	X
Иран					*	X
Азербайджан						X
Саудовская Аравия						X
Объединенные Арабские Эмираты						X

* означает неполное членство (наблюдатель или партнер) или неполную ратификацию, или же нахождение на стадии переговоров

ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество

ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности

СНГ – Содружество независимых государств

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

Приложение 3: Европейские круги

	ЕС	ЕЭЗ + СН	Расширение/ Перспективы членства	ЕПД Юг & Восток	Совет Европы	ОБСЕ	Стратегия Центральной Азии
ЕС 27	X	X			X	X	X
Норвегия		X			X	X	
Лихтенштейн		X			X	X	
Исландия		X	X		X	X	
Швейцария		X			X	X	
Хорватия			X		X	X	
Турция			X		X	X	
Черногория			X		X	X	
Македония			X		X	X	
Сербия			X		X	X	
Албания			X		X	X	
Босния			X		X	X	
Косово			X				
Алжир				X			
Египет					X		
Израиль					X		
Иордания					X		
Ливан					X		
Ливия					X		
Марокко					X		
Палестина					X		
Сирия					X		
Тунис					X		
Азербайджан				X	X	X	
Армения				X	X	X	
Беларусь				X	X	X	
Грузия				X	X	X	

	ЕС	ЕЭЗ + СН	Расширение/ Перспективы членства	ЕПД Юг & Восток	Совет Европы	ОБСЕ	Стратегия Центральной Азии
Молдова				X	X	X	
Украина				x	X	X	
Россия					X	X	
Казахстан						X	X
Киргизстан						X	X
Таджикистан						X	X
Туркменистан						X	X
Узбекистан						X	X
США						X	

ЕЭЗ – Европейская экономическая зона

ЕПД – Европейская политика добрососедства

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

Приложение 4:
Государства Большой Евразии среди
топ-12 государств по показателям населения, площади
занимаемой территории или ВВП,
а также их политические режимы

Регион/Страна		Демократия	Полудемократия	Не демократия
Азия				
1.	Китай			7
2.	Индия	2		
3.	Индонезия	2		
4.	Пакистан		4	
5.	Бангладеш		3	
6.	Япония	1		
7.	Вьетнам
8.	Филиппины		3	
9.	Иран			6
10.	Монголия	1		
11.	Мьянма
12.	Афганистан			6
13.	Корея	1		
14.	Таиланд			
15.	Узбекистан			7
16.	Малайзия		4	
17.	Сингапур		4	
Евразия				
18.	Россия			6
19.	Турция		3	
20.	Казахстан			6
Европа				
21.	Германия	1		
22.	Франция	1		
23.	Великобритания ¹	1		
24.	Италия	2		
25.	Испания	1		
26.	Украина		4	

Выделено 12 государств плюс ЕС, которые являются членами организации G20.
Источник демократических рейтингов, «Freedom House»

Приложение 5:

Мегаполисы Большой Евразии

Мегаполис	Континент	Население	Ежегодный рост
Токио	Азия	35,682,460	0.60%
Джакарта	Азия	28,019,545	2.20%
Сеул	Азия	25,600,000	1.40%
Шанхай	Азия	25,300,000	2.20%
Карачи	Азия	23,500,000	4.90%
Дели	Азия	23,000,000	4.60%
Мумбаи	Азия	20,800,000	2.90%
Манила	Азия	20,700,000	2.50%
Осака	Азия	16,800,000	0.15%
Пекин	Азия	16,400,000	2.70%
Колката	Азия	15,700,000	2.00%
Дакка	Азия	14,000,000	4.10%
Бангкок	Азия	13,800,000	0.90%
Тегеран	Азия	13,500,000	2.60%
Гуанчжоу	Азия	12,700,800	4.00%
Лахор	Азия	12,500,000	2.00%
Стамбул	Евразия	13,850,000	2.80%
Москва	Европа	16,200,000	0.20%
Лондон	Европа	12,600,000	0.70%
Париж	Европа	10,600,000	1.00%

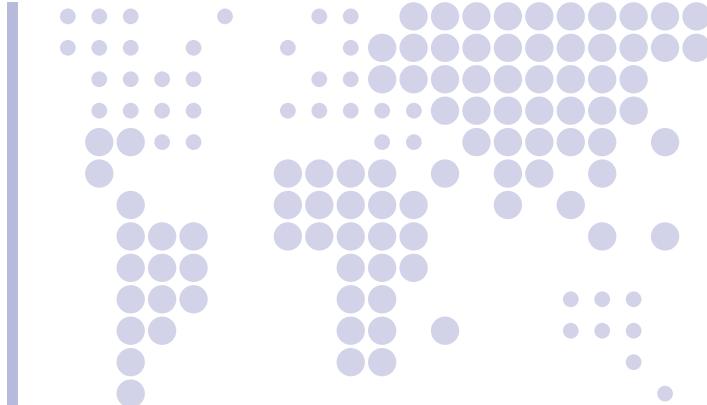
Приложение 6: Основные принципы Заключительного Хельсинкского акта ОБСЕ и Конвенции о согласии и сотрудничества

Основные принципы Хельсинкского акта, 1975 г.

1. Суверенное равенство
2. Воздержание от угроз или использования силы
3. Нерушимость границ
4. ТERRиториальная целостность государств
5. Мирное урегулирование споров
6. Невмешательство во внутренние дела
7. Уважение прав человека и основных свобод
8. Равноправие и самоопределение народов
9. Сотрудничество между государствами
10. Исполнение обязательств по международному праву

Конвенция о согласии и сотрудничестве, 1976 г., основные принципы

1. Взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной самобытности всех государств
2. Право каждого государства вести свое национальное существование без вмешательства извне, диверсий или принуждения
3. Невмешательство во внутренние дела друг друга
4. Урегулирование разногласий или споров мирными средствами
5. Отказ от угроз или использования силы
6. Эффективное сотрудничество между собой

Библиография

Карл Дойч, Политическое сообщество и Североатлантический регион – международная организация в свете исторического опыта, Принстон, 1957 г.

Фрэнсис Фукуяма, Конец истории и последний человек, Пингвин, 1992 г.

Джон Грей, Войны - вопросы поздней современной политической мысли, правительственное издательство, 1997 г.

Марлен Лорель, Российское евразийство – идеология империи, пресс-центр Вудро Уилсона, 2008 г.

Александр Либман и Евгений Винокуров, Сохранение регионализма: двадцать лет постсоветской интеграции, Palgrave Macmillan, 2012 г.

Йоханнес Линн и Дэвид Темкин, Экономическая интеграция Евразии: возможности и проблемы глобального значения, в работе Андерса Ослунда и Марека Домбровского и др., Европа после расширения, издательство Кембриджского университета, 2007 г.

Джон Миршаймер, Трагедия политики великих держав, Нортон, 2001 г.

Елена Ригнер и Фредрик Содербаум, Картографирование интер-регионализма, рабочий документ ЕС-ГРАСП № 4, февраль 2012 г.

Ширли Скотт, Международное право в мировой политике, Реннер, 2010 г.

Дмитрий Тренин, Конец Евразии: Россия на границе между geopolитикой и глобализацией, Московский центр Карнеги, 2001 г.

Дмитрий Тренин, Постимперия: евразийская история, Московский центр Карнеги, 2011 г.

Евгений Винокуров и Александр Либман, Евразийская интеграция – вызовы трансконтинентального регионализма, Palgrave Macmillan, 2012 г.

Евгений Винокуров, «Развивающаяся евразийская континентальная интеграция: торговля, инвестиции и инфраструктура», рабочий документ для Форума развивающихся рынков, Астана, сентябрь 2013 года.

